

К. К. ХУДОЛЕЙ

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ
БОРЬБА 1970-1974 гг.
В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

WORKERS PARTY INTER OMNES GENTES

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

К. К. ХУДОЛЕИ

**ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ
БОРЬБА
В ВЕЛИКОБРИТАНИИ
(1970—1974 гг.)**

Ленинград
Издательство Ленинградского университета
1984

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета университета*

Монография является первым обобщающим исследованием внутривнутриполитической борьбы в Великобритании в 1970—1974 гг. В ней рассматривается политика консервативного правительства Э. Хита, направленная на усиление власти монополистического капитала, ограничение демократии, наступление на социально-экономические права и жизненный уровень трудящихся в условиях углубления общего кризиса капитализма. Показывается сопротивление народных масс, обусловившее падение правительства.

Книга рассчитана на научных работников, преподавателей общественных наук, лекторов, пропагандистов.

Рецензенты: д-р ист. наук *С. И. Ворошилов* (Ленингр. ун-т), канд. ист. наук *Э. Н. Матюнин* (Ленинградская Высшая парт. школа)

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап мирового развития характеризуется дальнейшим углублением общего кризиса капитализма как общественной системы. «Империализм, — отмечалось на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, — запутался во внутренних и межгосударственных антагонизмах, потрясениях, конфликтах. Это глубоко, но по-разному сказывается на политике капиталистических стран».¹ Тяжелый кризис переживает и британский империализм, который в конце 60-х — 80-е годы столкнулся с целым комплексом сложных проблем, появившихся в результате коренного изменения в соотношении сил в пользу мировой системы социализма, краха колониальной империи, развития научно-технической революции. Основные черты третьего этапа общего кризиса капитализма начали в последние два десятилетия проявляться в этом высокоразвитом империалистическом государстве в полном объеме и достаточно ярко. «Ни в одной другой крупной капиталистической стране Европы, — отмечал Генеральный секретарь Компартии Великобритании Г. Макленнан, — кризис капитализма не приобрел такой остроты, как в Великобритании».² Все это заставляет правящие круги Великобритании приспособляться к новым условиям, искать пути сохранения своей власти внутри страны и привилегированного места в капиталистическом мире. Консервативная партия, находившаяся у власти в 1970—1974 гг. и вновь пришедшая к ней в 1979 г., стремится сдвинуть ось политической жизни вправо, ограничить демократические права и свободы трудя-

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 14—15 июня 1983 года. М., 1983, с. 24.

² Конференция коммунистических и рабочих партий Европы. Берлин, 29—30 июня 1976 г. М., 1977, с. 150.

щихся, особенно право на забастовку, интегрировать профсоюзы в систему государственно-монополистического капитализма, переложить на плечи трудящихся всю тяжесть социально-экономических проблем Великобритании. Реакционная политика консервативных правительств вызывала и вызывает в настоящее время решительное противодействие. Острые классовые бои уже не одно десятилетие потрясают всю страну. В этих условиях на британской политической сцене в 70-е—80-е годы достаточно четко определились некоторые новые явления, имеющие, как нам представляется, далеко идущие последствия. Среди них — углубление кризиса двухпартийной системы и попытки создать «третью» партию центристского типа, укрепление и модернизация государственного аппарата и еще больший отрыв его от народных масс, открытая ориентация военно-полицейских органов на борьбу с рабочим и демократическим движением, первые шаги в широком использовании косвенных методов государственно-монополистического регулирования экономики. Ввиду этого исследование внутривнутриполитической борьбы в первой половине 70-х годов, когда у власти находилось консервативное правительство Э. Хита, представляется весьма актуальным, поскольку речь идет о небольшом, но самостоятельном периоде британской истории, во время которого и зародились эти новые тенденции. Целью данной монографии является воссоздание полной картины основных направлений и событий во внутренней жизни Великобритании в 1970—1974 гг. События в Северной Ирландии, имеющие свою специфику, рассматриваются лишь в плане их влияния на ситуацию в собственно Великобритании.

Методологической основой исследования послужили труды классиков марксизма-ленинизма и документы КПСС и международного коммунистического движения.

В качестве источников автор использовал документы (программы, предвыборные манифесты, стенографические отчеты съездов и конференций, резолюции руководящих органов и т. д.) важнейших политических партий и произведения видных политических деятелей — Э. Хита, М. Тэтчер, К. Джозефа, Э. Пауэлла, П. Уокера, лорда Хэйлшема, Г. Вильсона, Э. Хеффера и др. Особое значение имеют материалы Компартии Великобритании и работы ее руководителей — Дж. Голлана, Г. Макленнана и Дж. Уоддиса, содержащие как глубокий анализ происходивших событий, так и большой фактологический материал.

Несмотря на непродолжительный период, прошедший после ухода правительства Э. Хита в отставку, появились первые мемуары. Прежде всего это воспоминания самого Э. Хита, хотя о политике в них говорится очень мало.³ Значительно более

³ Heath E. 1) *Music: a Joy for Life*. London, 1976; 2) *Travels. People and Places in My Life*. London, 1977.

содержательны, с точки зрения исследователя внутривнутриполитической борьбы, мемуары А. Дуглас-Хьюма, бывшего в 1970—1974 гг. министром иностранных дел, и министра внутренних дел в 1970—1972 гг. Р. Модлинга, большое место в которых уделено их деятельности в кабинете Э. Хита.⁴ Некоторые интересные сведения о причинах, обуславливавших политику Э. Хита, содержатся в воспоминаниях его личного политического секретаря Д. Хэрда.⁵ Ряд любопытных данных о закулисной борьбе содержат и воспоминания лиц, впоследствии вышедших или исключенных из своих партий. Это относится к мемуарам бывших лейбористских министров и депутатов парламента Дж. Брауна, Д. Таверна, Э. Мильна и бывшего консерватора Х. Берклея.⁶

Значительный интерес представляют и опубликованные дневники одного из крупнейших газетных магнатов страны С. Кинга, игравшего важную роль в политической жизни конца 60-х — начала 70-х годов.⁷

Ценный материал содержится и в таких источниках, как официальные публикации государственных учреждений: парламентские дебаты, правительственные документы, законодательные акты, доклады королевских комиссий и правительственных комитетов, справочники, ведомственные издания.

Исследованию проблем внутривнутриполитической борьбы во многом способствовало изучение периодической печати того времени, как советской, так и британской, представляющей различные политические направления.

Некоторые проблемы внутривнутриполитической борьбы в Великобритании первой половины 70-х годов уже получили освещение в работах советских обществоведов. При этом особо следует отметить коллективные монографии Института мировой экономики и международных отношений АН СССР и Института международного рабочего движения АН СССР,⁸ исследования А. Н. Байковой, Ф. Э. Бурджалова, Г. М. Генделя, Г. П. Глушкова, В. А. Горбика, И. Е. Городецкой, В. А. Егошина, И. И. Жигалова, Н. С. Крыловой, Ж. Ф. Осадчей,

⁴ Lord Home. *The Way the Wind Blows. An Autobiography.* London, 1976; Maudling R. *Memoirs.* London, 1978.

⁵ Hurd D. *An End to Promises: Sketch of a Government, 1970—1974.* London, 1979.

⁶ Brown G. *In my Way.* London, 1971; Taverne D. *The Future of the Left. Lincoln and after.* London, 1974; Milne E. *No Shining Armour.* London, 1976; Berkley H. *Crossing the Floor.* London, 1972.

⁷ King C. 1) *The Cecil King Diary (1965—1970).* London, 1972; 2) *The Cecil King Diary (1970—1974).* London, 1975.

⁸ Великобритания. Экономика и политика стран современного капитализма. М., 1972; Великобритания. Современный монополистический капитализм. М., 1981; Положение и борьба британского рабочего класса. М., 1974; Рабочее движение Великобритании: национальные и расовая проблемы. М., 1982.

С. П. Перегудова, В. В. Песчанского, Б. Ф. Пичугина, Н. М. Степановой, Е. С. Хесина и других. В них рассмотрены особенности государственно-монополистического капитализма в Великобритании начала 70-х годов, некоторые аспекты реформ государственного аппарата, антипрофсоюзное законодательство консерваторов и борьба трудящихся против него, движение против вступления Великобритании в «Общий рынок», события в Северной Ирландии и некоторые другие.

Британская литература о исследуемых событиях довольно значительна. Представляется возможным выделить в ней несколько направлений. Прежде всего надо отметить исследования историков-марксистов. Они немногочисленны — это разделы в работах руководителей КПВ, отдельные брошюры, статьи в журналах «Marxism today» и «Labour monthly». Их авторы (Дж. Голлан, В. Томпсон, Ф. Харт, Э. Хобсбаум и др.) уделяют особое внимание истории рабочего движения, особенно профсоюзам, важнейшим событиям классовой борьбы.

Лейбористское направление тоже невелико. Его представители (А. Бушан, М. Хатфилт, В. Хамлинг, Т. Линдсей и др.) обращаются к истории борьбы против антипрофсоюзного законодательства консерваторов, но в отличие от историков-марксистов большинство из них явно преувеличивает значение парламентской борьбы. Имеется тенденция к замалчиванию или искажению роли коммунистов в рабочем движении. Некоторые исследования лейбористов посвящены также политике либеральной партии и социально-экономической политике консервативного правительства.

Буржуазная историография неоднородна. В ней присутствует открыто фальсификаторское течение, представленное публикациями Института по изучению конфликтов (Дж. Гулд, Р. Клаттербак) и Службой промышленных исследователей и информации (Х. Гендерсон), пытающееся объяснить все проблемы британской жизни «происками коммунистов». Что же касается буржуазно-объективистской литературы, то в середине 70-х годов в ней произошли существенные изменения: так, если в первой половине этого периода преобладали восторженные оценки деятельности правительства Э. Хита (А. Рот, Г. Хатчинсон), то во второй — его критика с правых позиций. Идейным вдохновителем этого поворота вправо выступил бывший министр в кабинете Э. Хита К. Джозеф, обвинивший премьера в отходе от «истинного консерватизма».⁹ Эти обвинения стали преобладать в литературе, вышедшей после избрания лидером консервативной партии М. Тэтчер (Р. Бойсон, П. Колсгрейв, Р. Левис и др.). Данный поворот является еще одним

⁹ Joseph K. Reversing the Trend — a Critical Re-Appraisal of Conservative Economic and Social Policies. London, 1975, p. 3.

проявлением того глубокого кризиса, который переживает буржуазная историография.

Таким образом, в советской и британской марксистской литературе до настоящего времени отсутствует комплексное исследование внутривнутриполитической борьбы в Великобритании в 1970—1974 гг. Данная работа представляет собой попытку восполнить этот пробел.

Глава I

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ НА РУБЕЖЕ ДЕСЯТИЛЕТИЙ: КРИЗИС ОБОСТРЕТСЯ, КОНСЕРВАТОРЫ ПРИХОДЯТ К ВЛАСТИ

В конце 60-х годов Великобритании пришлось столкнуться с целым комплексом новых внутривнутриполитических и международных проблем, свидетельствовавших о дальнейшем углублении кризиса британского империализма.

Прежде всего ослабели его позиции в мире. В результате образования и усиления мировой системы социализма, подъема национально-освободительного и рабочего движения произошел крах колониальной империи. Для британской буржуазии это означало не только потерю огромных прибылей, получаемых десятилетиями от грабежа колоний и зависимых стран, но и изменение тех ценностей в политической и экономической жизни, которые она считала незыблемыми. Вставала также и серия мучительных вопросов о путях и методах сохранения своего места в капиталистическом мире. Они были тем более сложны, поскольку возникли в сравнительно короткий срок. После предоставления независимости Индии, Пакистану, Бирме и Цейлону в 1947—1948 гг. восемь лет борьбу народов за национальное освобождение удавалось сдерживать, а затем в течение семи лет (1956—1963 гг.) колониальной империи фактически не стало. Вполне понятно, что это не могло не вызвать растерянности и нервозности, охвативших широкие слои британской буржуазии во второй половине 60-х годов.

В области международной политики позиции Великобритании ослабли, но продолжали быть относительно прочными — в большинстве военно-политических блоков империалистов она продолжала играть роль второго после США союзника, располагала собственным ракетно-ядерным потенциалом, сохраняла статус постоянного члена Совета Безопасности ООН со всеми вытекающими из этого правами и привилегиями, участвовала наравне с СССР и США в переговорах по важнейшим проблемам, включая ограничение гонки ядерных вооружений. Нако-

нец, важной опорой британской буржуазии продолжали оставаться «особые отношения» с США, которые в ее глазах все больше и больше превращались в гаранта сохранения капиталистического строя, в том числе и в самой Великобритании.

Что же касается внутривнутриполитического положения Великобритании, то на нем более сильно сказалась потеря колоний, и ситуация для правящего класса стала складываться тревожная. Прежде всего это были низкие темпы экономического роста даже по сравнению с другими странами Западной Европы, не говоря уже о США и Японии. Так, если в развитых капиталистических странах в целом среднегодовой прирост валового внутреннего продукта составлял в 1950—1960 гг. 4%, а в 1960—1970 гг.—5%, то в Великобритании он в течение всех 20-ти лет сохранялся на уровне 2,3%. Особенно неблагоприятно обстояли дела в промышленности: если в развитых капиталистических странах ее средний ежегодный прирост составлял в 1950—1960 гг. — 4,7%, а в 1960—1970 гг. — 5,8%, то в Великобритании соответственно 3,5 и 2,4%. В итоге доля Великобритании в экономике капиталистического мира постоянно уменьшалась: в валовом внутреннем продукте с 7,5% в 1950 г. до 6,3 — в 1960 г. и 4,8% — в 1970 г., в том числе в промышленном производстве соответственно с 8,6% до 7,4 и до 5,4%. Великобритания со второго места в экономике капиталистического мира, которое она довольно прочно занимала в первые послевоенные годы, переместилась на третье в 1960 г. и даже на пятое — в 1970 г.¹ Перспективы при этом были тоже довольно мрачными: техническая база промышленности продолжала оставаться отсталой, достижения научно-технической революции внедрялись в производство медленно, многие предприниматели предпочитали, как и в колониальные времена, вкладывать капитал за границу, что давало им быстрые и значительные прибыли, но негативно сказывалось на экономике Великобритании. В этих условиях ожидать ускорения темпов экономического роста без каких-либо кардинальных мер было невозможно.

Резко обострилась проблема платежного баланса. Дефицит во внешней торговле возник еще в XIX в., но он покрывался поступлениями от дивидендов на инвестируемый за рубежом капитал, прибылями по торговым, транспортным, банковским, страховым и другим операциям. В послевоенные годы ситуация изменилась. Несмотря на меры по форсированию экспорта и сдерживанию импорта, дефицит внешнеторгового баланса постоянно рос: в 1946—1965 гг. он достигал в среднем суммы в 212 млн. фунтов стерлингов ежегодно, а в 1961—1967 гг. даже 274 млн. фунтов стерлингов ежегодно.² Возможности его

¹ Хесин Е. С. Англия в экономике современного капитализма. М., 1979, с. 57—58.

² Солодкин Р. Г. Англия на мировых рынках. М., 1969, с. 52.

погашения сузились из-за огромных военных расходов за рубежом и потери колоний. В результате кризис платежного баланса приобрел хронический характер, что, в свою очередь, стало одной из причин подрыва курса фунта стерлингов, девальвированного в 1949 и 1967 гг.

В 60-е годы серьезной проблемой стал рост инфляции. Помимо общих для всего капиталистического мира причин в Великобритании ему способствовали непосильные военные расходы, в процентном отношении превосходящие все остальные страны НАТО, кроме США, а также просчеты в финансовой политике, поскольку правящие круги не сразу осознали все последствия краха колониальной империи.

Обострились и социальные противоречия. Продолжался процесс глубокой социальной дифференциации. Во второй половине 60-х годов половина частной собственности принадлежала всего лишь 2% населения страны. Двадцать восемь крупнейших монополий владели 40% всей промышленности. Численность же низкооплачиваемых рабочих и членов их семей, пенсионеров, вдов, больных и нетрудоспособных, находящихся в состоянии крайней бедности, составляла 7—8 млн. человек.³

Несмотря на определенное увеличение в 60-е годы фонда заработной платы рабочих и служащих, доля их чистых доходов в общем национальном доходе сократилась с 53,6% в 1959 г. до 50,9 в 1968 г. Одновременно шел и рост цен. Так, если в 1953—1961 гг. среднегодовой рост индекса стоимости жизни составлял 2,9%, то в 1969 г. он достиг 5,5% по отношению к 1958 г.⁴ Все большую часть доходов трудящихся поглощали налоги, которые только в годы правления лейбористских правительств Г. Вильсона (1964—1970 гг.) возросли на 3 млрд. фунтов стерлингов.⁵ К этому надо добавить усиление кризисных явлений в области жилищного строительства, здравоохранения, образования, социального обеспечения.

И наконец, новым явлением для послевоенной Великобритании, наиболее ярко демонстрирующим обострение кризиса, стало резкое увеличение безработицы. Если в 50-е — первой половине 60-х годов она была относительно низкой, то в 1966—1970 гг. произошел ее рост с 350 до 603 тыс. человек.⁶ Это в значительной степени объяснялось курсом лейбористского правительства на достижение положительного платежного баланса любой ценой.

Логическим результатом ухудшения социально-экономического положения стал рост внутрисполитических противоречий.

³ Morning Star, 1970, 30 May, p. 3; Tribune, 1970, 6 February, p. 5.

⁴ Великобритания. М., 1972, с. 280, 309.

⁵ The Times, 1970, 27 May, p. 8.

⁶ Department of Employment Gazette, 1972, April, p. 386.

Прежде всего осложнились отношения между правительством и профсоюзами. Если в конце 40-х — 50-е годы между ними существовало всячески прославляемое буржуазной и реформистской пропагандой «согласие», то в 60-е годы в этих отношениях появляются и расширяются трещины. Так, в 1962—1963 гг. профсоюзы сорвали попытку консервативного правительства ограничить рост заработной платы и отказались сотрудничать с созданной Национальной комиссией по ценам и доходам, что сделало ее недееспособной. Сменившее у власти консерваторов лейбористское правительство Г. Вильсона (1964—1970 гг.) оказалось втянутым уже в открытый конфликт с профсоюзами из-за «политики цен и доходов» и антипрофсоюзного законопроекта «Вместо раздоров», ограничивающего право на проведение забастовок.

Во второй половине 60-х годов в Великобритании начинается новая волна забастовок. Если в 1963 г. состоялась 2081 забастовка, где приняли участие 593 тыс. человек и было потеряно 1755 тыс. рабочих дней, то в 1966 г. эти цифры были соответственно 1951 тыс., 544 тыс. и 2398 тыс., а в 1969 г. — уже 3146, 1665 тыс. и 6846 тыс.⁷ Показательно, что забастовки проходили не только в поддержку экономических требований, но и под лозунгами борьбы против принятия антипрофсоюзного законодательства, причем предлагаемого не консерваторами, а лейбористами. Этого в Великобритании не было уже многие годы.

Во второй половине 60-х годов в профсоюзах происходит укрепление позиций левых. К руководству многих из них пришло новое поколение, которое, хотя и сохраняло реформистское мировоззрение, было готово к более решительной борьбе за права трудящихся. Наиболее показательно в этом отношении избрание генеральными секретарями двух крупных профсоюзов — транспортных и неквалифицированных рабочих и объединенного профсоюза машиностроителей — Дж. Джонса и Х. Скэнлона. Еще более радикально был настроен низовой профсоюзный актив, в первую очередь шоп-стюарды. В подавляющем большинстве случаев (около 95%) именно они выступали организаторами забастовок. В 1969 г. по инициативе прогрессивных деятелей профсоюзного движения был создан Комитет связи в защиту профсоюзов, выступавший в авангарде борьбы против антипрофсоюзного законодательства. Таким образом, были созданы реальные предпосылки для дальнейшего перехода британских профсоюзов на позиции последовательной борьбы против наступления монополий.

Новым явлением в политической жизни второй половины 60-х годов стал подъем молодежного и студенческого движения. Наиболее яркими свидетельствами его стали 100-тысяч-

⁷ Ibid., February, p. 233.

ная демонстрация солидарности в Вьетнаме в октябре 1968 г. и сидячие забастовки студентов в Лондонской школе экономики и некоторых университетах. По своему размаху эти выступления молодежи уступали происходившим одновременно в США, Франции и других странах Западной Европы; тем не менее для Великобритании они были огромным событием, так как речь шла о первом за всю историю страны самостоятельном выступлении молодежи в крупных масштабах. Особенно показательным было выступление в антимонополистическую борьбу студенчества, которое в Великобритании всегда отличалось кастовыми, корпоративными настроениями. Конечно, у молодежного движения второй половины 60-х годов было немало слабостей — отсутствие четкой идеологической и политической платформы, использование иногда экстремистских форм борьбы, недооценка важности сотрудничества с рабочим классом и т. д. Однако в целом его подъем стал вносить новый элемент в политическую обстановку, особенно после победы левых сил при выборах руководства Национального союза студентов в 1970 г.

В 1917 г. В. И. Ленин подчеркивал, что в Великобритании «национальный вопрос еще не изжит».⁸ На третьем этапе общего кризиса капитализма этот вопрос резко обострился. Причинами такого обострения стали сокращение прибылей английского империализма, часть которых перепадала и другим частям Соединенного королевства, развертывание антимонополистической борьбы, поставившее со всей остротой проблему автономии Шотландии и Уэльса и завоевания элементарных демократических свобод для населения Северной Ирландии, резкое ухудшение экономического положения национальных районов, приведшее к росту безработицы и общему обнищанию трудящихся, усиление размывания национальной культуры, быта, обычаев национальных меньшинств, которым стала угрожать полная ассимиляция, применение британским правительством карательных мер в ответ на справедливые требования национальных меньшинств.⁹

В национально-освободительных движениях Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии четко проявлялись две тенденции: буржуазная, представляемая той частью местной буржуазии, чьи интересы отличались от английской, и демократическая, борющаяся за подлинно справедливое решение национальной проблемы. В Северной Ирландии на движение за гражданские права обрушились репрессии со стороны британских властей и местной реакции, причем последняя встала на путь развязывания самой настоящей гражданской войны. В Шот-

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 72.

⁹ Подробнее об этом см.: Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях. М., 1974, с. 496.

ландии и Уэльсе националистические партии за короткий срок смогли привлечь на свою сторону недовольных и превратиться в реальную политическую силу, что серьезно подрывало позиции лейбористов, которые традиционно преобладали в этих регионах. В целом же подъем борьбы народов Северной Ирландии, Шотландии и Уэльса за свои права способствовал общему развитию антимонополистической борьбы в Великобритании.

Необычайную остроту стала приобретать расовая проблема. В 40—50-е годы британские правительства, заинтересованные в притоке дешевой рабочей силы, поощряли иммиграцию, особенно из бывших колоний и доминионов. В результате в Великобритании появилось цветное меньшинство — небольшое по численности, но компактное по месту проживания (пригороды Лондона и некоторых крупных городов). В политическом и социально-экономическом отношении оно находилось в наиболее бесправном положении, поскольку подвергалось самому грубому обращению со стороны полиции и властей, фактически было лишено возможности пользоваться государственными системами здравоохранения и образования, подвергалось систематической дискриминации в оплате труда. В этих условиях среди цветных иммигрантов возникло движение протеста. Решительную борьбу против расизма начали прогрессивные силы Великобритании.

В 60-е годы активную роль во внутривнутриполитической борьбе начинают играть движения за равноправие женщин, в защиту прав квартиросъемщиков, против американской агрессии в Индокитае, за бойкот ЮАР, против попыток сговора с расистским режимом Я. Смита, за мир во всем мире. Значительное участие в них принимали представители самых различных слоев трудового населения.

Конечно, выступления трудящихся в 60-е годы не были направлены против основ капиталистической системы. Тем не менее определенный рост рабочего и демократического движения был налицо, и существовала реальная перспектива его нового подъема. Таким образом, проблема приспособления к новым условиям во всех сферах стала перед британским империализмом вплотную.

В. И. Ленин указывал, что «и во внешней политике, и во внутренней, одинаково, империализм стремится к нарушениям демократии, к реакции».¹⁰ Именно такой путь преодоления имевшихся проблем избрала и британская буржуазия, попытавшаяся переложить на плечи трудящихся всю тяжесть переживаемого кризиса. Правящие круги явно не собирались нарушать послевоенное «согласие» между правительством и

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 93.

профсоюзами или отказываться от двухпартийной системы, когда консерваторы и лейбористы сменяли по очереди друг друга у власти. Но они хотели продолжать это на другой, более реакционной платформе.

Параллельно с этим в качестве дани научно-технической революции была сделана ставка на различные технократические концепции. При этом стали говорить о появлении «технократического согласия» главных партий с той лишь разницей, что консерваторы делали основной акцент на международный аспект проблемы — участие в западноевропейской экономической интеграции, а лейбористы — на внутренний.¹¹ Важным симптомом, свидетельствующим о желании правящего класса консолидировать свои силы перед лицом угрожающих ему бурь, стало создание в 1965 г. объединения крупнейших капиталистов — Конфедерации британской промышленности (КБП).

Наиболее существенные сдвиги произошли во второй половине 60-х годов в консервативной партии. Поражение на парламентских выборах 1964 г. вынудило ее вновь перейти на скамью оппозиции и начать пересмотр многих ценностей прошлых лет. В 50-е — начале 60-х годов в партии преобладали так называемые «прогрессивные консерваторы» — сторонники государственного регулирования экономики в духе кейнсианства и довольно широких социальных реформ. В условиях правления в эти годы лейбористской партии различия между ними по ключевым вопросам уменьшились. Это вызывало раздражение крайне правых консерваторов, центром которых стал созданный в 1960 г. «клуб понеделника» и которые особенно усилились в середине 60-х годов после поражения в 1964 г. и из-за южнородезийского кризиса. В партии стало формироваться течение, известное под названием «новые правые». Его представители утверждали, что консерваторы якобы «полностью потеряли свое лицо», и выступали за возврат к политике неограниченной свободной конкуренции в духе XIX в. и сокращение вмешательства государства в экономические и социальные проблемы. Другими отличительными чертами идеологии «новых правых» были прославление буржуазного индивидуализма и стремление привлечь широкие массы мелкой буржуазии и обывателей, концентрируя их внимание на таких проблемах, как рост преступности, иммиграция и т. д.¹² В тот момент «новые правые» течением еще не стали. Как справедливо писал журнал «Spectator», у консерваторов не было тогда деятеля, который по всем основным проблемам — международным, внутриполитическим и экономическим — стоял бы полностью на позициях «новых правых».¹³ Однако их взгляды стали сказываться

¹¹ Trends in British Politics since 1945. New York, 1978, p. XII—XIII.

¹² Gamble A. The Decline of the Conservative party. — Marxism Today, 1979, November, p. 7.

¹³ Spectator, 1968, 19 July, p. 78.

ваться на многих аспектах партийной политики. Противоречие между «прогрессивными консерваторами» и «новыми правыми» стало превращаться в одно из главных в консервативной партии.

К этому надо добавить кризис в руководстве партии, начавшийся после вынужденной отставки в 1963 г. Г. Макмиллана с поста премьера и лидера партии. Его наиболее вероятными преемниками считались лорд Хэйлшем, Р. Батлер, Р. Модлинг и Я. Маклеод, хотя назывались также имена Э. Хита и С. Ллойда. Но победу в результате закулисных комбинаций одержал однако А. Дуглас-Хьюм, не пользовавшийся особой популярностью. По опросам общественного мнения в октябре 1963 г., видеть премьером и лидером партии лорда Хэйлшема хотели 18% сторонников консерваторов и 10% всех избирателей, Р. Батлера соответственно — 15 и 14, Р. Модлинга — 11 и 10, Э. Хита — 11 и 6, а А. Дуглас-Хьюма всего 3% сторонников консерваторов и 2% всех избирателей.¹⁴ Было совершенно очевидно, что речь шла о временной фигуре, устраивавшей большинство из-за опасения победы сильного соперника.

После поражения на выборах 1964 г. борьба за лидерство вспыхнула с новой силой. Она сопровождалась и требованиями усовершенствовать организационную структуру партии, пребывавшую в самом архаичном состоянии. В 1963—1964 г. депутат парламента Х. Беркели начал кампанию за введение выборности лидера консервативной партии, а не назначения его путем консультации. Все это вынудило А. Дуглас-Хьюма подать в отставку и объявить, что новый лидер будет избран путем голосования парламентской фракции.

Первые такие выборы состоялись в июле 1965 г. Основная борьба развернулась между тремя кандидатами — Э. Хитом, Р. Модлингом и Э. Пауэллом. Симпатии большинства «прогрессивных консерваторов» были на стороне Р. Модлинга. Из всех трех кандидатов Р. Модлинг был, действительно, в наибольшей степени сторонником государственного вмешательства в дела экономики, что сочеталось у него с крайне реакционными взглядами по многим вопросам внутренней и внешней политики. Так, например, он считал, что главными опорами демократии являются американское ядерное оружие и ЦРУ¹⁵.

Э. Пауэлл с самого начала шансов на избрание почти не имел. Его кандидатура была, скорее всего, выдвинута с целью сделать его имя известным, поскольку до этого он считался второстепенным политическим деятелем. Его политическая платформа в то время состояла из прославления рыночного хозяйства и нападок на любые формы государственного вме-

¹⁴ Roth A. Heath and the Heathmen. London, 1972, p. 173.

¹⁵ M a u d l i n g R. Memoires. London, 1978, p. 169.

шательства в дела экономики, разжигания английского (не британского!) национализма, резкой критики планов вступления Великобритании в ЕЭС, а также определенной оппозиции возрастанью зависимости Великобритании от США.¹⁶ Последний тезис выдвигался им лично, причем, возможно, в демагогических целях, поскольку некоторые из его сторонников, например Н. Ридлей, были на самом деле тесно связаны с ЦРУ.¹⁷

Э. Хит в тот момент представлял центр партии. Он не был сторонником полной ликвидации государственного вмешательства в дела экономики, а выступал лишь за его уменьшение по сравнению с имеющимся уровнем. Так, в 1966 г. на конференции молодых консерваторов он подчеркнул, что «в смешанной экономике есть место и для государства и для национализированных отраслей промышленности»,¹⁸ а в июне 1973 г. прямо заявил, что никогда не был сторонником полного отказа от государственного вмешательства в дела экономики.¹⁹ Однако отмена в 1964 г. по инициативе Э. Хита системы фиксирования розничных цен давала «новым правым» надежду, что он будет ближе к ним, чем Р. Модлинг, поэтому большинство «новых правых» предпочли поддержать Э. Хита, а не Э. Пауэлла, почти не имевшего шансов на успех. Другой важной чертой политической платформы Э. Хита была его фанатичная преданность идее вступления Великобритании в ЕЭС, сторонники которой были достаточно влиятельны в консервативной партии. Наконец, Э. Хита поддержала и часть «прогрессивных консерваторов», видевших в нем энергичного, волевого руководителя, способного возродить партию. Впоследствии кое-кто из них очень жалел, что не голосовал за Р. Модлинга.²⁰ Активную поддержку Э. Хиту оказала и группа Боу, известная как относительно либеральная фракция в консервативной партии.

Опросы общественного мнения, проведенные в июле 1965 г. перед голосованием парламентской фракции консерваторов, показывали, что 48% их сторонников поддерживают Р. Модлинга, 31 — Э. Хита и 2% — Э. Пауэлла.²¹ Однако решающую роль сыграли симпатии крупного капитала. Перед самыми выборами директор Английского банка лорд Кромер сообщил многим влиятельным политическим деятелям, что международные банкиры считают Р. Модлинга, бывшего в 1962—64 гг. министром финансов, ответственным за трудности, переживаемые фунтом стерлингов, и что его избрание приведет к паде-

¹⁶ Schoen D. E. Enoch Powell and Powellites. London and Basingstoke, 1977, p. 20—22.

¹⁷ Morning Star, 1976, 22 December, p. 1.

¹⁸ Heath E. The Conservative Goal. A Call to Action. London, 1966, p. 20.

¹⁹ Observer, 1973, 24 June, p. 9.

²⁰ Berkeley H. Crossing the Floor, p. 33.

²¹ Guardian, 1965, 27 July, p. 1.

нию курса британской валюты.²² Это был явный нажим в пользу Э. Хита. В первом туре голоса распределились следующим образом: за Э. Хита — 150 голосов, Р. Модлинга — 133, Э. Пауэлла — 15. Э. Хит получил, следовательно, абсолютное большинство, но не опередил своего ближайшего соперника на 15%, что было необходимо для избрания в первом туре. Перед вторым туром Р. Модлинг и Э. Пауэлл сняли свои кандидатуры, что открыло Э. Хиту путь к победе. Официально избрание Э. Хита было утверждено на собрании партийной элиты — пэров, депутатов парламента, кандидатов в депутаты парламента на будущих выборах, членов исполкома партии. Тут однако все было сведено к простой формальности.

Комментируя избрание Э. Хита, газета «The Times» писала что оно «многое говорит нам не только о нем самом, но и о консервативной партии».²³ Действительно, биография Э. Хита во многом отлична от жизненного пути его предшественников. Он родился в 1916 г. в Бростейрсе (графство Кент) в семье плотника, который смог завести собственное дело, наняв шесть постоянных рабочих. В 11 лет Э. Хит поступил в местную классическую школу Чатэмхауз, а в 1936 г. — в Оксфордский университет, где впервые включился в политическую жизнь, примкнув к консервативной партии. Его политическим кумиром стал У. Черчилль. Впоследствии к этому прибавилось восхищение Дж. Кеннеди. Выступая против запрета деятельности британских фашистов, Э. Хит в то же самое время резко критиковал политику «умиротворения» агрессоров. В 1938 г. он в составе студенческой делегации посетил республиканскую Испанию и беседовал с ее руководителями, а по возвращении недвусмысленно заявил, что правительство Народного фронта предпочтительнее фашистской диктатуры.²⁴ После Мюнхенского сговора Э. Хит выступал с призывом к созданию Народного фронта в Великобритании, под которым подразумевал объединение противников внешней политики Н. Чемберлена — лейбористов, либералов, консерваторов. В октябре 1938 г. во время дополнительных выборов в городской совет Оксфорда Э. Хит поддержал лейбористского кандидата против консерватора К. Хогга (впоследствии лорда Хэйлшема). Предводительствуемая Э. Хитом группа студентов ходила по улицам Оксфорда с криками «Голосовать за Хогга — голосовать за Гитлера!».²⁵ В 1939 г. Э. Хит был избран председателем студенческого союза Оксфордского университета — пост, обычно открывающий его обладателю путь к блестящей карьере.

²² King C. The Cecil King Diary (1965—1970), p. 25.

²³ The Times, 1965, 20 July, p. 11.

²⁴ Heath E. Travels. People and Places in My Life, p. 36.

²⁵ Hutchinson G. Edward Heath. A Personal and Political Biography. Edinburgh, 1970, p. 28.

В годы второй мировой войны Э. Хит служил в армии и получил чин подполковника, а после демобилизации находился некоторое время на службе в государственном аппарате, а затем в банке «Браун Шипли». В 1950 г. Э. Хит был избран в парламент и вскоре стал главным организатором парламентской фракции консерваторов. В 1959 г. Макмиллан ввел его в кабинет, сделав сначала министром труда, а затем ответственным за переговоры с «Общим рынком». В 1963 г. Э. Хит приезжал в Москву для участия в церемонии подписания договора о частичном запрете испытаний ядерного оружия. В правительстве А. Дуглас-Хьюма Э. Хит получил еще более важный пост — государственного секретаря по делам промышленности, торговли и регионального развития. После перехода в оппозицию вплоть до избрания его лидером Э. Хит вновь стал сотрудничать в банке «Браун Шипли». Таким образом, консервативную партию впервые возглавил человек, не являющийся выходцем из высшей аристократии, не имеющий крупного состояния, но прямо связанный с финансовым капиталом. Его появление во главе консерваторов свидетельствовало прежде всего о желании правящих кругов придать партии более демократический облик, сделать ее более привлекательной для широких слоев населения и прежде всего мелкой буржуазии. Показательно в связи с этим, что такими же социальными параметрами, как и Э. Хит, обладали и оба его главных соперника — Р. Модлинг и Э. Пауэлл, а также большая группа деятелей консервативной партии, появившаяся в эти годы на политической сцене, — А. Барбер, П. Уокер, М. Тэтчер и др. Другой важной чертой, общей для всех них, было то, что уже в начале своей карьеры они оказались связанными с военно-промышленным комплексом. Достаточно лишь отметить, что Э. Хит был подполковником, Э. Пауэлл — генералом, а Р. Модлинг долгое время сотрудничал с военными концернами. Наконец выдвинув на первый план в консервативной партии представителей средних слоев населения, правящий класс рассчитывал, что они будут более жестко проводить его политику, поскольку не имеют «комплекса вины» за политику консерваторов в 30-е годы. В то же время аристократия продолжала сохранять значительную часть своего влияния в руководстве консерваторов (А. Дуглас-Хьюм, лорд Хэйлшем, лорд Каррингтон и др.).

После неожиданной победы консерваторов на парламентских выборах 1970 г. в Великобритании появилось немало литературы, представляющей дело так, будто бы Э. Хит смог быстро добиться преодоления кризиса в консервативной партии, возникшего в 1963—1965 гг. В действительности же ситуация была много сложнее. Кризис в руководстве партии продолжался. Прежде всего сказывалась личная непопулярность Э. Хита: так, даже в январе 1970 г., когда по опросам общественного мнения симпатии избирателей к консерваторам были наиболь-

шие за все годы оппозиции, 44 % считали Э. Хита плохим руководителем и только 31 % — хорошим.²⁶ Прочные позиции сохраняли старые деятели, в частности Р. Модлинг, избранный заместителем лидера. Поскольку по экономическим вопросам Э. Хит занимал промежуточную позицию между «прогрессивными консерваторами» и «новыми правыми», нападки на него были постоянны с обеих сторон, причем со временем они становились все более активными со стороны «новых правых». Против Э. Хита выступали также противники членства в ЕЭС и сторонники прямого сговора с расистским режимом Я. Смита. Наконец, недовольство Э. Хитом выражала группа аристократов, презиравших его за низкое происхождение. К этому добавилось поражение на парламентских выборах 1966 г. Видимо, Э. Хит не был смещен после него только из-за опасения, что появление третьего в течение двух лет лидера еще больше подорвет авторитет партии.²⁷

Тем не менее в 1966—1968 гг. Э. Хиту в результате упорной борьбы удалось ослабить позиции своих противников в партии. В этом ему тогда помогали лорд Каррингтон, А. Барбер, П. Уокер, У. Уайтлоу. В 1967 г. Э. Хит добился смещения с поста председателя партии Э. Дю Канна, занимавшего его в течение двух лет, и назначения на этот пост А. Барбера. Э. Дю Кани сосредоточил в своих руках значительную власть, и Э. Хит опасался, что она может быть использована в пользу Р. Модлинга. Затем из «теневого кабинета» были удалены С. Ллойд, Д. Сэндис, Дж. Бойд-Карпентер и П. Торникрофт — «старая гвардия консерваторов». На их место пришли люди, занимавшие, как правило, второстепенные посты в консервативных правительствах 1951—1964 гг., которые без поддержки Э. Хита не могли бы выдвинуться на передний план, и бывшие в основном простыми исполнителями его решений. В 1967—1970 гг. на заседаниях «теневого кабинета» лишь М. Тэтчер время от времени пыталась спорить с лидером партии.²⁸ Это, однако, имело для Э. Хита и свои минусы: «теневого кабинет», ориентирующийся лишь на директивы Э. Хита, не мог быть организатором эффективной оппозиции правительству, что подрывало его авторитет и в парламентской фракции, и в партии.

Наконец, как уже отмечалось, заметно активизировались «новые правые». Первый крупный конфликт произошел в связи с отношением к «политике цен и доходов», проводимой лейбористским правительством. Э. Хит, Р. Модлинг и Я. Маклеод были склонны поддержать ее, но столкнулись с оппозицией «Комитета 1922», объединяющего консервативных депутатов-

²⁶ Alexander A., Watkins A. The Making of the Prime Minister 1970. London, 1970, p. 109.

²⁷ Economist, 1966, 9 April, p. 119.

²⁸ Alexander A., Watkins A. The Making of the Prime Minister 1970, p. 100.

заднескамеечников. Против довольно резко выступил и входивший в «теневой кабинет» Э. Пауэлл, направивший в журнал «The Director» письмо с критикой не только правительства, но и КБП по этому вопросу. В ответ Э. Хит добился удаления из руководства партии А. Мауди, который выступил с критикой всего состояния дел в консервативной партии и выразил свою обеспокоенность Э. Пауэллу тем, что тот может испортить отношения консерваторов с большим бизнесом. Но по существу вопроса о «политике цен и доходов» Э. Хит перешел на позиции «новых правых» — консерваторы голосовали против нее.²⁹

Новое столкновение произошло в апреле 1968 г., когда Э. Пауэлл выступил в Бирмингеме со своей печально знаменитой расистской речью. Э. Хит сразу же вывел его из «теневого кабинета», но сам занял более жесткую позицию в отношении цветных иммигрантов. Однако на этот раз конфликт подобным образом разрешить не удалось. Э. Пауэлл стал центром притяжения всех «новых правых», а его личная популярность, подогреваемая средствами массовой информации, разжигающими расистские предрассудки, резко возросла. Опросы общественного мнения в сентябре 1968 г. показывали, что 37% сторонников консерваторов хотели видеть Э. Пауэлла лидером партии (Э. Хита — 40%) и будущим консервативным премьер-министром (Э. Хита — 41%).³⁰ Это вынудило Э. Хита пойти на существенные уступки правым: в конце января — начале февраля 1970 г. на совещании в Селсдон Парке руководство консерваторов приняло в основном их программу, ультраправые получили более важные посты в «теновом кабинете», причем Э. Хит пожертвовал даже своим старым политическим союзником сэром Бойлем, чей пост в «теновом кабинете» отошел к М. Тэтчер.

Несмотря на кризис руководства, во второй половине 60-х годов в консервативной партии была проведена значительная организационная перестройка, важную роль в осуществлении которой сыграли Э. Хит и бывший в 1965—1967 гг. председателем партии Э. Дю Канн.

Прежде всего изменился характер деятельности «теневого кабинета». Во времена оппозиции 1945—1951 гг. он собирался эпизодически, а его заседания сводились к прославлению У. Черчилля и обсуждению некоторых вопросов парламентской тактики. Теперь Э. Хит добился того, что «теневой кабинет» заседал регулярно, обсуждал все основные политические проблемы, а каждый его член вел определенный участок работы, соответствовавший министерству, которое он должен был

²⁹ Gamble A. The Conservative Nation. London and Boston, 1974 p. 104; Alexander A., Watkins A. The Making of the Prime Minister 1970, p. 84.

³⁰ Schoen D. E. Enoch Powell and Powellites, p. 43.

возглавить в случае прихода к власти. Таким образом, будущие министры заранее получали определенные навыки и знания. Степень этой профессионализации, однако, не стоит преувеличивать, поскольку перестановки в «теневом кабинете» были довольно частыми. Так, например, М. Тэтчер за период с октября 1967 г. по июнь 1970 г. занимала посты «теневых» министров энергетики, транспорта, образования. Далее было реорганизовано центральное бюро консервативной партии, усовершенствована и централизована система подбора кандидатов для выдвижения в парламент. Эти реформы укрепили партию организационно, но не привели к расширению влияния рядовых членов на ее политику. Недемократический характер консервативной партии изменений не претерпел.

Крупным новшеством было решение начать еще в оппозиции разработку самой детальной программы деятельности будущего консервативного правительства. Как справедливо отмечает британский исследователь консервативной партии А. Гэмбл, до этого «партия предлагала хорошее правительство, а не детальную программу, людей, а не меры, скорее, авторитет традиционного правящего класса, чем трибуну для выражения народной воли».³¹ Еще перед выборами 1966 г. консерваторы создали 23 рабочие группы по разработке политики в отдельных направлениях, в состав которых вошли 181 депутат палаты общин и пэр, а также 118 экспертов. После выборов 1966 г. 10 из этих групп были распущены, а вместо них созданы несколько новых. В 1966—1970 гг. действовало уже 29 подобных групп, членами которых были 191 депутат палаты общин и пэр, а также 190 экспертов.³² Все члены групп регулярно проводили встречи для обсуждения общей стратегии партии. Эта работа была, по сути дела, подытожена на совещании в Селсдон Парке, куда прибыли члены «теневого кабинета», участники всех групп и где был выработан проект предвыборного манифеста. Важно подчеркнуть, что экспертами были в большинстве случаев представители крупного капитала, который получил, таким образом, возможность определять политику консерваторов не только в основном, что он делал всегда, но и в деталях и на всех уровнях. Это, безусловно, создавало предпосылки для новой стадии сращивания капитала и государственного аппарата, начавшегося после прихода к власти кабинета Э. Хита.

Начиная с 1967 г. авторитет консерваторов среди избирателей постепенно увеличивается. Они добились успехов на выборах в местные органы власти и на некоторых дополнительных выборах в парламент. Почти все опросы общественного мнения в 1968 — начале 1970 гг. предсказывали им победу.

³¹ Gamble A. The Conservative Nation, p. 87.

³² Butler D. and Pinto-Duschinsky M. The British General Election of 1970. London and Basingstoke, 1971, p. 67.

В 1967 г. произошло объединение большинства фашистских и ультраправых групп и организаций в «Национальный фронт». Его создание отражало как поправение в настроениях правящего класса, так и стремление оказать определенный нажим на руководство консерваторов с целью стимулировать переход его на позиции «новых правых».

Как это уже неоднократно бывало в прошлом, поворот вправо в консервативной партии сказался и на некоторых аспектах политики лейбористского правительства. Победив под лозунгом создания «новой Британии» на парламентских выборах 1964 г., лейбористы предприняли ряд мер по модернизации промышленности, внедрению в производство достижений научно-технической революции, усилению рычагов государственного регулирования экономикой. В это время в Великобритании появились некоторые современные отрасли, такие, например, как производство компьютеров, хотя общий технический уровень промышленности продолжал оставаться более низким, чем в других высокоразвитых капиталистических странах. Был взят курс на модернизацию и укрепление государственного аппарата, для чего правительство Г. Вильсона создало множество комиссий, разрабатывавших проекты соответствующих реформ. Некоторые из их предложений, как, например, доклад комиссии Фултона о реорганизации гражданской службы, были претворены в жизнь. Однако одновременно лейбористы начали осуществлять односторонне выгодную капиталистам «политику цен и доходов» и попытались законодательно ограничить право на забастовку. Конечно, лейбористский законопроект «Вместо раздоров» существенно отличался от реакционных положений разработанного консерваторами документа «За справедливый курс на производстве». Но в самом факте его появления заключался принципиально новый момент, поскольку до этого в послевоенные годы правительства стремились решать спорные вопросы с Британским конгрессом тред-юнионов (БКТ), как правило, путем переговоров и добровольных соглашений. Лейбористы согласились и на возобновление прерванных в 1963 г. переговоров о вступлении Великобритании в ЭЭС.

Последние из указанных аспектов политики лейбористского правительства вызвали сильное сопротивление трудящихся и левого крыла партии, что вынудило Г. Вильсона отступить: законопроект «Вместо раздоров» был принят в сильно урезанном виде, ограничения, установленные «политикой цен и доходов» на рост заработной платы, под конец несколько смягчены, практические переговоры об условиях членства Великобритании в «Общем рынке» так и не начались до прихода к власти консерваторов в 1970 г. Таким образом, сдвинуть послевоенное «согласие» вправо в конце 60-х годов правящим кругам не удалось, поскольку лейбористское правительство не

смогло убедить трудящихся принять даже в неполном объеме те антинародные меры, которых требовала буржуазия. Тем самым лейбористская партия не смогла выполнить роль своеобразного амортизатора выступлений трудящихся, что она успешно делала в предшествовавшие годы.

По мере того как лейбористское правительство под давлением трудящихся отступало от своих первоначальных планов осуществления антипрофсоюзного законодательства и других непопулярных мер, в правящем классе росли симпатии к консервативной партии, поддержка которой постоянно возрастала. Однако определенные круги буржуазии были достаточно дальновидны, чтобы понять, что одним консерваторам осуществить сдвиг вправо не удастся. Так, С. Кинг в своих дневниках с тревогой отмечал, что авторитет консерваторов растет медленнее, чем падает популярность лейбористов и что такие меры, как сокращение государственных расходов, уменьшение социальных служб, замораживание заработной платы, не могут быть осуществлены правительством, опасющимся потерять голоса избирателей.³³ Этим объяснялись и расчеты данной части правящего класса создать или «национальное правительство» по образцу 1931 г. или «правительство бизнеса», состоящее исключительно из крупных капиталистов, не являющихся членами какой-либо партии.

Особенно усилились такие настроения после девальвации фунта стерлинга осенью 1967 г. Наиболее активными сторонниками создания «национального правительства» или «кабинета бизнеса» были лорд Роббенс — бывший лейбористский министр в 1951 г., директор управления государственных угольных шахт в 60-е — начале 70-х годов, гордившийся, что никогда не был социалистом,³⁴ С. Кинг, лорд Кромер и др. К созданию коалиционного правительства призывала газета «The Times», а журнал «The Director» — один из главных органов крупного капитала — даже поместил в феврале 1968 г. список предполагаемого «кабинета бизнеса» из 15 человек, возглавляемого лордом Роббенсом. Соглашение однако достигнуто не было. Прежде всего значительная часть консерваторов и лейбористов рассматривала государственную власть как приз за победу на выборах и делить ее с кем-либо не собиралась, особенно в условиях, когда лейбористы располагали стабильным большинством в парламенте, а консерваторы были убеждены, что завоюют его на ближайших выборах. Особенно активны были Г. Вильсон и Э. Хит, понимавшие, что коалиционное правительство возглавит кто-то третий (кроме лорда Роббенса возможным премьером назывался также Дж. Каллагэн). Ввиду этого участвовавшие в дискуссиях и неофициальных перегово-

³³ King C. The Cecil King Diary (1965—1970), p. 213.

³⁴ Daily Express, 1971, 18 August, p. 4.

рах деятели обеих партий предусматривали данный вариант на крайний случай, если произойдет какой-то непредвиденный и чрезвычайно опасный кризис.³⁵

На неудаче переговоров сказалось также и опасение, что создание правительства с откровенно антинародной программой на основе соглашения крупных партий может дискредитировать в глазах трудящихся двухпартийную систему и привести к росту влияния малых партий, в том числе и коммунистов. Наконец, руководители лейбористов были вынуждены считаться с давлением левого крыла, выступавшего против коалиции, а руководство консерваторов — с давлением справа в своей партии. Все это предопределило неудачу всех попыток, предпринимаемых в данном направлении.

Из всех послевоенных парламентов только один, избранный в 1959 г., просуществовал полный пятилетний срок, а остальные были распущены досрочно. Не был исключением и парламент, избранный в 1966 г. Хотя формально он мог функционировать до марта 1971 г., в начале 1970 г. мало кто сомневался, что это будет год парламентских выборов, и уже с января — февраля 1970 г. все партии начали готовиться к ним. Раньше всех завершили свои приготовления консерваторы, утвердившие на совещании в Селсдон Парке проект предвыборного манифеста. С этого момента лидеры консерваторов стали постоянно и по любому поводу выступать с требованиями немедленного проведения выборов. Кампанию за скорейшие выборы вели и средства массовой информации, в большинстве случаев сочувственно относящиеся к консерваторам. Поскольку все опросы общественного мнения показывали преимущество консерваторов, перед лейбористским правительством стояла сложная задача по определению даты выборов. Сначала оно ориентировалось на октябрь. При этом лейбористы рассчитывали, что к этому времени правительству удастся улучшить отношения с профсоюзами, национализировать порты и усовершенствовать систему социального обеспечения. Все это, как рассчитывали лидеры лейбористов, могло вновь привлечь на их сторону широкие массы трудящихся и обеспечить победу на выборах.

Однако весной 1970 г. ситуация вдруг стала меняться в пользу лейбористов. В 1969 г. впервые за много лет платежный баланс был положительным, а экономическое положение стало несколько улучшаться. Выборы в местные органы власти весной 1970 г. показали, что консерваторы не смогли закрепить успех 1967 г. В марте 1970 г. лейбористы одержали крупную победу на дополнительных выборах в парламент в округе Южный Эйршир, добившись лучшего результата за многие месяцы и нанеся поражение как консерваторам, так и шотландским националистам. Наконец, опросы общественного

³⁵ King C. The Cecil King Diary (1965—1970), p. 190, 242.

мнения давали лейбористам значительное преимущество. Ввиду этого среди лейбористов стало усиливаться мнение о целесообразности проведения выборов в июне — до летних отпусков. Его всячески поддерживала и консервативная пропаганда, утверждавшая, что осенью положение в экономике ухудшится из-за трудностей в экономике США. Левые круги лейбористской партии считали, что выборы лучше провести осенью и предостерегали правительство от провокаций буржуазной прессы.³⁶ Г. Вильсон (решение о проведении выборов принимает премьер-министр единолично) назначил их на 18 июня 1970 г. Главную роль в этом сыграли, видимо, предсказание группы экономистов о неизбежности резкого скачка цен осенью и желание сохранить пост лидера. Если бы в условиях благоприятных опросов он отложил выборы до осени и проиграл их, то его авторитет, как лидера, оказался бы под вопросом.³⁷

Консерваторы и их североирландские союзники-юнионисты выдвинули своих кандидатов в 628 из 630 округов. Их предвыборный манифест «Лучшее завтра» был полон обвинений в адрес лейбористов, на которых возлагалась ответственность за рост цен, инфляцию, увеличение налогов, кризис в здравоохранении, образовании, жилищном строительстве, рост преступности и т. д. Вместо этого консерваторы обещали уменьшить налоги и сократить государственные расходы, заменить некоторые прямые налоги косвенными по образцу ЕЭС вне зависимости от того, вступит Великобритания в него или нет, стимулировать внедрение частного капитала в области социального обеспечения, спорта и искусства, денационализировать часть государственного сектора в промышленности, ослабить государственный контроль за экономикой, сократить государственный аппарат, сделав его менее дорогостоящим и более эффективным. Экономический и социальный разделы манифеста были полны прославлений частного предпринимательства и свободы конкуренции. Одновременно консерваторы обещали усилить карательный аппарат, в целях «защиты личных прав» гражданина укрепить «закон и порядок», ограничить права на забастовку и на проведение демонстраций, создать препятствия для иммиграции и даже стимулировать «добровольное» возвращение иммигрантов в страны, из которых они приехали. В целях «улучшения» отношений в промышленности консерваторы обещали издать соответствующий закон, существенно урезающий права профсоюзов. Все это сопровождалось демагогическими заявлениями о необходимости прогресса от «демократии владельцев собственностью» к «демократии собственников капитала», где каждая семья будет иметь свой дом и собственный капитал. В манифесте говорилось о желании втянуть

³⁶ Tribune, 1970, May 15, p. 1.

³⁷ Butler D. and Pinto-Duschinsky M. The British General Election of 1970, p. 135.

Великобританию в ЕЭС и увеличить ее военную мощь. Все это консерваторы представляли как «стратегию на следующие пять лет — программу для парламента».³⁸

Лейбористские кандидаты баллотировались в 624 округах. Значительное место в их предвыборном манифесте было уделено прославлению деятельности правительства Г. Вильсона по ликвидации дефицита платежного баланса и модернизации промышленности путем предоставления государственных субсидий. Рост цен оправдывался тем, что это происходит во всех капиталистических странах. В случае победы лейбористы обещали продолжать субсидировать частную промышленность через Корпорацию по реорганизации промышленности, национализировать порты, оказать особую поддержку угольной промышленности и областям с наибольшей безработицей, сотрудничать с народом в деле сдерживания роста цен, способствовать развитию системы социального обеспечения, здравоохранения, образования, особенно школьного, жилищного строительства, создать «хорошие отношения в промышленности», сохранить британские войска в Северной Ирландии, ограничить права палаты лордов, реформировать суд и местные органы власти, ликвидировать военное присутствие к «востоку от Суэца».³⁹

Либеральная партия выдвинула в парламент 343 кандидата. Во время предвыборной кампании либералы утверждали, что только они представляют интересы простых людей, в то время как консерваторы подчинены большому бизнесу, а лейбористы профсоюзным боссам, и резко нападали на платформу консерваторов, деятельность лейбористского правительства и несправедливость мажоритарной системы выборов в парламент. В случае прихода к власти либералы обещали перестроить промышленные отношения, взяв за основу доклад королевской комиссии под председательством Донована, децентрализовать государственный аппарат, в том числе создать парламенты для Шотландии и Уэльса, бороться с ростом цен, оказывать содействие мелкому бизнесу и сельскому хозяйству, ввести пропорциональную систему при выборах в парламент, принять закон о гражданских правах, немедленно вступить в «Общий рынок».⁴⁰

В 65 из 71 шотландского округа в выборах участвовала Шотландская национальная партия, в предвыборной программе которой было больше нападок на соперников, чем позитивных обещаний. Главный акцент при этом делался на то, что Шотландия по сравнению с Англией получает в 1,5 раза меньше средств на здравоохранение и социальные нужды, в 2 ра-

³⁸ The Times, 1970, 27 May, p. 8—9.

³⁹ Ibid., 1970, 28 May, p. 9.

⁴⁰ Ibid., 29 May, p. 4.

за — на жилищное строительство и в 3 раза — на охрану окружающей среды. Лейбористское правительство обвинялось также в том, что его политика привела к ликвидации 65 тыс. рабочих мест в Шотландии. Со всем этим националисты обещали бороться.⁴¹

Плайд Камри также предприняла значительные усилия во время избирательной кампании, впервые выдвинув кандидатов во всех 36 округах Уэльса. Предвыборный манифест валлийских националистов содержал резкую критику лейбористского правительства за ухудшение экономического положения Уэльса и рост безработицы. Плайд Камри заявляла об оппозиции вступлению Великобритании в ЕЭС, пока не будет создан парламент в Уэльсе. Одним из главных пунктов манифеста было сохранение валлийского языка, для чего требовалось создать каждому валлийскому ребенку условия для овладения в школе как английским, так и валлийским языком. Последнему придавалось особое значение. «Будущее языка, — подчеркивалось в манифесте Плайд Камри, — имеет жизненно важное значение для всех валлийцев, независимо от того, говорят они по-валлийски или нет».⁴²

Впервые во всеобщих выборах принял участие «Национальный фронт», выставивший своих кандидатов в 10 округах. Это были только английские, а не шотландские или валлийские округа, со значительной концентрацией цветного населения. Предвыборная программа «Национального фронта» преследовала своей целью разжигание самого злобного антикоммунизма и расизма.

Ультралевые выработать единой тактики не смогли: одни призывали голосовать за лейбористов, другие — к бойкоту выборов, третьи пытались выдвинуть своих кандидатов.

КПВ решила выставить своих кандидатов в 58 округах. По своему социальному составу кандидаты-коммунисты в принципе отличались от всех других партий — среди них было 40 рабочих и ни одного капиталиста. КПВ заявила, что выступает против возврата к власти консерваторов и за укрепление движения, борющегося за поворот влево в политике лейбористского правительства. Основными пунктами предвыборного манифеста КПВ «Поставим людей выше прибылей» были стабилизация цен, уменьшение налогов на трудящихся, установление минимума заработной платы в 17 фунтов стерлингов в неделю, прекращение дискриминации женщин и молодежи при оплате труда, отмена всех законов, ограничивающих деятельность профсоюзов и право трудящихся на забастовку, увеличение пенсий, пособий по болезни и безработице, улучшение систем здравоохранения и образования, увеличение жилищного строительства, национализация крупных монополий, отказ от вступ-

⁴¹ Ibid., 28 May, p. 10.

⁴² Ibid., 27 May, p. 10.

ления в ЕЭС и борьба за общеевропейское сотрудничество и независимую миролюбивую внешнюю политику, демократизация государственного строя путем создания парламентов в Шотландии и Уэльсе, принятия закона о гражданских правах в Северной Ирландии, реорганизации местных органов власти, введения пропорциональной системы выборов в парламент, отмены денежного залога для кандидатов в депутаты, предоставления всем партиям равных возможностей в использовании радио и телевидения, ведения последовательной борьбы с расизмом. Избиратели призывались голосовать за коммунистов, а в округах, где нет их кандидатов, — за лейбористов.⁴³

Предвыборная кампания в основном проходила обычно, как и в предшествующие послевоенные годы. Консерваторы в своей пропаганде основной акцент делали на провал экономической политики лейбористов, причем особое внимание уделялось росту цен. Консерваторы обещали также укрепить «закон и порядок». Нападки на профсоюзы были на время предвыборной кампании несколько смягчены; более того, лидеры консерваторов в демагогических целях даже выступили с несколькими заявлениями, критикующими капиталистов. Сильной стороной консерваторов было наличие у них мощной финансовой базы. Монополии предоставили им крупные субсидии: только непосредственно перед выборами консерваторы получили от крупного капитала 165 826 фунтов стерлингов, а в период с 1968 г. — 1,5 млн. фунтов стерлингов.⁴⁴ Профсоюзы же на этот раз предоставили лейбористам несколько меньшие субсидии — 350 тыс. фунтов стерлингов,⁴⁵ что позволяло консерваторам вести предвыборную кампанию с особым размахом: так, Э. Хит даже нанял для своих поездок специальный самолет, как это делают американские кандидаты в президенты, на борту которого находились не только его советники и помощники, но и журналисты, описывавшие выступления лидера консерваторов.

На стороне консерваторов были средства массовой информации — печать, радио и телевидение. Так, в программах новостей, передаваемых по Би-Би-Си-1, консерваторам уделялось 46% времени (в 1966 г. — 39%), лейбористам — 42% (в 1966 г. — 42%), либералам — 10% (в 1966 — 16%), другим партиям — 1% (в 1966 — 2%), по радио соответственно — 43% (36%), 41% (46%), 16% (17%) и 0% (0%).⁴⁶ Взгляды консерваторов пропагандировала печать, на которую приходилось около 55% всего выходящего тиража.⁴⁷

⁴³ Morning Star, 1970, 30 May, p. 3.

⁴⁴ Ibid., 10 June, p. 1.

⁴⁵ The Times, 1970, 29 May, p. 4.

⁴⁶ Butler D. and Pinto-Duschinsky M. The British General Election of 1970, p. 207.

⁴⁷ Butler D. and Sloan A. British Political Facts. 1900—1979. London, 1980, p. 450.

Весной 1970 г. — в период перед началом предвыборной кампании или в ходе ее — в поддержку консерваторов открыто выступили и многие видные деятели истеблишмента — бывший управляющий Английским банком лорд Кромер заявил об ухудшении экономического положения, лорд — верховный судья Паркер призвал к расширению полномочий карательных органов и ужесточению наказаний, хотя статистика свидетельствовала об уменьшении роста преступности. Явно провокационно в отношении лейбористского правительства держалась и ассоциация врачей, чьи требования были созвучны с планами консерваторов в отношении государственной службы здравоохранения. Еще дальше пошла федерация полицейских, выразившая на своей конференции недоверие лейбористскому министру внутренних дел Дж. Каллагэну. Служащие государственного аппарата еще во время предвыборной кампании вступили в контакт с консерваторами, причем их советы оказали определенное воздействие на содержание заявлений Э. Хита, особенно по экономическим проблемам.⁴⁸

Слабой стороной консерваторов были личная непопулярность Э. Хита и позиция Э. Пауэлла. Э. Хит всячески избегал выступлений на публичных митингах, где он производил худшее впечатление, чем Г. Вильсон, а ограничивался речами перед слушателями, впускаемыми на встречу с ним по специальным билетам и задававшими ему только заранее подготовленные вопросы. Хотя консерваторы объясняли все это соображениями безопасности, было очевидно, что Э. Хит просто боится встречи с широкой аудиторией. Э. Пауэлл же вел самую разнузданную расистскую пропаганду, утверждая, что число цветных в Великобритании якобы растет огромными темпами, а «вражеские агенты» в министерстве внутренних дел запутывают статистику, чтобы скрыть это. Не обходилось и без плохо замаскированных нападков на Э. Хита, так как всем было понятно, кого имеет в виду Э. Пауэлл, говоря о лицах, ответственных за якобы неминуемое поражение консерваторов. В действительности же сам Э. Пауэлл ждал этого поражения, рассчитывая сменить Э. Хита на посту лидера.

Эти расчеты имели определенное основание: поскольку все опросы общественного мнения предсказывали победу лейбористов, многие консерваторы уже считали выборы проигранными и начинали подумывать о том, как бы избавиться от Э. Хита. В этих условиях Э. Хит был вынужден, с одной стороны, защищать Э. Пауэлла от критики левых, чтобы продемонстрировать единство партии, а с другой — искать способ ограничить его влияние. Все это создавало для руководства консерваторов немалые сложности — вопрос о Э. Пауэлле был среди основных почти на всех совещаниях по разработке тактики в ходе предвыборной кампании.

⁴⁸ Bruce-Gardyne J. Whatever Happened to the Quiet Revolution? The Story of a Brave Experiment in Government. London, 1974, p. 59—60.

Лейбористская партия вела кампанию пассивно. Ввиду благоприятных опросов Г. Вильсон, как и большинство его министров, не сомневался в победе. Многие же активисты лейбористской партии и профсоюзов были разочарованы политикой правительства Г. Вильсона и не проявили особой активности во время предвыборной кампании. Еще более расхолаживали левые круги лейбористской партии нападки Г. Вильсона на профсоюз типографских рабочих, объявивший в начале июня 1970 г. забастовку, и на принадлежавшего тогда к центру партии А. Веджвуда Бенна, который в одной из своих речей сравнил сторонников Э. Пауэлла с гитлеровцами. Премьер-министр отмежевался и от бастующих рабочих, и от А. Веджвуда Бенна.

Серьезные просчеты были сделаны лейбористами и в предвыборной тактике. Не было предпринято мер для обеспечения участия в голосовании молодежи 18—21 года, впервые получившей это право и настроенной пролейбористски. Только 70% молодых людей этой категории были к моменту выборов зарегистрированы в качестве избирателей. Неприятное впечатление даже на лейбористов произвел выпущенный в мае 1970 г. предвыборный плакат «Люди вчерашнего дня», на котором лидеры консерваторов были изображены в карикатурном виде в качестве восковых фигурок. Справедливости ради надо отметить, что и консерваторы вели свою кампанию далеко не корректно, именуя своих соперников «свиньями», «патологическими лжецами», «обманщиками», однако главное внимание в пропаганде они уделяли все-таки росту цен, а не личным выпадам. В этих условиях не оправдала себя и ставка лейбористов на противопоставление личностей Г. Вильсона и Э. Хита.

Другие партии ввиду ограниченности средств и ресурсов существенного влияния на ход предвыборной кампании оказать не смогли. В особенно тяжелых условиях, подвергаясь неприкрытой дискриминации, пришлось действовать КПВ. Так, Генеральному секретарю КПВ Дж. Голлану было выделено всего 5 мин для выступления по телевидению, причем в программе передач об этом сообщено не было, а само выступление было показано в тот момент, когда большинство трудящихся находилось в пути, возвращаясь с работы домой.

Результаты выборов оказались для многих неожиданными — убедительную победу одержали консерваторы, которые получили 46,4% голосов, т. е. на 4,7% больше, чем в 1966 г., и на 3,4% больше лейбористов и 330 из 630 мест в парламенте.⁴⁹ В чем причина столь неожиданного успеха?

В первую очередь сказалось, конечно, недовольство избирателей ухудшающимся экономическим положением. То, что более половины женщин голосовало за консерваторов, в значительной

⁴⁹ Butler D. and Pinto-Duschinsky M. The British General Election of 1970, p. 352—353.

степени объясняется тем, что они смогли умело использовать в своей пропаганде проблему роста цен, волновавшую домохозяек. «Домашняя хозяйка, — писала после выборов „The Times”, — фактически была секретным оружием стратегии тори».⁵⁰ На часть избирателей произвели впечатление данные о дефиците платежного баланса за май 1970 г., опубликованные перед самыми выборами и подтверждавшие, как казалось, заявления консерваторов о неспособности лейбористов успешно решать экономические проблемы. Проявилось и разочарование части трудящихся лейбористской «политикой цен и доходов» и законопроектом «Вместо раздоров», в результате чего некоторые из сторонников лейбористов не пошли голосовать вообще (явка на выборы 1970 г. была самой низкой в послевоенные годы — 72%). Все эти факторы в сумме и определили успех консерваторов.

Пожалуй, никогда ранее парламентская фракция правящей партии не была так тесно связана с монополистическим капиталом, как консервативная после выборов 1970 г. Из 330 депутатов 101 был бизнесменом, а все они вместе занимали 900 постов в различных компаниях и банках. Возросла и роль военных — их было уже 24.⁵¹ Всего лишь 2 человека были рабочими. В политическом отношении фракция поправела — в ее составе было 30 членов «клуба понеделника», 40 депутатов были известны как сторонники Э. Пауэлла.⁵²

Лейбористы получили 43,0% голосов (в 1966 г. — 47,9%) и 287 мест. В социальном отношении их фракция в парламенте была отличной от консерваторов, но и тут рабочие — 75 человек — были в меньшинстве.⁵³ Соотношение политических сил в ней почти не изменилось по сравнению со второй половиной 60-х годов. Единственным значительным событием было поражение заместителя лидера лейбористской партии Дж. Брауна, возглавлявшего наиболее правые силы и претендовавшего на пост лидера. Ввиду этого личные позиции Г. Вильсона, несмотря на поражение, остались неизменными.

Для малых партий результаты выборов были разочаровывающими. Либералы получили 7,5% голосов, т. е. на 1% меньше, чем в 1966 г., и всего 6 мандатов. Даже в условиях несправедливой мажоритарной системы это было крупное поражение. Число голосов за шотландских и валлийских националистов возросло, но исключительно ввиду увеличения количества выдвинутых кандидатов. Все места, завоеванные ими во время дополнительных выборов в конце 60-х годов, были потеряны. ШНП удалось победить в одном новом округе, но с ничтожным

⁵⁰ The Times, 29 June 1970, p. 2.

⁵¹ Butler D. and Pinto-Duschinsky M. The British General Election of 1970, p. 302; The Times, 1970, 22 June, p. 25.

⁵² Tribune, 1970, 26 June, p. 8.

⁵³ Butler D. and Pinto-Duschinsky M. The British General Election of 1970, p. 302, 352—353.

большинством. Двухпартийная система, при которой крупные партии возвращают себе места, потерянные во время дополнительных выборов, сработала достаточно четко и на этот раз. Все это вызвало определенную растерянность среди сторонников ШНП и Плайд Камри, ожидавших появления в парламенте националистических фракций. Однако если оценить факт победы ШНП в одном округе с точки зрения исторической перспективы, то он чрезвычайно важен, поскольку это был первый случай, когда националист (кроме ирландских) был избран депутатом на всеобщих выборах. Без этого вряд ли были бы возможны победы националистов на последующих парламентских выборах.

В Северной Ирландии существенных изменений в распределении мандатов между местными партиями не произошло, причем большинство из них, как и раньше, примкнуло к консерваторам. «Национальный фронт» получил 11 349 голосов, что было его явной неудачей.⁵⁴ Полный крах потерпели различные левацкие группы.

Уменьшилось и число голосов, собранных коммунистами, по сравнению с выборами 1966 г. Это объясняется слабой финансовой базой компартии, враждебностью средств массовой информации, опасениями некоторых левых избирателей, что из-за раскола голосов между кандидатами рабочих партий победу одержат консерваторы.

В соответствии с традицией, когда результаты выборов стали известны, Г. Вильсон вручил королеве прошение об отставке и рекомендовал поручить формирование правительства лидер-консерваторов. Через несколько часов в Букингемский дворец прибыл Э. Хит, который был назначен премьер-министром.

В ходе предвыборной кампании Э. Хит не раз обещал уменьшить число министров, что и было сделано: количество членов кабинета уменьшилось с 21 (при Г. Вильсоне) до 18, а осенью 1970 г. даже до 17, министров вне кабинета — с 33 до 25, парламентских секретарей — с 28 до 24, парламентских организаторов с 18 до 16.⁵⁵ Вряд ли это сокращение стоит считать чем-либо особенно радикальным — в послевоенные годы по числу министров консервативные правительства были всегда меньше лейбористских. Впоследствии же Э. Хит был вынужден пойти на расширение своего правительства.

В социальном отношении кабинет Э. Хита почти не отличался от своих консервативных предшественников — он состоял только из представителей крупного капитала и аристократии. Хотя консервативная пропаганда потратила немало усилий, доказывая, что с приходом к руководству Э. Хита социальный облик партии изменился, ни один из представителей трудящихся

⁵⁴ Trends in British Politics since 1945. New York, 1978, p. 154.

⁵⁵ Bruce-Gardyne J. Whatever Happened to the Quiet Revolution?. p. 14.

слоев — даже из демагогических целей — в состав кабинета включен не был. Как отмечал Дж. Голлан, правительство Э. Хита — это «правительство КБП, из КБП и для КБП». ⁵⁶

При определении персонального состава своего кабинета Э. Хит получил значительную свободу действий: лидер партии, став премьер-министром, уже сосредоточивает в своих руках огромную партийную и государственную власть. К тому же его личный авторитет резко возрос — он был единственным в руководстве партии, кто с самого начала не сомневался в успехе на выборах. Критикам Э. Хита в консервативной партии пришлось замолчать, а он получил возможность не включать в кабинет ни Э. Пауэлла, ни Э. Дю Канна, хотя последнему это было обещано в 1967 г., когда тот уходил с поста председателя консервативной партии. ⁵⁷

За основу при формировании правительства Э. Хит положил «теневой кабинет» консерваторов конца 60-х годов, произведя в нем лишь небольшие перестановки. «Новые правые» были представлены в кабинете Дж. Риппоном — членом «клуба понедельника», М. Тэтчер и К. Джозефом, но министерства, порученные Дж. Риппону и К. Джозефу, были менее важные, чем в «теневом кабинете». Другие «новые правые» (Дж. Иден, Н. Ридлей и т. д.) получили посты министров, но не вошли в состав кабинета и оказались под руководством государственных секретарей — сторонников Э. Хита. Таким образом, позиции «новых правых» усилились в парламентской фракции, но несколько ослабели в правительстве по сравнению с «теневым кабинетом». Это таило угрозу конфликтов в случае поворотов в политике.

«Старая гвардия» консерваторов тоже не получила ключевых постов. Р. Модлинг стал министром внутренних дел, и его фамилия шла в списке министров второй. Он обычно председательствовал на заседаниях кабинета и отвечал на вопросы в парламенте, когда Э. Хит отсутствовал. Ввиду этого в своих мемуарах Р. Модлинг называет себя фактическим заместителем премьер-министра. ⁵⁸ Так же характеризуют его положение в кабинете и некоторые исследователи. С этим нельзя согласиться. Прежде всего в 60-е годы как в консервативных, так и в лейбористских правительствах заместителем премьер-министра считался министр, носивший одновременно и титул первого государственного секретаря, как Р. Батлер, Дж. Браун, М. Стюарт, Б. Касл. Э. Хит вообще никого не назначил первым государственным секретарем и называл своим фактическим заместителем руководителя департамента гражданской службы Р. Армстронга. Таким образом, вторым в кабинете Р. Модлинг был

⁵⁶ Morning Star, 1970, 19 October, p. 1.

⁵⁷ Berkeley H. Crossing the Floor, p. 107.

⁵⁸ Maudling R. Memoirs, p. 189—192.

чисто формально, а после его отставки в 1972 г. второго лица в правительстве и вовсе не стало. Важный пост канцлера казначейства (министра финансов) получил Я. Маклеод, но уже через месяц он умер. Его преемником стал верный сторонник Э. Хита—А. Барбер. А. Дуглас-Хьюм был в течение всех лет правления Э. Хита министром иностранных дел, но каких-либо шансов вновь стать лидером у него не было, да он и не предпринимал таких попыток. К. Хогг был назначен лордом-председателем совета—пост высокий и почетный, но дающий мало реальной власти. К тому же К. Хогг должен был вновь стать пэром—лордом Хэйлшемом—титул, от которого он отказался за семь лет до этого, чтобы бороться за пост премьер-министра.

Ключевые посты в кабинете получили сторонники Э. Хита—У. Уайтлоу, А. Барбер, П. Уокер, П. Томас, Дж. Прайор, лорд Каррингтон и другие, которые лишь время от времени меняли портфели. Это были люди, выдвинутые Э. Хитом и полностью преданные ему, но способные лишь проводить его политику.

Состав кабинета Э. Хита за все годы пребывания его у власти менялся мало. Из него выбыло всего 4 человека: Я. Маклеод умер, пост М. Нобля после реорганизации в октябре 1970 г. был выведен из числа важнейших, а Р. Модлинг и лорд Джелико ушли сами—первый был обвинен в афере с фирмой «Полюзон», второй—в неблагоприятных связях. В кабинет было введено семь человек. В основном это были люди, стоящие на политической платформе Э. Хита или чуть правее его. Наиболее важным из новых назначений было появление в кабинете Д. Дэвиса, бывшего в 1960-е годы генеральным директором КБП. Оно имело целью не только укрепить связь с большим бизнесом, но и несколько успокоить сторонников «национального правительства», желавших, чтобы в кабинет вошли не только консервативные политики.⁵⁹

Таким образом, правительство Э. Хита представляло собой довольно неустойчивый компромисс различных течений, который существовал главным образом благодаря личному авторитету Э. Хита, появившемуся после победы на парламентских выборах 1970 г. Это неустойчивое единство могло распаться при первой же крупной неудаче. Однако реальная власть самого премьера в таком кабинете была чрезвычайно велика—по сути дела никто, кроме М. Тэтчер, не рисковал даже вступать с ним в споры на заседаниях правительства. Конечно, это отражало не столько личные качества Э. Хита и его министров, сколько кризис буржуазно-демократических институтов.

В плане профессиональной подготовки к выполнению своих обязанностей в правительстве, по мнению специалистов, министры Э. Хита были не на высоте.⁶⁰ Более половины лиц, во-

⁵⁹ King C. The Cecil King Diary (1970—1974), p. 28.

⁶⁰ Headey B. British Cabinet Ministers. The Roles of Politicians in Executive Office. London, 1974, p. 93.

шедших в него, ранее были членами кабинетов при Г. Макмиллане и А. Дуглас-Хьюме, а почти все остальные — министрами вне кабинета. Однако только двое (А. Дуглас-Хьюм и лорд Каррингтон) возглавили те министерства, в которых они ранее служили. Лишь три члена кабинета (Э. Хит, Г. Кэмпбелл и лорд Джелико) были когда-либо государственными служащими. А члены «теневого кабинета» почти все вскоре оказались совсем не на тех постах в правительстве, к которым они готовились в оппозиции. Важно отметить, что многочисленное членство лидеров консерваторов в правлениях компаний и банков давало им связи с крупным капиталом, но не специальные знания даже по экономическим вопросам, поскольку их посты были, как правило, почетными.

Другой слабостью правительства Э. Хита были сложности во взаимоотношениях с парламентской фракцией. В Великобритании в последние десятилетия наблюдается тенденция к все большему подчинению парламентских фракций партийным лидерам. Это, конечно, не означает, что между правительством и фракцией или ее частями не могут возникать трения. Так, в 1945—1974 гг. в 6860 случаях, по которым партийное руководство требовало строго обязательного голосования всех депутатов, в 621 находились ослушники, голосовавшие против своей партии.⁶¹ Очевидно, тенденция к подчинению парламентской фракции партийному руководству будет усиливаться как одно из проявлений кризиса буржуазного парламентаризма, что не исключает и возникновение «мятежей» заднескамеечников, особенно в кризисные или переломные моменты. В этом плане отношения правительства Э. Хита с парламентской фракцией весьма показательны. Из 1101 голосования в парламенте в 1970—1974 гг. в 204 случаях кто-либо из консерваторов голосовал вместе с оппозицией.⁶² Правительство Э. Хита 24 раза терпело поражение в парламенте, в то время как его консервативные предшественники в 1959—1964 гг. — 9 раз, а лейбористские — 2 раза в 1964—1966 гг. и 10 раз в 1966—1970 гг.⁶³

В чем причины столь сильных разногласий в парламентской фракции консерваторов? Прежде всего в том, что правительство Э. Хита, пытаясь осуществить крупный поворот вправо во внутренней и внешней политике, действовало все же непоследовательно, что не могло не вызвать критику со стороны различных течений в консервативной партии. Сказались также субъективные моменты — Э. Хит почти не советовался с фракцией и не принимал во внимание замечаний депутатов по существу пред-

⁶¹ Norton Ph. Conservative Dissidents. Dissent within the Parliamentary Conservative Party, 1970—1974. London, 1978, p. 23.

⁶² Подсчитано нами на основании данных: Norton Ph. Conservative Dissidents, p. 40.

⁶³ Norton Ph. Conservative Dissidents, p. 213.

даваемых законопроект; не смог он установить и сколько-нибудь прочного личного контакта с депутатами. Недовольство последних вызвало и меньшее количество правительственных постов и наград, полученных ими по сравнению с предшествующими годами.

Однако эти слабости правительства Э. Хита правящие круги тогда замечать не желали. Вся буржуазная пресса была полна восторженных статей о Э. Хите, Р. Модлинге, Р. Карре и других министрах-консерваторах. В газете «The Times» появилась редакционная статья «1945 и 1970», утверждавшая, что Э. Хит произведет столь же глубокий поворот в судьбах страны, как лейбористское правительство К. Эттли, и что в последующие десятилетия Великобритания будет развиваться в том направлении, которое ей укажет только что пришедший к власти кабинет консерваторов.⁶⁴

Не меньшие амбиции были и у самого премьер-министра. Выступая на ежегодной конференции консервативной партии в октябре 1970 г., он под бурные аплодисменты собравшихся заявил: «Мы были возвращены к власти, чтобы изменить направление развития и историю этой нации и ни с какой иной целью... Это вызов, но он дает возможность: возможность взять судьбу, судьбу нации снова в наши собственные руки. Если мы выполним эту задачу, то сможем начать столь радикальные перемены, революцию столь тихую, но и столь всеобъемлющую, что она выйдет далеко за пределы программы для парламента, которой мы преданы и которую уже начали осуществлять, выйдет за пределы десятилетия и будет проходить и в восьмидесятые годы... Мы сейчас закладываем ее основы, но эти основы для целого поколения».⁶⁵ Именно этот призыв к «тихой революции»; которая должна была повернуть всю жизнь Великобритании вправо, урезать экономические и политические права трудящихся, укрепить позиции правящего класса в мире и в самой стране, и стал главным для консервативного правительства Э. Хита.

⁶⁴ The Times, 1970, 29 June, p. 9.

⁶⁵ Ibid., 12 October, p. 4.

Глава II

УСИЛЕНИЕ АНТИДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СТРОЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ в 1970—1974 гг.

Государственный строй Великобритании представляется на первый взгляд одним из самых стабильных в капиталистическом мире. Тем не менее внутри его в последнее время идут значительные изменения, отражающие стремление правящего класса приспособиться к новым условиям. Для этого был взят курс на совершенствование механизма государственного аппарата с целью сделать его более эффективным и прочным на случай непредвиденных потрясений и на постепенное, по возможности незаметное ограничение демократических прав и свобод трудящихся. Подобные планы стали появляться еще в 60-е годы, но первые крупные практические шаги были сделаны консерваторами в 1970—1974 гг. Важно подчеркнуть, что правительство Э. Хита придавало этой стороне своей деятельности большое значение. Не случайно одним из главных, если не самым главным, лозунгом «тихой революции» был «управлять меньше, но лучше».¹

Конечно, реформы, осуществленные консерваторами в 1970—1974 гг., нельзя рассматривать изолированно от деятельности предшествующих и последующих правительств, тем не менее они представляли собой важный этап в реорганизации государственного аппарата. Прежде всего по своим масштабам эти реформы не имели прецедента в новейшее время, поскольку ими были охвачены парламент, министерства, местные органы власти, суды и другие части государственной машины. Кроме того, они действительно определили основные направления деятельности последующих правительств по укреплению государственного аппарата и ограничению демократических свобод.

Отличительными чертами реформ, осуществленных консерваторами в государственном аппарате в изучаемый период,

¹ Bruce-Gardyne J. Whatever Happened to the Quiet Revolution?.. р. 7.

были, во-первых, стремление удалить наиболее явные анахронизмы и перестроить госаппарат в соответствии с требованиями НТР, во-вторых, американизация — реформы были явно скопированы с «технотронной революцией» Р. Макнамары в Пентагоне, закона Тафта-Хартли и т. д., в-третьих, частичный отказ от национального суверенитета. «Британия, — отмечает видный юрист П. Бромхед, — вступив в ЕЭС, оказалась в зависимости от правовых норм, которые уже имели силу и были созданы без участия Британии... Хотя формально они касались только коммерческой деятельности, их влияние на условия жизни всего Сообщества имело далеко идущие последствия».²

Прежде всего изменения коснулись высшего законодательного органа — парламента. Порядок избрания палаты общин определялся Актом о народном представительстве (1969 г.), основным новшеством которого было предоставление права голоса с 18 лет, а не с 21 года, как ранее. Консерваторы, будучи в оппозиции, всячески сопротивлялись предоставлению молодежи права голоса, но по приходе к власти уже не пытались восстановить старые порядки. Однако другие положения Акта были подвергнуты ревизии.

Консерваторы произвели существенные изменения в границах округов по выборам в палату общин и создали пять новых округов. В результате число ее депутатов возросло с 630 до 635. Инициатива этого исходила от комиссий по пересмотру границ округов, созданных на основании закона 1944 г. Строго говоря, оно должно было произойти в 1969 г., так как со времени предшествовавшего перераспределения в 1954 г. прошло 15 лет — срок, установленный законом 1958 г. Однако лейбористское правительство Г. Вильсона решило отложить его осуществление, ссылаясь на подготовку реформы местных органов власти и необходимость соответствия границ новых избирательных округов и новых административных единиц. В действительности лейбористы просто опасались потери нескольких мест в парламенте, поскольку население городских районов, традиционно голосующих за них, в предшествовавшие годы уменьшилось, а в сельской местности консерваторы могли быть уверены в победе независимо от границ округов. Во время предвыборной кампании 1970 г. консерваторы широко использовали эту отсрочку в пропагандистских целях, обвиняя лейбористов в отходе от системы «честного пересмотра» границ избирательных округов.³ В ноябре 1970 г. закон об утверждении рекомендаций комиссии был принят. Однако проведенная реформа была не проявлением «политической честности», как утверждало правительство Э. Хита, а простой перекройкой округов в интересах правящей партии. Если принцип «один человек — один голос» после принятия за-

² Бромхед П. Эволюция британской конституции. М., 1978, с. 312.

³ The Times, 1970, 27 May, p. 9.

кона 1969 г. стал осуществляться достаточно полно, то принцип равнозначности голосов по-прежнему продолжал грубо нарушаться: в Великобритании оставалось 132 округа, в которых было на 20 тыс. избирателей больше или меньше средней нормы в 60 тыс.⁴ Причем эту разницу нельзя объяснить только сверхпредставительством Шотландии и Уэльса. Так, например, в Шотландии во время проведения парламентских выборов 1974 г. было 13 округов с количеством избирателей менее 40 тыс. и 7 — свыше 65 тыс. Крайностями тут были округ Западные острова (22 477 избирателей) и Мидлотиан (89 191 избиратель).⁵ До равнозначности голосов, таким образом, по-прежнему оставалось далеко.

В феврале 1974 г. правительство Э. Хита в срочном порядке провело еще одну важную поправку к Акту о народном представительстве, разрешающую увеличить максимум расходов на ведение предвыборной кампании. Если раньше каждый кандидат мог истратить 750 фунтов стерлингов и дополнительно по 5 пенсов на каждые 6 сельских и 8 городских избирателей, то теперь сумма возростала до 1075 фунтов стерлингов и дополнительно 6 пенсов на каждые 6 сельских и 8 городских избирателей.⁶ Это было, конечно, выгодно консерваторам, обладающим более значительными финансовыми ресурсами, чем их соперники. Показательно, что на парламентских выборах в феврале 1974 г., т. е. через 3 недели после принятия нового максимума, лишь кандидаты-консерваторы, баллотировавшиеся в округах, где шансы их и лейбористов были примерно равны, смогли произвести столь крупные расходы.⁷ Что же касается малых политических партий, то данный закон еще более усилил их неравноправное положение.

Важные изменения были проведены во внутренней структуре парламента, прежде всего его комитетов. Еще в 1966 г. правительство Г. Вильсона выступило инициатором создания специализированных комитетов палаты общин. Однако в их работе было много несогласованностей. В связи с этим в 1969 г. комитету по вопросам процедуры было поручено подготовить предложения по переделке структуры специализированных комитетов, но это не было сделано до парламентских выборов 1970 г.

Консерваторы начали, по сути дела, все заново. В 1970—1971 гг. они провели следующую реорганизацию: специализированные комитеты по науке и технике, национализированной промышленности, расовым отношениям и иммиграции, шотландским

⁴ Грушева Г. В. Порядок формирования палат британского парламента: Автореф. канд. дис. Свердловск, 1974, с. 7.

⁵ Kellas J. The Scottish Political System. Cambridge, 1975, p. 78.

⁶ Parliamentary Debates. House of Commons. Official Report. Vol. 686, N 59. London, 1974, col. 1379.

⁷ Butler D. and Kavanagh D. The British General Election of February 1974. London and Basingstoke, 1974, p. 240.

делам сохранялись, а остальные заменились одним — комитетом по государственным расходам.⁸ Внутри последнего были созданы руководящий комитет и 6 подкомитетов — по государственным расходам (общие вопросы), обороне и внешней политике, торговле и промышленности, образованию и искусству, окружающей среде и внутренним делам, занятости и социальным службам. Общая численность комитета определялась в 45 человек, а не в 80, как предлагалось лейбористами, но в действительности было назначено 50 членов.⁹

Председателем комитета в 1971—1972 гг. был Э. Дю Канн, а затем его сменил сэр Генри д'Авигдор Голдсмит. Председателями подкомитетов стали 3 консерватора и 3 лейбориста. Новый комитет наделялся более широкими полномочиями, чем существовавшие до него комитет по проекту государственного бюджета и др. Он мог обсуждать не только годовой бюджет, но и любой другой документ о государственных расходах, рассматриваемый палатой общин. Формально это представлялось как средство подключения палаты общин к бюджетному программированию, но на практике дело свелось к еще большему урезыванию ее прав. Палате общин и ее комитету по-прежнему не было предоставлено право увеличивать или сокращать государственные расходы в целом или по отдельным статьям, как это могут делать конгресс США и его комиссии. Они могли лишь в самой общей форме выражать согласие или несогласие с предложениями правительства, причем в условиях строжайшей партийной дисциплины при голосовании финансовых законопроектов их судьба была предрешена заранее как в комитете, так и в самой палате.

Члены комитета при рассмотрении документов о государственных расходах не могли и обсуждать финансовую политику в целом. Комитет не был допущен к документации и оценкам экспертов, на основании которых составлялся государственный бюджет — они продолжали храниться в строгой тайне от представительных учреждений. Таким образом, реальной возможности для осуществления своих прав комитет по государственным расходам не имел. Однако его появление стало предлогом для резкого сокращения времени, выделяемого для обсуждения финансовых законопроектов, включая государственный бюджет, на пленарных заседаниях палаты общин, что существенно ослабило ее традиционное право контролировать расходование государственных средств.

Одной из форм уменьшения роли рядовых парламентариев в политической жизни в послевоенные годы стало ограничение их участия в разработке законодательных актов. Поскольку это

⁸ The British Parliament. London, 1971, p. 26.

⁹ Stracey F. British Government 1966 to 1975. Years of Reform. Oxford, 1975, p. 29—32.

вызывало беспокойство общественности, правительство Э. Хита поручило комитету по вопросам процедуры подготовить соответствующие предложения. В июле 1971 г. доклад комитета, объемом в 358 страниц (!), под названием «Процесс законодательства» был готов. Главное внимание в нем уделялось периоду подготовки законопроекта до прохождения первого чтения в палате общин. Правительство согласилось только с одним из многочисленных предложений — в мае 1973 г. был создан объединенный комитет обеих палат по подготовке законодательных актов, причем с весьма ограниченными функциями — сделать их язык более понятным парламентариям и обычным гражданам. По общему мнению, комитет проделал большую работу по редактированию законопроектов, но его создание ни в коей степени не увеличило влияние рядовых парламентариев на процесс законодательства. Если в 1970—1974 гг. были приняты почти все правительственные законопроекты, то из предложенных рядовыми парламентариями проходила лишь $\frac{1}{5}$ и почти всегда при поддержке правительства.¹⁰ Ничтожным оставалось и количество поправок, которые правительство согласилось включить в свои законопроекты.

Были проведены определенные изменения в вопросах делегированного законодательства. В 1971—1972 гг. положение дел в этой сфере рассматривалось объединенным комитетом обеих палат во главе с лордом Бруком. В его докладе констатировалось, что палата общин уделяет крайне незначительное время этим проблемам и что координация деятельности между соответствующими комитетами палаты лордов и палаты общин фактически отсутствует. Рекомендовалось создать на постоянной основе объединенный комитет обеих палат по делегированному законодательству при сохранении самостоятельного комитета палаты общин, рассматривавшего бы вопросы, относящиеся исключительно к ее компетенции.

Правительство Э. Хита согласилось на создание новых комитетов, но существенного улучшения от этого не произошло. Прежде всего из-за реорганизации в сессию 1972—1973 гг. ни один из комитетов не работал — старые были распущены, а новые не созданы. Но и после создания новых комитетов их роль была не велика и сводилась к чисто формальной проверке нормативных актов правительства. Отчеты комитетов парламентом по существу не рассматривались, и его контроль над делегированным законодательством во многом оставался формальным. Продолжала быть широко распространенной и «субделегация» законодательных полномочий, т. е. передача их от органа, получившего законодательные полномочия от парламента, другим. Все это не было случайным — правящим кругам, выгодно осу-

¹⁰ The Modernization of British Government. London, 1975, p. 13.

щественная антидемократические меры таким путем, не привлекая внимания общественности.¹¹

Наконец, вступление в ЕЭС потребовало изменений в британском законодательстве в соответствии с решениями высших органов «Общего рынка». Первоначально правительство намеревалось ограничиться лишь двумя нововведениями в парламентской процедуре — публикацией перед началом сессии совета ЕЭС их повесток дня и рассылкой депутатам парламента объяснительных записок ко всем законодательным решениям, принятым ЕЭС. Предложения о регулярных заявлениях в палате общин по повестке дня ближайших сессий совета ЕЭС и ежемесячной информации в парламенте о деятельности органов «Общего рынка» были отклонены. Несколько позднее — в октябре 1973 г. — правительство Э. Хита согласилось на создание комитета палаты общин по европейскому сообществу с целью рассмотрения того, как решения ЕЭС влияют на британское законодательство и какие изменения в нем ввиду этого требуются. Он был создан уже при лейбористском правительстве Г. Вильсона в мае 1974 г.

При правительстве Э. Хита были осуществлены и некоторые другие меры по ограничению прав палаты общин. В частности, был создан важный прецедент в отношении ответственности правительства перед парламентом. В 1972 г. при обсуждении новых иммиграционных правил в связи с вступлением Великобритании в «Общий рынок» правительство потерпело поражение, хотя депутаты-консерваторы получили от своих организаторов строжайшее указание голосовать за их принятие. Это был первый в послевоенной истории случай поражения правительства при подобном голосовании. До этого считалось, что оно равнозначно вотуму недоверия. Однако правительство в отставку не подало, на проведение новых выборов не пошло и даже не поставило официально вопрос о доверии, а осталось у власти, как будто речь шла об обычном голосовании.¹² Таким образом, парламент терял — ввиду значения прецедента в британском праве — одну из возможностей сместить правительство.

Ограничено было и другое важное право депутатов — задавать вопросы правительству и отдельным министрам, а это было одной из немногих реальных возможностей для них участвовать в политической жизни и оказывать известное воздействие на правительственную политику. В послевоенные годы сложилась тенденция к уменьшению числа вопросов, на которое давались ответы. Так, в 1971 г. из 15 107 устных вопросов только на 4907 были даны ответы. Теперь правительство пошло на официальное ограничение — было установлено максимальное коли-

¹¹ Якушева А. И. Делегированное законодательство в Англии: Автореф. канд. дис. Свердловск, 1980, с. 12—13.

¹² Norton Ph. Conservative Dissidents, p. 129.

чество вопросов, которые мог задать один депутат. Так, на сессию 1972—1973 гг. была введена следующая норма: 8 устных вопросов в течение 10 дней заседаний.¹³ Это ограничение, конечно, было не очень суровым, но сам факт его появления, законодательное закрепление для работы последующих сессий и угроза дальнейших ограничений весьма показательны для общей тенденции к решению основных проблем за пределами представительных учреждений.

Правительство Э. Хита заметно уменьшило публикацию «зеленых книг» — дискуссионных документов перед внесением соответствующего законопроекта в парламент. Даже когда такие дискуссионные документы создавались, их не обнародовали, а распространяли среди узкого круга лиц. Не поддержало правительство Э. Хита и предложений о разрешении трансляции по телевидению заседаний палаты общин.

В 1970—1974 гг. правительство лишь трижды пользовалось «гильотиной» — методом разделения законопроекта на части и строгого ограничения времени для их обсуждения, что позволяло принимать значительные части законопроекта без дискуссий вообще. Однако «гильотина» была применена консерваторами в важнейших случаях. Так, например, при принятии закона «Об отношениях в промышленности» в палате общин обсуждена была лишь 1/3 статей — остальные, включая и о чрезвычайных полномочиях властей, были приняты без дискуссий.

В 1972 г. правительство пошло на увеличение жалования депутатам парламента с 3 до 4,5 тыс. фунтов стерлингов, а получаемая ими дополнительная выплата возросла с 1250 до 1750 фунтов стерлингов в год. Если раньше депутат имел право на получение специальной пенсии после 10 лет пребывания в парламенте, то теперь срок был сокращен до 4.¹⁴ Все это ставило депутатов парламента в привилегированное положение.

Таким образом, основным итогом преобразований, осуществленных консервативным правительством в отношении палаты общин в 1970—1974 гг., было дальнейшее ослабление ее фактической роли в государственных делах при формальном расширении диапазона ее деятельности (создание новых комитетов) и придание ей все более оторванного от народных масс, элитарного характера.

Сколько-нибудь важных изменений в структуре и полномочиях палаты лордов не произошло. Э. Хит даже не пытался повторить попытку лейбористов 1968—1969 гг. реформировать ее, на которую он тогда дал согласие. Единственное, что он сделал — это прекратил назначение новых наследственных

¹³ The Modernization of British Government, p. 19.

¹⁴ The British Parliament. London, 1974, p. 11.

пэров. Уже в 60-е годы такие случаи были единичны, и вряд ли поэтому Э. Хит преследовал далеко идущие цели.

В последние десятилетия в политических кругах Великобритании довольно часто вспыхивают дискуссии о более кардинальной реформе парламента, включая введение пропорционального представительства при выборах палаты общин, существенную реорганизацию или даже ликвидацию палаты лордов, проведение по важнейшим политическим проблемам референдумов.

Официально правительство Э. Хита этих предложений не поддерживало. Тем не менее представляется, что некоторые реформы, осуществленные им в 1972—1974 гг. в Северной Ирландии, имели значение, выходящее за рамки этой области. В 1972 г. британский парламент принял закон о введении там прямого правления, наделив государственного секретаря по делам Северной Ирландии фактически правами наместника. Эта мера означала еще большее ущемление прав жителей Северной Ирландии. Как отмечалось в заявлении Компартии Ирландии, «прямое правление дает народу Северной Ирландии даже еще меньше демократии, чем юнионистский режим, оно сокращает права людей до нуля».¹⁵ Но вслед за этим правительство Э. Хита пошло на несколько неожиданные действия, не соответствующие традициям британской политической жизни предшествующего периода.

В июне 1972 г. государственный секретарь по делам Северной Ирландии У. Уайтлоу заявил, что выборы в местные органы власти в Северной Ирландии будут проведены по пропорциональной системе, чего ранее в истории Соединенного королевства или его отдельных частей не было.¹⁶ Лейбористы не только приветствовали речь У. Уайтлоу, но и призвали к пропорциональному представительству при выборах в североирландскую ассамблею. Правительство с этим согласилось, и выборы были проведены по пропорциональной системе. Целью Э. Хита было в данном случае обеспечить преимущество умеренно консервативным кругам, оттеснить и прогрессивные силы и ультраправых.¹⁷ Но не исключено, что консерваторы рассматривали их как эксперимент с более дальним прицелом — посмотреть, каков будет результат выборов по новой системе. Показательно, что ассамблея избиралась как однопалатная, а не двухпалатная, что традиционно для Великобритании. Поскольку вся реальная власть находилась в руках Лондона, любой результат выборов ничего не изменил бы. Выборы не дали успеха умеренно консервативным силам, как рас-

¹⁵ Marxism today, 1975, August, p. 237.

¹⁶ Parliamentary Debates. House of Commons. Official Report. Vol. 839, N 145. London, 1972, col. 1687—1688.

¹⁷ Гринбин Н. П. Трагедия Ольстера. М., 1980, с. 147—148.

считывал Э. Хит, а в 1974 г. ассамблея под давлением ультраправых была распущена. Эта неудача, видимо, сказалась на том, что консерваторы вопрос о проведении этих реформ в масштабах всей Великобритании не ставили. Однако их сторонникам события в Северной Ирландии дали важный импульс — за введение пропорциональной системы в начале 70-х годов активно выступали газета «The Times» и либеральная партия. В пользу ее высказывалась КПВ, считая ее более справедливой, чем мажоритарная.¹⁸ Однако подавляющее большинство консервативной и лейбористской партий продолжало защищать существующий порядок выборов в палату общин, поскольку обе они получали в процентном отношении значительно больше депутатских мест, чем голосов избирателей.

Планы упразднения или реформы палаты лордов получили значительно меньшую поддержку. За упразднение выступали КПВ, группа левых лейбористов и некоторые консерваторы, а либералы — за реформу с целью включения в нее представителей отдельных регионов. Основная же часть правящего класса высказывалась за сохранение и укрепление палаты лордов с целью сделать ее эффективным тормозом в случае появления левого большинства в палате общин.¹⁹

Одной из главнейших проблем внутривнутриполитической борьбы в Великобритании в начале 70-х годов был вопрос о вступлении в ЕЭС. Консерваторы стремились провести его путем обычного парламентского голосования. Оппозиция же требовала или проведения внеочередных всеобщих выборов, или референдума, ссылаясь на примеры Ирландии, Дании, Норвегии и Франции. Правительство Э. Хита идею референдума о вступлении в ЕЭС в принципе отклонило. Но оно было вынуждено считаться с возможностью его проведения в случае прихода к власти лейбористов, которые с 1972 г. ее поддерживали. С этой точки зрения проведение 8 марта 1973 г. референдума в Северной Ирландии — первого в истории Соединенного королевства — весьма показательно. В его исходе никто не сомневался: протестантское большинство проголосовало за сохранение существующего положения и против присоединения к Ирландской республике. Однако проведение референдума выявило некоторые преимущества для правящих кругов: явка избирателей была значительно ниже, чем на выборах, появилась возможность неформального, но реального выступления единым фронтом буржуазных партий и части реформистов. Ввиду этого введенный в 1973 г. в политический строй страны новый элемент — референдум — прочно вошел в него в последующие годы: в 1975 г. он проходил по вопросу о членстве Великобри-

¹⁸ The British Road to Socialism. Programme of the Communist Party. London, 1978, p. 40.

¹⁹ Gilmour I. Inside Right. A Study of Conservatism. London, 1977, p. 213—214.

тании в ЕЭС, в 1979 г. — об автономии Шотландии и Уэльса. В обоих случаях правые смогли взять верх. Ввиду этого большинство правящих кругов выступает за проведение референдумов в более широких масштабах.²⁰

Важным элементом внутривластной стратегии консервативного правительства была поддержка монархии. Консервативная пропаганда постоянно твердила о том, что монархия — один из немногих политических институтов, не нуждающийся в изменении. Правительство Э. Хита, как и предшествовавшие правительства, продолжало организовывать пышные празднества в честь королевской семьи (серебряный юбилей королевской четы, свадьба принцессы Анны). Массовым тиражом и фактически бесплатно распространялась литература, прославляющая королеву и ее семью. Королева по-прежнему продолжала быть одним из самых осведомленных людей в британской политике: она регулярно получала отчеты о заседаниях кабинета, парламента, донесения послов и другую секретную документацию. Существенной оппозиции в этом консерваторы не встречали — за сохранение монархии выступали лейбористы, либералы и даже шотландские и валлийские националисты. Лозунг упразднения монархии выдвигали лишь коммунисты.

Значительно более спорным оказался вопрос о расходах на содержание монархии. В 1952 г. цивильный лист для королевы был установлен в размере 475 тыс. фунтов стерлингов ежегодно. В мае 1971 г. королева обратилась к парламенту «с милостивым посланием», содержащим просьбу о его увеличении ввиду инфляции. Созданный палатой общин специальный комитет во главе с А. Барбером рекомендовал сохранить расходы на личные цели королевы как главы государства в размере 60 тыс. фунтов стерлингов, а по остальным статьям определить сумму в 980 тыс. фунтов стерлингов. Существенно возрастали государственные выплаты отдельным членам королевской фамилии: королева-мать стала получать ежегодно 95 тыс. фунтов стерлингов вместо 70 тыс., герцог Эдинбургский — 65 вместо 40, принцесса Анна — 15 до замужества и 35 после (ранее 6 и 15), принцесса Маргарита — 35 вместо 15 и герцог Глостерский — 45 вместо 35 тыс.²¹ Предусматривались и расходы в случае появления новых членов королевской семьи. Принятие правительством Э. Хита этих рекомендаций в условиях введения им строгих ограничений на рост зарплаты трудящихся вызвало сильное раздражение даже у сторонников монархии. По опросам общественного мнения, 3/4 населения отрицательно отнеслось к увеличению цивильного листа, считая это ненужной тратой средств.²²

²⁰ Ibid., p. 215—217.

²¹ Howard Ph. The British Monarchy in the Twentieth Century. London, 1977, p. 158, 162.

²² Financial Times, 1971, 3 June, p. 19.

Поддержка консерваторами монархии, несмотря на непопулярность крупных расходов на ее содержание, объясняется не только общей стратегией правящего класса, видящей в ней и в палате лордов резерв на случай неблагоприятного исхода выборов в палату общин. Имелись и конкретные политические соображения: симпатии монархии к консервативной партии вполне смогут сыграть свою роль, если возникнет необходимость формирования коалиционных правительств.

Осенью 1973 г. правительству был представлен доклад королевской комиссии по конституции под председательством лорда Килбрэндона, которая была создана еще лейбористами. Характеризуя ее деятельность, журнал «New Society» справедливо писал, что в «истории королевских комиссий редко можно встретить доклад, столь расходящийся во мнениях, как доклад Килбрэндона о конституции».²³

Действительно, комиссия Килбрэндона не смогла выработать единого мнения, и ее большинство и меньшинство представили отдельные документы. Большинство рекомендовало, чтобы в Шотландии и Уэльсе были созданы ассамблеи примерно в 100 человек каждая, избираемые на основе пропорционального представительства и имеющие право принимать законы в тех размерах, которые отнесены к ведению государственного секретаря по делам Шотландии. Одновременно предлагалось сократить сверхпредставительство кельтских областей в британском парламенте. В собственно Англии выборных ассамблей создавать не предлагалось, но рекомендовалось сформировать для восьми областей координационные и совещательные советы, 1/5 часть членов которых назначалась бы правительством, а остальные избирались бы местными органами власти.

Меньшинство комиссии предлагало создать выборные ассамблеи, избираемые на основе системы пропорционального представительства в Шотландии, Уэльсе и пяти английских областях, с полномочиями контролировать деятельность организации центральных департаментов на их территории, но без права издавать законы. Сверхпредставительство кельтских областей в британском парламенте предлагалось сохранить.

Доклад Килбрэндона вызвал бурную дискуссию, поскольку речь шла о крупнейшей реформе государственного строя за многие столетия. Среди консерваторов единства не было. Еще в конце 60-х годов по инициативе Э. Хита был создан комитет по выработке политики консерваторов в отношении Шотландии под председательством А. Дуглас-Хьюма, который высказался против предоставления Шотландии автономии и превращения Великобритании в федеративное государство. Вместо этого комитет рекомендовал создать в Шотландии ассамблею

²³ New Society, 1973, 1 November, p. 258.

с некоторыми законодательными полномочиями.²⁴ В 1968 г. Э. Хит, выступая на конференции шотландских консерваторов в Перте, заявил о поддержке этих предложений, но столкнулся с сильной оппозицией внутри своей партии. В 1970 г. «The Times» в редакционной статье «Не доказано» прямо писала, что консерваторы не должны включать их в свой предвыборный манифест.²⁵ С этим давлением Э. Хит был вынужден считаться — в течение предвыборной кампании он ограничивался заявлениями о необходимости подождать окончания работы комиссии по конституции. Однако от самой идеи он не отказался — об этом он заявил летом 1973 г., одновременно передав вопросы добычи нефти в Северном море одному из младших министров в департаменте по делам Шотландии, а не торговли и промышленности, причем разрешил ему в случае необходимости прямо обращаться к премьеру.²⁶

Что же касается доклада Килбрэндона, то он был опубликован, когда ситуация была уже накалена до предела начинающимся конфликтом консерваторов с шахтерами. В этих условиях правительство решило не возбуждать лишних разногласий в своей же партии, объявив о намерении всего лишь «тщательно изучить» доклад Килбрэндона. Эта формулировка была включена и в предвыборный манифест консерваторов в феврале 1974 г.²⁷ Пришедшие к власти в 1974 г. лейбористы объявили о намерении осуществить некоторые положения доклада Килбрэндона путем деволуции — передачи части полномочий британского парламента создаваемым выборным ассамблеям в Шотландии и Уэльсе. Этот проект встретил резкое сопротивление со стороны консерваторов и части лейбористов и в итоге в 1979 г. был отклонен после референдума в Шотландии и Уэльсе, что стало одной из главных причин падения правительства Дж. Каллагэна и победы консерваторов на парламентских выборах 1979 г.

Одной из важнейших реформ, осуществленных правительством Э. Хита, было преобразование центральных органов государственного аппарата. Оно затронуло структуру министерств и ведомств, программирование политики, особенно финансовой, усилило связи государственного аппарата с монополистическим капиталом, придало ему еще более элитарный характер.

Еще в 60-е годы в Великобритании появилась тенденция к созданию департаментов во главе с государственными секретарями, под эгидой которых существовали несколько министерств и ведомств. Первым из них был военный, включивший в себя в 1964 г. ранее самостоятельные министерства отдель-

²⁴ Lord Home. The Way the Wind Blows. An Autobiography, p. 206—208.

²⁵ The Times, 1970, 16 May, p. 11.

²⁶ Observer, 1973, 13 May, p. 1.

²⁷ The Times, 1974, 11 February, p. 4—5.

ных родов войск. Затем им фактически стало министерство иностранных дел и по делам Содружества. Правительство Э. Хита пошло еще дальше, начав создание таких гигантов в области экономики. Так появились департамент по делам торговли и промышленности и департамент по делам окружающей среды. В первый из них были включены бывшие министерство технологии, управление по делам торговли и несколько других более мелких ведомств. Еще в 1970—1974 гг. его внутренняя структура претерпела несколько изменений в соответствии с экономической политикой правительства. Что же касается департамента окружающей среды, то к его ведению был отнесен самый широкий круг вопросов: реформа местных органов власти, жилищное строительство, транспорт, региональное развитие, водное хозяйство, охрана окружающей среды и даже спорт и отдых. Включение в него вопросов спорта и отдыха вызвало недоумение и довольно резкую и справедливую критику в парламенте со стороны лейбористской оппозиции, которая однако не была принята правительством Э. Хита во внимание.²⁸

Правительство Э. Хита осуществило некоторые мероприятия, призванные повысить роль и влияние военно-промышленного комплекса в государственном аппарате. В 1971—1975 гг. в компании, производящие вооружение, перешли на службу 97 генералов и старших офицеров, а также 86 высокопоставленных чиновников военного ведомства. В свою очередь, на службу в государственный аппарат были приняты представители военных концернов.²⁹ В 1971 г. консервативное правительство приняло важное решение о системе поставок военной авиации. Этот вопрос в послевоенные годы был одним из наиболее сложных и спорных ввиду тесной связи между авиационной промышленностью, гражданской и военной авиацией. Теперь все эти проблемы, включая гражданские программы, были переданы в ведение одного отдела, вошедшего в состав департамента обороны.³⁰ Другим новшеством, осуществленным в интересах военно-промышленного комплекса, стало создание в департаменте обороны отдела, призванного способствовать экспорту британского оружия за рубеж. Следует подчеркнуть, что именно в начале 70-х годов экспорт вооружений стал играть все большую роль в экономике и политике Великобритании.

Другие изменения в центральном аппарате не были столь значительны, но они подтверждали общую тенденцию к укреплению министерств и ликвидации тех из них, которые не попадали в состав департаментов.

²⁸ Parliamentary Debates. House of Commons. Official Report. Vol. 805, N 26. London, 1970, col. 884.

²⁹ Morning Star, 1976, 3 May, p. 1.

³⁰ Modernization of British Government, p. 75—76.

Вскоре однако стало ясно, что некоторые укрупнения были неоправданы — новые департаменты-гиганты оказались плохо управляемыми, поэтому через некоторое время правительству Э. Хита пришлось увеличить их число. В 1972 г. после введения прямого правления Северной Ирландии эти вопросы были изъяты из министерства внутренних дел и переданы новому департаменту, возглавляемому государственным секретарем по делам Северной Ирландии. В конце 1973 г. из департамента по делам торговли и промышленности был выделен департамент энергетики. Тогда большинство обозревателей считало это временной, чрезвычайной мерой, вызванной энергетическим кризисом. Но проблемы энергетики в последнее десятилетие занимают столь важное место в жизни Великобритании, что самостоятельное ведомство по ним, хотя и под различными названиями, продолжает сохраняться. Соответственно Э. Хиту пришлось пойти на расширение состава кабинета за счет двух новых государственных секретарей. Кроме того, в целях успокоения общественности в 1972 г. в состав кабинета был введен министр по делам торговли и товаров широкого потребления, чтобы продемонстрировать озабоченность премьера проблемой роста цен. Таким образом, кабинет достиг к 1974 г. обычного послевоенного уровня, а центральный аппарат был не сокращен, а лишь частично перестроен.

Э. Хит всегда уделял большое внимание вопросам программирования политики. Одним из осуществленных им важнейших новшеств стало создание в 1970 г. в рамках ведомств по управлению делами кабинета специального подразделения по программированию политики — Центрального штаба анализа политики (ЦШАП). В правительственной Белой книге «Реорганизация центрального аппарата» он характеризовался как «небольшой многосторонний штаб всеобщего анализа политики».³¹ Деятельность ЦШАП окутана еще большей завесой секретности, чем самого кабинета. О ней можно судить лишь по отдельным сообщениям в печати и высказываниях в мемуарах, причем оценки иногда довольно противоречивы. Тем не менее общая картина создается следующая. Основными функциями ЦШАП были, во-первых, анализ общей стратегии правительства, во-вторых, составление заключений по отдельным проектам. К лету 1973 г. в составе ЦШАП было 14 человек. Главой его в течение всех лет правления кабинета Э. Хита был лорд Ротшильд, занимавший до этого пост руководителя исследований в компании «Шелл». Вторым человеком был профессор Р. Рус — экономист, бывший в течение многих лет консультантом отдела экономики и статистики в Организации экономического сотрудничества и развития. Большинство остальных сотрудни-

³¹ The Reorganization of the Central Government. London, 1970, p. 13.

ков ЦШАП были экономисты, но в его состав вошли также ученые, бывшие служащие казначейства и департамента обороны. Таким образом, крупный капитал получил еще один важный рычаг влияния на правительственную политику в целом через своих представителей в ЦШАП.

ЦШАП собирался обычно на общее собрание утром каждого понедельника, а затем в течение недели работал группами в 3—4 человека. Время от времени все сотрудники ЦШАП отправлялись в загородную резиденцию премьера в Чекерс, где проводили обсуждение общей стратегии правительства с членами кабинета. По оценке большинства участников этих встреч их эффективность была незначительной.³² Гораздо большее воздействие на правительственную политику оказывали рекомендации лорда Ротшильда и его сотрудников по конкретным политическим вопросам — «антиинфляционная политика», государственные субсидии частному сектору весной 1972 г. и т. д.

Создание ЦШАП означало усиление личной власти премьера, поскольку это была единственная организация в центральном аппарате, выносившая, как и кабинет, суждения по всем вопросам и подчинявшаяся лично премьер-министру. Сам Э. Хит отрицал, что ЦШАП создан на манер аппарата американских президентов;³³ однако эта идея у него явно присутствовала — просто он не успел довести ее на практике до конца.

Показательно, что следующим шагом, предпринятым по инициативе ЦШАП, было создание совещания советников по делам экономики. В его состав входили представители всех департаментов, кроме казначейства, чьи предложения по краткосрочным ассигнованиям они обсуждали перед направлением на утверждение кабинетом министров. Оно не стало столь влиятельным, как аналогичное при президенте США, но тенденция к развитию в этом направлении безусловно имела.³⁴

В то же время ЦШАП обладал определенной самостоятельностью во взаимоотношениях с премьером: так, в сентябре 1973 г. Р. Ротшильд публично выступил с довольно мрачной оценкой перспектив британской экономики, что разительно отличалось от оптимизма, содержащегося в речах Э. Хита.

В состав ЦШАП вошли некоторые деятели консервативной партии, через которых осуществлялась его связь с Исследовательским департаментом консервативной партии, бывшим в те годы фактически единственным учреждением планирования политики консерваторов, так как все рабочие группы 1965—1970 гг. после выборов были распущены. Основными задачами

³² Walker P. *The Ascent of Britain*. London, 1977, p. 199.

³³ *Parliamentary Debates*. House of Commons. *Official Report*. Vol. 805, N 28. London, 1970, col. 1262.

³⁴ Bruce-Gardyne J. *Whatever Happened to the Quiet Revolution*, p. 113—114.

Исследовательского департамента консервативной партии тогда были: контроль за выполнением предвыборного манифеста 1970 г., информация правительства о настроениях в партии и стране, подготовка материалов для специального комитета высших министров по выработке следующего предвыборного манифеста (этот комитет был создан в 1972 г.).³⁵

Пожалуй, никогда ранее столь тесной связи между правительством и партийным аппаратом, как в годы правления Э. Хита, не было. Эта связь окрепла еще больше в 1972 г., когда Э. Хит пошел на беспрецедентный шаг, возложив обязанности председателя и заместителя председателя партии на членов своего кабинета — лорда Каррингтона и Дж. Прайора (ранее этого никогда не было).³⁶ Однако нельзя сказать, что этот шаг сколько-нибудь усилил позиции консерваторов перед всеобщими выборами в феврале 1974 г.

При правительстве Э. Хита был начат новый этап подчинения государственного аппарата монополистическому капиталу. Еще во время пребывания в оппозиции консерваторы неоднократно заявляли, что намерены внедрить в государственный аппарат бизнесменов, которые сделали бы его деятельность более рациональной. Тогда же была начата практическая подготовка к этому: в августе 1969 г. состоялась конференция в Сандридж Парке (графство Кент), в который приняли участие члены «теневого кабинета» Э. Хита и группа бизнесменов во главе с Р. Мейджесом (компания «Шелл»). На ней были разработаны основные принципы «нового стиля управления». Буквально через несколько дней после победы консерваторов на парламентских выборах 1970 г. данная группа бизнесменов была принята на государственную службу.³⁷

Случаи поступления представителей крупного капитала на службу в государственный аппарат были и раньше — этим, в частности, занималось лейбористское правительство Г. Вильсона в конце 60-х годов. Качественно новым было то, что в отличие от своих предшественников новая группа бизнесменов была занята не деятельностью отдельных департаментов и министров, а сконцентрирована на решении вопросов увязывания и координации деятельности всех департаментов и министерств.³⁸ Крупный капитал получил возможность прямо влиять, причем на различных уровнях, на общее направление деятельности государственного аппарата в целом, а не только его отдельных частей.

Существенно была расширена система различных консуль-

³⁵ New Society, 1972, 20 July, p. 123—124.

³⁶ Headey B. British Cabinet Ministers. The Roles of Politicians in Executive Office, p. 244.

³⁷ The Times, 1970, 29 June, p. 21.

³⁸ Rose R. The Problems of Party Government. London and Basingstoke, 1974, p. 401.

тивных комитетов и советов при правительственных учреждениях, в которых был представлен монополистический капитал. Так, по данным на декабрь 1971 г., Конфедерация британской промышленности была представлена в 130 официальных и полуофициальных правительственных комитетах. Особенно много комитетов было в новых департаментах, созданных осенью 1970 г.: 9 — в департаменте окружающей среды и 10 — в департаменте торговли и промышленности.³⁹

По совету группы Р. Мейджеса было ускорено превращение отдельных частей государственного аппарата в автономные агентства, действующие на основании лишь самых общих указаний правительства. Лейбористы уже сделали это в конце 60-х годов с почтами. Консерваторы пошли значительно дальше — только из департамента по делам занятости было выделено 5 полусамостоятельных агентств. Примером одного из них является комиссия по использованию рабочей силы, в ведение которой были переданы вопросы найма и профессионального обучения. Ее председатель назначался государственным секретарем по делам занятости, а остальные члены — по согласованию с БКТ, КБП, местными органами власти, учреждениями профессионального образования.⁴⁰ Появление таких агентств вело, во-первых, к еще большему усилению воздействия крупного капитала на государственный аппарат, и, во-вторых, и еще большему ослаблению контроля представительных учреждений за данными частями государственной машины.

Правительство Э. Хита продолжало осуществлять курс на отрыв государственных служащих от основной массы населения. В 1971—1972 гг. были осуществлены последние из реформ гражданской службы, предложенные комитетом Фультон и утвержденные лейбористским правительством Г. Вильсона. Консерваторы внесли в них лишь самые незначительные изменения. Куда большее значение имело повышение жалования и пенсий служащим государственного аппарата вне зависимости от уровня зарплаты трудящихся. Консерваторы приравнивали высшие чины гражданской службы по системе оплаты к министрам, депутатам парламента и руководителям национализированных отраслей экономики. Почти все требования служащих государственного аппарата о повышении оплаты удовлетворялись, хотя и не всегда сразу. В 50—60-е годы размеры пенсий гражданским служащим пересматривались каждые 3 года путем принятия специального парламентского акта. В 1971 г. этот порядок был изменен: размеры пенсий стали устанавливаться ежегодно, причем без обсуждения в парламенте. Таким образом, гражданские служащие в материальном отношении

³⁹ Подсчитано на основании данных: *Pressure Groups in Britain: a Reader*. London, 1974, p. 110—117.

⁴⁰ *The Modernization of British Government*, p. 112—113.

были даже в условиях инфляции в привилегированном положении.

Важной частью реорганизации государственной машины, осуществленной правительством Э. Хита, было укрепление и расширение военно-полицейского аппарата и открытая (в предшествующие годы это тщательно маскировалось) ориентация его на борьбу с «внутренним врагом» — рабочим и демократическим движением. Militarизм все более явно стал проявляться как «оружие, служащее в руках господствующих классов для подавления всякого рода (экономических и политических) движений пролетариата».⁴¹

За годы правления правительства Э. Хита была существенно укреплена полиция: реальные расходы на ее содержание возросли на 15%, количество полицейских в Англии и Уэльсе впервые достигло 100 тыс., не считая 7 тыс. гражданских служащих,⁴² на вооружение были взяты новые виды оружия, причем, как правило, наступательного. Личный состав полиции, и в первую очередь ее высший состав, продолжал формироваться из лиц консервативных и ультраправых взглядов. Так, на выборах почти все главные констебли, которым подчинялась полиция округов, голосовали за консерваторов.⁴³

Формально полиция продолжала оставаться не подчиненной министру внутренних дел, и вопрос о целесообразности ее превращения из местной в национальную по-прежнему время от времени дискутировался в печати. Однако на практике были приняты меры к ее централизации. В 1972 г. в Скотланд-Ярде был создан специальный центр по координации действий полиции против забастовок, причем его функции постоянно расширялись — сначала он занимался сбором информации и оповещением полиции о предстоящих стачках, затем получил право посылать в районы, охваченные забастовкой, дополнительные подкрепления полиции, перебрасываемые из других мест.⁴⁴

Центру были подчинены и созданные после забастовки шахтеров в январе — феврале 1972 г. специальные мобильные полицейские отряды для борьбы с забастовочными пикетами. Первоначально эти отряды формировались в строгом секрете, но в ноябре 1973 г. факт их существования был признан тогдашним министром внутренних дел Р. Карром. Появление центра в Скотланд-Ярде было с полным основанием расценено общественностью как стремление добиться от всех главных констеблей наиболее жесткой линии в отношении забастовщиков.⁴⁵ Одновременно консерваторы отклонили все, даже самые

⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 187.

⁴² The Times, 1974, 11 February, p. 5.

⁴³ Сэмпсон А. Новая анатомия Британии. М., 1975, с. 293.

⁴⁴ Tribune, 1973, 16 November, p. 14.

⁴⁵ New Society, 1973, 22 November, p. 451—452.

умеренные предложения о введении контроля общественности за полицией.⁴⁶

Значительно повысилась роль вооруженных сил во внутривнутриполитической жизни. Британская армия комплектуется исключительно по найму, причем на довольно длительный срок. Как и другие армии стран НАТО, ее личный состав систематически обрабатывается в духе ярого антикоммунизма и воспитывается на традициях колониальных войн. Деятельность политических партий, профсоюзов и других общественных организаций в вооруженных силах категорически запрещена. В первые послевоенные десятилетия британские вооруженные силы были ориентированы на борьбу с «внешним врагом», под которым подразумевались социалистические страны, и национально-освободительным движением. Случаи использования армии внутри страны (даже во время забастовок) были редки по сравнению с другими капиталистическими странами. На рубеже 60—70-х годов ситуация в принципе меняется: в 1969 г. лейбористское правительство посылает воинские части для поддержания «закона и порядка» в Северной Ирландии. Это было первым крупномасштабным вмешательством вооруженных сил во внутривнутриполитическую борьбу в новейшей истории Великобритании. Консерваторы увеличили численность войск в Северной Ирландии и расширили их полномочия, фактически передав им там всю власть.

В самой Великобритании правительство Э. Хита также стало шире использовать войска против рабочего движения. Четырежды, т. е. столько же, сколько за два предшествующих десятилетия, их прямо использовали во время забастовок для замены стачечников на рабочих местах. Это имело место при забастовках докеров в 1970 и 1972 гг., уборщиков мусора в Тауэр Хамлетс (Лондон) в 1970 г. и пожарников в Глазго в 1973 г.⁴⁷ Угрозы же использования войск, сопровождавшиеся нередко их демонстративной переброской и маневрами, были почти при каждой крупной забастовке.

Впоследствии, став лидером консервативной партии, М. Тэтчер и ее сторонники обвиняли Э. Хита и Р. Модлинга в «слабости» и «нерешительности», поскольку те не использовали войск против шахтеров и во время других общенациональных забастовок в отдельных отраслях. Дело было, конечно, в ином. Во-первых, правящий класс проявил вполне понятную осторожность, понимая, что открытое применение вооруженной силы против трудящихся может привести к ослаблению или краху у них реформистских иллюзий, а это, в свою очередь, было чревато непредвиденными последствиями. Отсюда

⁴⁶ Parliamentary Debates. House of Commons. Official Report. Vol. 827, N 23. London, 1971, col. 656—657.

⁴⁷ The Times, 1979, 28 December, p. 2.

нежелание правящих кругов отказываться от буржуазно-демократических форм классового господства, хотя никаких сомнений в том, что армия выполнит любой приказ правительства действовать против рабочих, ни у кого не было.⁴⁸ Во-вторых, по состоянию дел на первую половину 70-х годов армия была не в состоянии справиться со всеобщей забастовкой или забастовкой в основных отраслях промышленности. Это была вынуждена признать специальная группа во главе с бывшим министром обороны лордом Каррингтоном (1970—1973 гг.), которая изучала этот вопрос по заданию М. Тэтчер после ее избрания лидером консервативной партии.⁴⁹

В условиях обострения классовой борьбы, а также под влиянием событий в Северной Ирландии и фашистского переворота в Чили, активизировались сторонники установления военной диктатуры в Великобритании. В 1971—1972 гг. с этой идеей публично выступал отставной генерал Китсон, а в декабре 1973 г. тесно связанный с правыми кругами консервативной партии журнал «Spectator» опубликовал комментарий, который трудно расценить иначе, как призыв к армии готовиться к перевороту в пользу правых.⁵⁰ И эти призывы не были обращены в пустоту. По признанию С. Хаселера, среди молодых офицеров британской армии стали появляться планы «наведения порядка» в стране.⁵¹ Лейбористский депутат Б. Уэлден, вернувшийся из поездки в Северную Ирландию осенью 1972 г., рассказывал С. Кингу уже о генерале, который не проявлял ни малейшего интереса к вопросам обороны, а рассуждал о вмешательстве армии в политику в таких терминах, которые даже этот умеренный реформист характеризовал как «измену».⁵² Таким образом, идеологическая почва для вмешательства армии во внутривнутриполитическую борьбу в начале 70-х годов начала создаваться, и не без успеха, в результате чего, как отмечал орган британских коммунистов журнал «Marxism Today», эта угроза «не может быть полностью исключена из области того, что политически возможно».⁵³

Заметно активизировалась деятельность различных британских спецслужб по слежке за лицами прогрессивных взглядов, профсоюзными активистами, членами КПВ, причем осуществлялось это в сотрудничестве с разведками США, других стран НАТО и расистской ЮАР.

Важной чертой по координации всех звеньев карательного аппарата в борьбе с забастовочным движением было создание

⁴⁸ Woddis J. Armies and politics. New York, 1977, p. 24.

⁴⁹ Tribune, 1979, 19 October, p. 3.

⁵⁰ Spectator, 1973, 22 December, p. 806.

⁵¹ Haseler S. The Death of British Democracy. London, 1976, p. 18—19.

⁵² King C. The Cecil King Diary (1970—1974), p. 241.

⁵³ Marxism Today, 1974, October, p. 306.

в рамках ведомства по управлению делами кабинета в 1972 г. национального комитета безопасности, в задачу которого входила координация деятельности министерств внутренних дел, обороны, армии, полиции, спецслужб и т. д. в борьбе против забастовщиков.⁵⁴ Почти одновременно — в 1973 г. — армия и полиция начали разрабатывать совместные планы по проведению операций против «политических террористов», которые могли быть также применены и против выступлений трудящихся.⁵⁵

Важной частью укрепления карательного аппарата стали и изменения в судебной системе страны, осуществленные в 1971—1972 гг. правительством Э. Хита. В соответствии с законом «О судах» (1971 г.) сохранялся суд присяжных, подвергавшийся яростным нападкам правых сил, впервые в истории Великобритании отменялся имущественный ценз для присяжных, право быть присяжным заседателем предоставлялось каждому гражданину в возрасте от 18 до 65 лет (правительство предлагало с 21 года, но потерпело в парламенте поражение). В то же время оставались многие антидемократические положения старых законов — назначение судей лордом-канцлером без учета мнения избирателей, сохранение палаты лордов в качестве высшей судебной инстанции и многое другое.

Важнейшим новшеством была замена судов четвертичных сессий и судов-ассизов, чья деятельность ограничивалась определенной местностью и была организована в различных местах по-разному, судом короны, который мог заседать в любом месте и в любое время. Такое упрощение судебной системы имело определенное положительное значение, но в целом централизация рассмотрения большинства уголовных дел в одном судебном органе, оторванном в еще большей степени, чем его предшественники, от населения, свидетельствовала о желании правящих кругов сделать судебную систему более эффективной и еще более антидемократичной. Не был демократизирован процесс судопроизводства. Возможность пользоваться бесплатной юридической помощью предоставлялась самой незначительной части населения.

И наконец, с момента вступления Великобритании в ЕЭС палата лордов по ряду вопросов перестала быть последней судебной инстанцией, передав эти функции суду правосудия европейских сообществ. Теперь британские суды должны были руководствоваться и решениями, принимаемыми за пределами страны, чего ранее никогда не было.

Реформы, осуществленные правительством Э. Хита, коснулись не только центрального аппарата, но и местных органов

⁵⁴ Tribune, 1979, 19 October, p. 3.

⁵⁵ The Times, 1976, 12 March, p. 2.

власти. То, что система местных органов власти, сложившаяся еще в конце XIX в., устарела, ни у кого сомнений не вызывала. Первый шаг к ее реформе был сделан консервативным правительством Г. Макмиллана в начале 60-х годов, при котором был принят закон об управлении Лондоном. Лейбористское правительство Г. Вильсона создало две комиссии по подготовке проектов реформ местных органов власти — одну под председательством лорда Рэдклифа-Модда для Англии и Уэльса, другую во главе с лордом Уитлеем для Шотландии. Большинство комиссии Рэдклифа-Модда рекомендовало заменить существовавшую тогда систему деления страны на графства и города графства новой, в основу которой был положен принцип, согласно которому административная единица должна представлять собой город с окружающим районом, географически и экономически связанным с ним. Таких единиц предлагалось создать 58, а конурбации превратить в метрополитенские округа наподобие Лондона, поделенные на более мелкие подразделения. Меньшинство считало более целесообразным создать двухступенчатую систему из 35 областей, 31 из которых будет поделена на округа, причем и области и округа располагали бы определенными самостоятельными полномочиями. В докладе лорда Уитлея предлагалось создать в Шотландии двухступенчатую систему, разделив ее на области и округа. Лейбористское правительство в 1969 г. одобрило оба доклада, но ничего для практического воплощения их в жизнь сделано не было.

Правительство Э. Хита уже на первом своем заседании решило отклонить предложения комиссии Рэдклифа-Модда и начать подготовку нового проекта. В феврале 1971 г. он был опубликован в виде Белой книги и затем с небольшими изменениями принят парламентом в 1972 г. как закон.

В соответствии с новым законом в Англии вводилась двухступенчатая система местных органов власти — графства, включая метрополитенские дела конурбаций, и округа, что было ближе к мнению меньшинства комиссии Рэдклифа-Модда. Новые графства по размеру превосходили старые, но за основу их границ были, как правило, взяты существовавшие. Идея о городе как географическом и экономическом центре административной единицы полностью реализована не была. Границы приходов оставались без изменений.

Срок полномочий советов всех уровней удлинялся и устанавливался в 4 года. Выборы в советы графств и приходов должны были проводиться одновременно раз в 4 года, а состав советов округов обновляться на 1/3 в каждый из 3 лет, когда не проходили выборы в советы графств и приходов. Важнейшими функциями советов графств, включая метрополитенские, становились некоторые вопросы экономического планирования, транспорт, полиция, пожарная охрана, безопасность на дорогах, регистрация рождений, браков и смертей и т. д. К веде-

нию советов округов были отнесены жилищное хозяйство, некоторые вопросы экономического планирования, охрана побережий, поддержание чистоты на улицах, церкви и крематории, выдача лицензий на владение собаками и т. д. Совместно советы графств и округов должны были заниматься вопросами гражданской обороны, образования, музеев, картинных галерей, планирования парков и зон отдыха, освещения улиц. Полномочия советов приходов включали распределение земельных участков, освещение пешеходных путей, поддержание в должном состоянии зон отдыха, стоянок автомобилей и т. д.

В 1973 г. был принят закон о реформе местных органов власти Шотландии, который в основном соответствовал рекомендациям комиссии Уитлея. Единственным серьезным изменением, внесенным в них правительством, было увеличение числа областей с 7 до 9, а округов с 37 до 50.

Однозначно оценить реформы местных органов власти 1972—1973 гг. нельзя. Проведенное укрупнение административных единиц было, конечно, необходимым, но оно было совершено так, что сопровождалось еще большим превращением местных органов власти в часть государственной машины и ограничением деятельности буржуазно-демократических представительных учреждений. Усилилась зависимость местных органов власти от правительства, которое получило право давать им директивы по значительно более широкому, чем ранее, кругу вопросов и применять санкции в случае их невыполнения.

Особенно возросли полномочия правительства в области финансов: если в начале 70-х годов доля правительственных субсидий в бюджетах местных органов власти составляла в среднем 55%, то к концу десятилетия она превысила 60%.⁵⁶ Правительство получило право проводить ежегодные ревизии состояния финансов местных органов власти, причем контролеры могли штрафовать членов советов и других должностных лиц за неправильные, с их точки зрения, расходы.

Правительство Э. Хита продолжало курс своих предшественников, передав часть важных полномочий местных органов власти (вопросы здравоохранения, водного хозяйства и др.) региональным подразделениям министерств и центральных ведомств. Впервые в истории Великобритании по новым законам разрешалось делегирование полномочий советов отдельным должностным лицам. Число муниципальных советников заметно уменьшилось, они стали избираться по более крупным округам и на более длительный срок, что при отсутствии возможности их отзыва означало новое ослабление их связей с избирателями. Наибольшие полномочия получили советы графств,

⁵⁶ Royal Commission on the Constitution. 1969—1973. Vol. 2. London, 1973, p. 6; Britain, 1979. An Official Handbook. London, 1979, p. 65.

т. е. органы, наиболее удаленные от населения, а нижестоящие советы хотя в некоторых случаях формально и получили более широкие, чем раньше права, не имели средств для их реализации.⁵⁷

Почти одновременно правительство начало унификацию внутренней структуры местных органов власти. Доклад, подготовленный по этому вопросу в 1971—1972 гг. комиссией под председательством Брайнса и утвержденный государственным секретарем по делам окружающей среды, рекомендовал каждому совету создать отдельный административный орган — комитет по политике и ресурсам, возглавляемый главным администратором. На него возлагалась подготовка предложений, вносимых на рассмотрение совета. Появление такого обособленного органа означало на практике новый шаг в ослаблении роли представительных учреждений в пользу чиновничьего аппарата.

Однако добиться претворения в жизнь предложений, выдвинутых в докладе Брайнса, консерваторы полностью не смогли. Так, по данным Института по изучению местных органов власти при Бирмингемском университете, в 1973 г. из 28 графств (остальные данных не представили) в 26 были созданы комитеты по политике и ресурсам или комитеты по политике и назначены главные администраторы. Лишь чуть больше 1/2 метрополитенских графств и округов также произвели к этому времени указанные изменения. Однако, по мнению сотрудников института, реорганизация в то время свелась в некоторых случаях лишь к смене названий у должностных лиц и комитетов.⁵⁸

Таким образом, подводя итоги реформам в государственном аппарате, проведенным правительством Э. Хита в 1970—1974 гг., необходимо отметить, что их объем был весьма значителен, хотя и не все начатые преобразования были завершены из-за недостатка времени и плохой подготовленности. В ряде случаев были допущены и открытые просчеты, как, например, при определении размеров департаментов. Внедренные элементы американской системы в известной степени оставались искусственным явлением. Ввиду этого, несмотря на определенную модернизацию, многие из слабостей и анахронизмов продолжали существовать и далее.

Вторым главным направлением внутренней политики правительства Э. Хита наряду с укреплением и модернизацией государственного аппарата было ограничение демократических прав и свобод. Это осуществлялось путем целой серии мер,

⁵⁷ Wales P. The British Constitution. An Introduction. London, 1974. p. 107—108.

⁵⁸ Stracey F. British Government 1966 to 1975. Years of Reform. p. 135—136.

может быть, так же, как и в случае с реформой государственного аппарата, не всегда достаточно подготовленных и планомерных, но имеющих совершенно определенную направленность.

Прежде всего надо отметить, что демократические права и свободы даже формально были упразднены в 1971—1973 гг. в Северной Ирландии, где армия и полиция на основании законов о чрезвычайных полномочиях получили право осуществлять произвольные обыски, аресты, допросы с применением пыток и истязаний, отправлять людей без суда и следствия в специальный лагерь «Лонг Кеш». С невиданной даже для Ирландии жестокостью британские войска подавляли любые выступления борцов за гражданские права. Дело дошло до открытого расстрела 30 января 1972 г. парашютистами мирной демонстрации в Лондондерри, в результате которого были убитые и раненые. Произвол британских войск в Северной Ирландии, грубое нарушение ими элементарных гражданских прав и политических свобод вызвали законное возмущение демократических сил Великобритании и мировой общественности.

Однако определенные круги правящего класса добивались еще большего: в начале 70-х годов в печати все чаще и чаще стали появляться различные предложения о разработке чрезвычайного законодательства, наподобие действующего в Северной Ирландии, для всего Соединенного королевства, быть может, только без самых одиозных черт.⁵⁹ Правительство Э. Хита официально своего отношения к ним не определяло, но не исключено, что подобные высказывания были попыткой прозондировать реакцию общественности на подготовку подобных чрезвычайных законов.

Что же касается принятого ранее чрезвычайного законодательства, то оно применялось правительством Э. Хита в полном объеме. Особенно это относится к антизабастовочному закону 1920 г. Если в 1920—1969 гг. на его основании чрезвычайное положение вводилось 6 раз, то при правительстве Э. Хита в 1970—1974 гг. — 5 раз, причем на значительно более продолжительный срок, чем раньше.

Консервативное правительство добилось принятия в начале 70-х годов нескольких новых законов, ограничивающих демократические права и свободы и расширяющие полномочия карательных органов или наделяющих правительство теми полномочиями, которыми ранее обладали лишь представительные учреждения или судебные органы. Это законы «Об отношениях в промышленности», «Об иммиграции», «О злоупотреблении наркотиками», «О компенсации за ущерб, нанесенный преступниками», «Об уголовном правосудии» и др. Ограничению демо-

⁵⁹ Emergency Powers: a Fresh Start. An Informal Group. London, 1972.

кратических прав и свобод способствовали также решения, вынесенные в этот период судами различных инстанций и имеющие по британскому праву значение не только для данного конкретного случая, но и как прецедент для будущих. В условиях, когда высшим судом страны является палата лордов, в которой консервативная партия располагала подавляющим большинством, решения судов были, естественно, связаны с общим направлением политики правительства.

Необходимо отметить, что наступление на демократию сопровождалось злобной пропагандистской кампанией, поднятой правительством и буржуазными средствами массовой информации вокруг террористических актов, совершаемых экстремистскими элементами из Ирландской республиканской армии и ультралевыми (взрывы в домах Р. Карра, Д. Дэвиса, полицейских участках и т. д.), роста вооруженной преступности, жертвами которых начали становиться и полицейские, а также отдельных эксцессов, выходящих за рамки обычного правопорядка и понятий морали.

Новые законы значительно расширили права полиции на проведение обысков. В частности, полиция могла получать ордер на обыск не только в случае наличия обоснованной причины считать, что там имеется то, что используется для совершения преступления, но и в случае, если считается, что может быть найдено то, что может быть использовано для совершения преступления.⁶⁰ Под этим предлогом резко возросло количество необоснованных обысков: в 1973 г. министерство внутренних дел под давлением общественности было вынуждено опубликовать данные, согласно которым из 30 тыс., подвергнутых обыскам на улице в поисках наркотиков, только 8 тыс. были впоследствии арестованы.⁶¹

Еще более откровенным произволом являлись полицейские обыски в домах лиц левых взглядов после нескольких взрывов, устроенных экстремистами. При этом было совершенно очевидно, что никто, из подвергшихся обыску, никакого отношения к актам террора не имеет. Полиция все чаще стала использовать огнестрельное оружие — если в 1970 г. оно было применено в 1717 случаях, то в 1972 г. — в 2237.⁶²

Все более грубый характер стало носить и обращение полиции с цветными иммигрантами, даже находящимися в Великобритании на законном основании. Так, например, ресторан Мэнгроув в лондонском районе Ноттинг Хилл, который в 1969—1971 гг. был местом сбора активистов движения за права цветных, стал подвергаться систематическим рейдам полиции, а затем потерял лицензию на работу по ночам. 19 августа

⁶⁰ National Council for Civil Liberties. Annual Report, 1972. London, 1972, p. 10.

⁶¹ Соx В. Civil Liberties in Britain. London, 1975, p. 169.

⁶² Marxism today, 1973, December, p. 358.

1971 г. группа цветных иммигрантов провела демонстрацию протеста против произвола, закончившуюся схваткой с полицией, пытавшейся разогнать ее. Через несколько месяцев после этого группа ее участников была арестована и предана суду по обвинению в проведении «мятежного собрания». Однако, несмотря на сильный нажим полицейских властей, суд оправдал обвиняемых.⁶³

Неудачно закончилась для полиции и попытка добиться осуждения нескольких лиц за распространение листовок, причем для этого был использован даже закон о запрете политической пропаганды в армии, не применявшийся с 1937 г.⁶⁴ Таким образом, все это создавало определенную настрой в стране, когда гражданские права и демократические свободы постоянно находились под атакой, хотя и не всегда успешной, со стороны карательных органов.

Еще в предвыборном манифесте 1970 г. консерваторы в числе мер по укреплению «закона и порядка» называли ограничение права проведения демонстраций, которые лорд Хэйлшем вообще считал «антидемократическими». При этом демагогически использовались выходы левацких элементов, затевавших с провокационными целями драки с полицией во время некоторых демонстраций молодежи конца 60-х годов. После прихода к власти правительства Э. Хита полиция стала широко использовать в Великобритании новую тактику борьбы с демонстрантами, ранее применявшуюся только в Северной Ирландии. Она сводилась к стремительному рассеянию демонстрации на несколько частей и отделению головы колонны от ее основной части. Примечательно, что за первым случаем ее применения в Лондоне 28 июня 1970 г. наблюдали высшие чины столичной полиции.⁶⁵

Правительство использовало свои полномочия и для прямого запрета демонстраций. Так, в 1972 г. государственный секретарь по делам окружающей среды П. Уокер не разрешил проведение демонстрации солидарности с североирландскими демократами на Трафальгарской площади — традиционном месте митингов и демонстраций.

Против демонстрантов решительнее стали использоваться суды. Летом 1970 г. беспрецедентно жестокий приговор был вынесен группе кембриджских студентов, обвиненных в нарушении общественного порядка во время демонстрации протеста против преследования хунтой демократов Греции. Затем последовали и другие подобные приговоры, причем министерство внутренних дел открыто ориентировало суды на вынесение суровых наказаний.⁶⁶

⁶³ National Council for Civil Liberties. Annual Report, 1972, p. 9.

⁶⁴ Cox B. Civil Liberties in Britain, p. 118—119.

⁶⁵ The Times, 1970, 29 June, p. 1.

⁶⁶ Maudling R. Memoirs, p. 160—161.

Еще более показательное дело, возбужденное против тогдашнего руководителя молодежной организации либеральной партии П. Хайна, бывшего одним из организаторов и наиболее активных участников демонстраций против приезда в Великобританию спортсменов из расистской ЮАР. Формально дело против П. Хайна по обвинению в «сговоре» было возбуждено частным лицом — Ф. Беннионом, за спиной которого, как было совершенно очевидно, стояли расисты ЮАР и правые круги консервативной партии. Принципиальное значение делу придали утверждение Ф. Бенниона о том, что в британском законодательстве нигде не зафиксировано право на проведение демонстраций. Первые два раза Ф. Беннион потерпел неудачу — суды даже отказались принимать иск к рассмотрению, но в третий раз П. Хайн был признан виновным и приговорен к штрафу в 70 фунтов стерлингов.⁶⁷ Правительство, формально не вмешивавшееся в прохождение дела против П. Хайна, немедленно попыталось использовать приговор как прецедент, предъявив обвинение в «измене» трем ирландцам, выступившим в Гайд-парке в феврале 1972 г. с призывом к борьбе с британским господством в Северной Ирландии. Однако тут у него ничего не получилось.

Параллельно началось наступление на право свободно проводить собрания. В 1972 г. группа депутатов-консерваторов при поддержке правительства внесла в парламент законопроект, предоставлявший властям право запретить проведение любого собрания с полуночи до 6 ч. утра, в котором принимало бы участие более 1 тыс. человек. Законопроект вызвал решительные протесты, в первую очередь у молодежи, включая сторонников консерваторов, поскольку под угрозой оказались фестивали рок-музыки, проводившиеся начиная с 1967 г. каждое лето в течение 2—3 ночей. Прогрессивные силы также с полным основанием видели в этом законопроекте опасный прецедент для будущих времен, когда под угрозой могли уже оказаться и собрания в дневное время. Столкнувшись с сильным сопротивлением, консерваторы были вынуждены отступить и снять законопроект с обсуждения. Однако консерваторы смогли добиться принятия подобных решений советами некоторых графств, например острова Уайт.⁶⁸

Правительство Э. Хита продолжило и политику своих предшественников в деле усиления контроля над средствами массовой информации. С приходом к власти консерваторов в определенной части правящих кругов стали раздаваться голоса с требованием ввести открытую цензуру.⁶⁹ В правительстве этой точки зрения придерживался Р. Модлинг.⁷⁰ Э. Хит пойти на

⁶⁷ National Council for Civil Liberties. Annual Report, 1972, p. 8—9.

⁶⁸ Cox B. Civil Liberties in Britain, p. 56—57.

⁶⁹ King C. The Cecil King Diary (1970—1974), p. 102.

⁷⁰ Maudling R. Memoirs, p. 170—171.

это не рискнул, но некоторые шаги в этом направлении были сделаны. Группа консервативных депутатов при поддержке правительства внесла на рассмотрение парламента законопроект «О кинематографии и непристойных представлениях», который предусматривал полное подчинение кинематографических обществ и клубов местным органам власти. Понятия же «непристойные» и «представления» были в законопроекте сформулированы столь нечетко, что допускали самое широкое толкование — их можно было применить и против картинных галерей, музеев и т. д. Апелляция в суд на действия властей исключалась. Законопроект встретил сильное сопротивление лейбористов и не прошел все необходимые в парламенте стадии до его роспуска в феврале 1974 г., а после поражения консерваторов вопрос о нем был снят вообще.

Открытым преследованиям на основании закона 1911 г. «О государственных секретах» подверглись и некоторые органы печати, позволившие себе напечатать недозволенные с правительственной точки зрения материалы. Будучи явно воодушевленной публикацией в американской печати пентагоновских документов о войне во Вьетнаме, газета «Sunday Telegraph» напечатала попавший в руки журналистов военный доклад с грифом «секретно» о гражданской войне в Нигерии. Секретность его была сомнительной, поскольку он был предан гласности в день капитуляции Биафры. Тем не менее правительство подало в суд, который признал обвинения необоснованными.

Еще более грубо действовало правительство в случае с «Sunday Times», которая осенью 1972 г. опубликовала несекретный доклад о планах сокращения железнодорожной сети. Полиции было приказано найти источник, откуда эти сведения попали в печать. Когда же было выяснено, что «Sunday Times» получила эту информацию из «Railway Gazette», то редакция последней стала объектом постоянных полицейских придиорок — подслушивание телефонных разговоров и т. д. Судебного дела на этот раз возбуждено не было.⁷¹

Правительство оказало воздействие и на формально независимые от него радио и телевидение с целью не допустить показа правдивой информации, прежде всего о Северной Ирландии. Это вызвало даже протесты со стороны журналистов, работающих в Би-би-си.

Поскольку данные акции, особенно неудавшийся процесс против «Sunday Telegraph», вызвали серьезное недовольство общественности, правительство Э. Хита объявило о создании специального комитета под председательством лорда Франкса для подготовки предложений по изменению закона «О государственных секретах». Его рекомендации были опубликованы

⁷¹ Cox В. Civil Liberties in Britain, p. 114—115.

в сентябре 1972 г. и предусматривали, что передача государственным служащим информации о своей работе не будет считаться преступлением, если только она не была доверена правительству частным лицом, не будет, по всей вероятности, способствовать совершению уголовных преступлений и не относится к обороне, внешней политике, финансам и резервам. Комитет высказался за то, чтобы документы кабинета министров были недоступны для прессы, но нарушение этого запрета считалось бы преступлением только в том случае, если министр решал, что утечка информации может нанести «серьезный ущерб интересам нации».⁷² В целом предложения, содержащиеся в докладе, были весьма ограниченными — в Швеции, Дании, Норвегии и некоторых других западноевропейских странах к этому времени имелись гораздо более демократические законодательства по этому вопросу. Однако правительством Э. Хита они приняты не были.

Значительную угрозу для демократических прав и свобод трудящихся представлял и принятый в 1971 г. закон «Об отношениях в промышленности», согласно которому запрещались все неофициальные забастовки, забастовки солидарности, политические стачки. Трудовым соглашениям придавалась юридическая сила и предусматривалась ответственность за «несправедливые промышленные действия», которыми считались все их нарушения. Создавался Национальный трибунал по отношениям в промышленности, который получал право осуществлять две «чрезвычайные процедуры» — откладывать забастовку на 60 дней (так называемый «охлаждающий период») и требовать от профсоюза проведения голосования всех его членов по вопросу об ее объявлении. Профсоюзы могли пользоваться предоставленными им правами только после регистрации в специальных государственных органах, которые утверждали или не утверждали их устав.⁷³ Таким образом, закон существенно ограничивал право трудящихся на забастовку, поскольку неофициальные забастовки составляли в конце 60-х годов 95% от их общего числа, а придание юридической силы трудовым соглашениям серьезно затрудняло проведение и официальных забастовок.

Создание Национального трибунала по отношению в промышленности означало вмешательство государства в ту сферу взаимоотношений между трудом и капиталом, от которой оно ранее формально находилось в стороне. Антирабочая направленность нового органа была совершенно очевидной. Прежде всего он был открыто связан с правительственной политикой, так как мог принимать дела к рассмотрению только с согла-

⁷² Stracey F. British Government 1966 to 1975. Years of Reform, p. 107.

⁷³ Подробнее см.: Положение и борьба британского рабочего класса, с. 58—60.

сия государственного секретаря по делам занятости. Тот же министр определял наличие или отсутствие 2 из 3 условий, при которых допускалось объявление трибуналом «охладительно-го периода».⁷⁴ Принцип независимости суда от исполнительной власти был тем самым и формально нарушен.

В 1972—1974 гг. Национальный трибунал по отношениям в промышленности не раз выносил решения против профсоюзов и бастующих. Не случайно поэтому сам факт его существования вызвал резкие протесты трудящихся. В 1974 г. лейбористское правительство Г. Вильсона отменило закон «Об отношениях в промышленности» и упразднило трибунал. «По-видимому, — отмечает видный британский юрист Р. Уолкер, — это был первый случай в английской правовой истории, когда вполне действующий суд был ликвидирован».⁷⁵ Но уже через год он был возрожден, хотя и с несколько иными полномочиями, под названием Апелляционного трибунала по трудовым спорам и действует до настоящего времени. Так, при правительстве Э. Хита было создано новое ответвление судебной системы, имеющее ярко выраженную антирабочую направленность.

Наконец то, что государственные органы получали право вмешиваться во внутренние дела профсоюзов (утверждать их уставы, требовать проведения голосования всех членов профсоюза по вопросу об объявлении забастовки и т. д.), означало самое серьезное ограничение коллективных свобод за многие годы. Схожие законы, предоставляющие правительству возможность вмешиваться в их внутренние дела, были приняты и в отношении студенческих союзов. Хотя многие из этих положений не пережили правительство Э. Хита, они безусловно дали новое направление развитию авторитарных тенденций во взаимоотношениях между государством и общественными организациями.

Неотъемлемой частью наступления на забастовочное движение стало стремление правящих кругов максимально ограничить возможность пикетирования. Особо важное значение тут имели 3 судебных приговора. В декабре 1973 г. палата лордов по делу Брум против Ханта вынесла решение о том, что забастовщики не могут преграждать путь грузовику, пересекающему линию пикетов. Через 2 месяца Высокий суд по другому делу постановил, что полиция может оттеснять пикетчиков для обеспечения пути автотранспорту, идущему на бастующее предприятие.⁷⁶ Излишне говорить, что фактическое лишение забастовщиков возможности останавливать даже временно автотранспорт серьезно сужало эффективность пикетирования.

Еще более опасный прецедент был создан судом в Шрус-

⁷⁴ Comment, 1972, 6 May, p. 145.

⁷⁵ Уолкер Р. Английская судебная система. М., 1980, с. 229.

⁷⁶ Tribune, 1974, 1 February, p. 8.

берн, осудившим группу рабочих-строителей, в том числе 3 на длительные сроки тюремного заключения, за попытку сорвать работу штрейкбрехеров на бастующем предприятии. Этот случай показателен не только в плане жестокости приговора, но и тем, что впервые против трудящихся был использован закон «О защите собственности», принятый в 1875 г., и который многие юристы считали уже отжившим свое. Рабочих-строителей признали виновными в «сговоре» с целью его нарушения, хотя он в свое время был принят под нажимом профсоюзов для защиты их от исков капиталистов за убытки, нанесенные забастовками. Использование против трудящихся старых законов «о сговоре» стало новой авторитарной чертой, появившейся в Великобритании в годы правления правительства Э. Хита. «Целью этого,—отмечалось в резолюциях XXXIII съезда КПВ (1973 г.),—является запугать рабочих, чтобы не допустить осуществления их основного права на пикетирование во время промышленных конфликтов».⁷⁷

Одной из наиболее антидемократических акций консерваторов был новый закон «Об иммиграции» (1971 г.), заменивший значительную часть ранее действовавшего по этому вопросу законодательства. Все иммигранты делились на 8 категорий, причем иммигранты из белых доминионов оказывались в привилегированном положении, а на пути цветных ставились всевозможные препятствия. Правительство отказалось от планов введения обязательной регистрации цветных иммигрантов в полиции, но они могли находиться в Великобритании лишь на основании специальных разрешений. Цветной иммигрант получал его только на год, в течение которого он мог проживать в одном месте и работать у одного нанимателя. Эта система открывала британским капиталистам широкие возможности для самой беззастенчивой эксплуатации цветных рабочих. Иммигрант не мог привезти в Великобританию свою семью. Грубой дискриминации подвергались женщины — британский гражданин мог в любое время привезти в страну свою жену-иностранку, в то время как муж британской гражданки — иностранец этого права автоматически не получал. При депортации смешанных или иммигрантских семей высылка мужа сопровождалась немедленной высылкой жены, но в случае высылки жены муж мог оставаться в Великобритании.

Отменялся иммунитет, который иммигранты получили по закону 1968 г. и согласно которому лица, нелегально прибывшие в Великобританию и прожившие в ней 6 месяцев, не могли быть высланы. Более того, закон «Об иммиграции» имел обратное действие — после его вступления в силу 1 января 1973 г. полиция произвела аресты иммигрантов, годами живших в Великобритании, и, не разрешив им известить родствен-

⁷⁷ Comment, 1973, 1—15 December, p. 418.

ников или собрать вещи, прямо депортировала в страны, откуда они приехали.⁷⁸

В 1971 г. была официально признана допустимость расовой дискриминации в отношении членства в общественных организациях, когда палата лордов, выступая в роли верховного суда, признала законной мотивировку Ист-хэмского консервативного клуба, отказавшегося принять в свои члены индуса из-за цвета его кожи.

Были усилены репрессии против прогрессивных иностранцев, проживающих в Великобритании. Некоторые из них были высланы простым распоряжением министра внутренних дел. В 1973 г. правительство отказало в убежище беженцам из Чили, хотя Великобритания традиционно предоставляла его политическим эмигрантам.

Итак, подведем некоторые итоги. Менее чем за 4 года своего правления правительство Э. Хита смогло осуществить определенное укрепление государственного аппарата и некоторое ограничение демократических свобод, хотя в ряде случаев трудящимся решительными выступлениями удалось сорвать авторитарные тенденции в предлагаемом консерваторами законодательстве. Тем не менее в политической жизни страны появились новые тревожные явления — угроза вмешательства вооруженных сил во внутривнутриполитическую борьбу на стороне реакции, заметное усиление и активизация карательного аппарата буржуазного государства в целом, чрезвычайное положение в Северной Ирландии и угроза распространения господствующих там порядков на всю страну, прямые атаки на свободу печати, на права на проведение демонстраций, собраний, забастовок, грубое нарушение прав цветных иммигрантов и национальных меньшинств. Все это еще раз свидетельствовало о глубоком кризисе буржуазной демократии, о новых угрозах, нависших над демократическими силами Великобритании.

⁷⁸ Соx B. Civil Liberties in Britain, p. 147—148.

Глава III

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КОНСЕРВАТИВНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА Э. ХИТА — НОВОЕ НАСТУПЛЕНИЕ НА ЖИЗНЕННЫЙ УРОВЕНЬ ТРУДЯЩИХСЯ

Правительству Э. Хита досталось тяжелое наследство в виде целого комплекса сложных социально-экономических проблем. Но ответственность за это в равной степени несут все его послевоенные предшественники, а не только лейбористы, чью экономическую политику пропаганда консерваторов пыталась представить источником всех бед. А между тем с начала 70-х годов на британскую экономику все большее воздействие стали оказывать такие факторы, как усиление инфляции, ухудшение платежного баланса, валютно-финансовые неурядицы в капиталистическом мире, а с осени 1973 г. и сильнейший в послевоенные годы топливно-энергетический кризис. В полной степени стало проявляться такое негативное явление, как нестабильность темпов роста промышленной продукции: в 1970 г. ее объем увеличился на 0,8, в 1971 г. — на 0,8, в 1972 г. — на 2,9, в 1973 г. — на 7,1, а в 1974 г. уменьшился на 3%.¹

Консервативное правительство пыталось решить социально-экономические проблемы путем усиления эксплуатации трудящихся и участия в процессе западноевропейской экономической интеграции в рамках «Общего рынка». При этом стоит отметить, что, по нашему мнению, вряд ли у правительства Э. Хита была сколько-нибудь целостная программа социально-экономических реформ. Как и в случае с преобразованием государственного аппарата, речь шла об отдельных мерах, не всегда связанных друг с другом и четко продуманных. Некоторые планы консерваторов не были осуществлены из-за сопротивления трудящихся.

Следует отметить, что, несмотря на пропагандистские заявления во время предвыборной кампании, правительство Э. Хита

¹ Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. Обзор за 1975 г. и начало 1976 г. М., 1976, с. 7.

не отказывалось от государственно-монополистического регулирования экономики — просто в различные периоды своей деятельности оно использовало в большей степени то прямые, то косвенные методы воздействия на экономику, поэтому доля государства в валовом внутреннем продукте продолжала расти и при консерваторах, и при лейбористах: если в 1964 г. она составляла 45%, то в 1973 г. — уже 50%.²

Отличительной чертой политики правительства Э. Хита было стремление как можно скорее перестроить экономику страны с целью приспособить ее к вступлению в «Общий рынок», поэтому многие нововведения консерваторов (сельскохозяйственная политика, система налогообложения, субсидирование государственного сектора и т. д.) были более или менее точной копией порядков, существующих в «Общем рынке». Единственным значительным исключением было введение в 1970 г. новой системы бюджетного планирования — «планирование — программирование — бюджетирование», которая была заимствована у США. По сравнению с лейбористским программированием она имела для монополистического капитала некоторые значительные преимущества — вмешательство государства в дела частного сектора сводилось к минимуму, ликвидировались даже немногие возможности влияния прогрессивных сил на бюджетное планирование через существовавшие ранее различные консультативные комитеты и т. д.³ Главной причиной того, что консерваторы тут взяли на вооружение американский, а не западноевропейский образец, был, видимо, их курс на уменьшение прямого государственного вмешательства в дела экономики, который они осуществляли в первые месяцы своего пребывания у власти и который больше соответствовал американской, чем западноевропейской модели государственно-монополистического регулирования.

Одной из наиболее негативных черт социально-экономического развития Великобритании в начале 70-х годов была дальнейшая милитаризация ее экономики, значительное увеличение военных расходов. Консервативное правительство предпринимало в этом отношении особенно активные шаги ввиду тесных связей между верхушкой партии и военно-промышленным комплексом. Достаточно лишь отметить, что во время предвыборных кампаний 1970 и 1974 гг. крупнейшие взносы в фонд консервативной партии делали именно монополии, связанные с военным производством, поэтому коммунисты были совершенно правы, характеризуя партию консерваторов как «голос фабрикантов оружия».⁴

² Lord Diamond. *Public Expenditure in Practice*. London, 1975, p. 12.

³ Глушков В. П. Корпорации, государство, экономика. Английский государственно-монополистический капитализм на пороге 70-х годов. М., 1972, с. 303—304.

⁴ *Morning Star*, 1970, 30 May, p. 3.

Прежде всего консерваторы пошли на существенное увеличение военных расходов, которые лейбористы в конце 60-х годов несколько сократили. Если в 1970/71 финансовом году они были равны 2280 млн. фунтов стерлингов, то в 1973/74 — уже 3365 млн. (в ценах 1970 г — 2525 млн.)⁵

Не меняет общей тенденции и сокращение военных расходов на 178 млн. фунтов стерлингов, объявленное А. Барбером в декабре 1973 г. По мнению специалистов, речь шла о сумме, которая была перерасходована консерваторами на военные цели в предшествующие годы. Пластами правительства Э. Хита предусматривалось дальнейшее увеличение реальных военных расходов до 1977 г. на 2,5% в год (без учета инфляции). По доле валового национального продукта, расходуемой на военные цели, Великобритания продолжала прочно занимать второе место в НАТО после США.

Не изменило в принципе картину и решение правительства Э. Хита сократить военные расходы за рубежом путем постепенной ликвидации британского военного присутствия к «востоку от Суэца». В числе наиболее дорогостоящих проектов, принятых правительством Э. Хита, был тогда строго секретный план модернизации ядерного оружия стратегического назначения «Шевалин», предусматривавший замену на более современные модели баллистических ракет «Поларис», установленных в конце 50-х — начале 60-х годов на подводных лодках Великобритании. Он, по сути дела, предопределил решение правительства М. Тэтчер о покупке в США ракет «Трайидент», вызвавшее столь резкие протесты миролюбивой общественности.⁶

В рамках «переоснащения вооруженных сил» при правительстве Э. Хита было начато производство новых танков «Чифтан», новых франко-британских истребителей, а также некоторых видов ракет. Значительно были увеличены ассигнования на обычные сухопутные силы, предназначенные для ведения боевых действий в Европе, а также на военно-морской флот. Естественно, что рост военных расходов тяжелым бременем ложился на британскую экономику, способствовал росту инфляции и цен, ухудшению положения трудящихся.

О том, сколь положительное воздействие на британскую экономику могло бы оказать сокращение военных расходов, лучше всего говорит тот факт, что они значительно превосходили резко выросший при правительстве Э. Хита дефицит государственного бюджета, который вел к увеличению государственного кредита и росту цен. Все это еще раз подтверждало правильность слов К. Маркса о том, что в непосредственно экономическом отношении военные расходы и приготовления «то же

⁵ Annual Abstract of Statistics, 1976, N 113. London, 1976, p. 187.

⁶ Tribune, 1980, 1 February, p. 2.

самое, как если бы нация кинула в воду часть своего капитала».⁷

Правительство Э. Хита всемерно способствовало милитаризации экономики. В течение всех лет его правления государство предоставляло крупные субсидии предприятиям, производящим оружие, используя для этого самые различные, в том числе и мирные статьи бюджета. Никакие колебания правительственной политики в плане сокращения или увеличения государственного вмешательства в дела экономики военного производства не касались. Ввиду этого особого положения концернов по производству оружия некоторые фирмы, оказавшиеся в трудном положении, стали добиваться военных заказов, чего раньше не делали, надеясь, таким образом, получить затем и правительственные субсидии на их производство. Характеризуя взаимоотношения правительства и военных концернов, В. И. Ленин указывал: «Когда капиталисты работают на оборону, то есть на казну, это уже — ясное дело — не „чистый“ капитализм, а особый вид народного хозяйства. Чистый капитализм есть товарное производство... есть работа на *неизвестный* и свободный рынок. А „работающий“ на оборону капиталист „работает“ вовсе не на рынок, а *по заказу* казны, сплошь и рядом даже на деньги, полученные им в ссуду от казны».⁸ Последствиями этого курса было получение военными корпорациями наиболее высоких прибылей. Военные заказы правительства Э. Хита в еще большей степени способствовали росту концентрации производства. Так, в 1972/73 финансовом году 4,5 тыс. фирм получили от правительства военные заказы на сумму свыше 5 тыс. фунтов стерлингов каждая, но только 14 заключили военные контракты, превосходящие 10 млн. фунтов стерлингов.⁹

Милитаризации подвергалась и научно-исследовательская деятельность. Так, в 1971 г. все научные исследования в области атомной энергии были переданы в ведение департамента обороны — картина, не характерная даже для других капиталистических стран.¹⁰ Были значительно увеличены ассигнования на научно-исследовательские работы в военных целях в области зоологии, химии, биохимии, физики, электроники, электротехники, авиации и т. д. В 1970—1973 гг. в них были вовлечены не только научно-исследовательские учреждения департамента обороны, но и 32 британских университета. Общие расходы на эти цели за годы правления правительства Э. Хита возросли на 30%. По их размерам Великобритания впервые опередила Францию и в 2 раза превосходила ФРГ.¹¹

⁷ Архив Маркса и Энгельса, т. IV, с. 29.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 318—319.

⁹ Comment, 1973, 20 October, p. 329.

¹⁰ The Times, 1971, 6 August, p. 2.

¹¹ Tribune, 1973, 28 December, p. 13.

Правительство Э. Хита всячески стимулировало развитие связей британских военных корпораций с монополиями по производству оружия стран ЕЭС, их участие в различных проектах капиталистических стран, могущих иметь как военную, так и мирную направленность — например, производство группой западноевропейских стран, Японией и Канадой спутника связи, запущенного в 1972 г. американской ракетой.

Наконец, надо отметить, что рост влияния военно-промышленного комплекса на государственный аппарат происходил не только путем возрастающих личных связей и перестройки департамента обороны, о чем уже говорилось в предшествующей главе, но и в результате деятельности группы Р. Мейджеса. Среди бизнесменов, внедренных в ее составе в государственный аппарат, были в основном представители компаний или прямо производящих вооружения, или тесно связанных с этим, как, например, нефтяные монополии. Таким образом, в результате политики правительства Э. Хита был сделан еще один шаг в деле милитаризации Великобритании, имевший негативное воздействие на внутреннюю и внешнюю политику страны.

Одним из важнейших рычагов государственно-монополистического регулирования экономики в послевоенной Великобритании является ее национализированный сектор. Он был расширен лейбористским правительством во второй половине 60-х годов и к моменту прихода к власти правительства Э. Хита охватывал 20% промышленности, в которой была занята 1/4 часть рабочих и служащих.¹² Консерваторы во время предвыборной кампании 1970 г. не скупилась на обещания передать часть государственных предприятий в частные руки, но полностью уничтожить его не собирались. Дело не только в том, что даже самые правые из них понимали нереалистичность такого требования, а в том, что они хотели превратить государственный сектор в образец эффективной эксплуатации трудящихся: установить самый жесткий контроль за ростом зарплаты, что оказывало бы сдерживающее воздействие и на трудящихся в частном секторе, внедрить новые формы классового сотрудничества и т. д.

При определении границы между национализированным и частным секторами консерваторы, по словам Дж. Идена, исходили из того, что государственной собственностью должны оставаться «в первую очередь те сферы деятельности, которыми частному капиталу нет смысла заниматься».¹³ Отсюда курс правительства Э. Хита на отказ от планов дальнейшей национализации, распродажу наиболее прибыльных государственных предприятий, поощрение проникновения частного капитала в

¹² Правовое регулирование экономической деятельности в империалистических и развивающихся странах. М., 1973, с. 90.

¹³ Morning Star, 1971, 4 January, p. 4.

национализированные отрасли, прямое ограничение развития государственного сектора в интересах частного. Особенностью осуществляемой денационализации было то, что она была «ползучей», т. е. проходила постепенно, путем передачи отдельных государственных предприятий частным лицам.

Консерваторы осуществили продажу частным корпорациям западноафриканских авиалиний стоимостью в 10 млн. фунтов стерлингов, ранее принадлежавших государственной кампании ВОАС, Лондонско-Парижской службы кампании ВЕА стоимостью в 2 млн. фунтов стерлингов, туристской фирмы «Томас Кук», дававшей государству значительную прибыль, доков в Пенарте, «Атлантической пароходной навигации» и других схожих государственных фирм стоимостью в 5,5 млн. фунтов стерлингов. Дело дошло почти до курьеза — частным лицам были проданы карлайлские пивные бары, национализированные правительством Д. Ллойд-Джорджа в годы первой мировой войны в целях борьбы с пьянством среди матросов ближайшей военно-морской базы.¹⁴

Кроме этого, правительство разрешило частной авиационной компании «Бритиш Каледониан» создать параллельную с ВОАС линию через Атлантический океан, закрыло государственные железнодорожные мастерские в целях создания более благоприятных условий для частных производителей локомотивов, запретило управлению железных дорог строительство новой гостиницы в Гатвике. Были осуществлены и некоторые другие меры подобного плана. Угроза денационализации нависла также над частью сталелитейной промышленности и некоторыми другими отраслями, хотя реализована она полностью не была. Наконец, были отменены все планы национализации доков и других отраслей, имевшиеся у лейбористского правительства. Единственным случаем национализации предприятий, осуществленной правительством Э. Хита, был «Роллс-Ройс», который будет подробнее рассмотрен несколько позже. Таким образом, крупного изменения в соотношении между государственным и частным сектором в 1970—1974 гг. не произошло, но это объясняется в значительной степени тем сопротивлением, которое встретила политика денационализации со стороны трудящихся масс, что вынудило консерваторов не спешить с распродажей национализированного сектора, а вскоре фактически прекратить ее.

В соответствии с общей политикой государств — членов ЕЭС, запрещающей правительствам оказывать предпочтение национализированному сектору перед частным, правительство Э. Хита еще до вступления Великобритании в эту замкнутую монополистическую группировку взяло курс на сокращение ассигнований государственным предприятиям. Особенно актив-

¹⁴ Wilson H. A Prime Minister on Prime Ministers. London, 1977, p. 150.

но это проводилось в первые и последние месяцы правления консерваторов. Так, в декабре 1973 г. министр финансов А. Барбер объявил об уменьшении государственных ассигнований национализированным отраслям промышленности на 264 млн. фунтов стерлингов, а транспорту — на 212 млн.¹⁵ Тем не менее следует отметить, что эта тенденция не была абсолютной, поскольку отменить сразу все программы предшествовавшего лейбористского правительства было невозможно и поскольку борьба рабочих государственного сектора за повышение своего жизненного уровня также создавала определенные преграды на пути этой политики. Ввиду этого добиться существенной экономии государственных средств за счет национализированного сектора консерваторы не смогли, хотя подобные намерения у них существовали.

В духе осуществляемой им политики на превращение отдельных частей государственного аппарата в автономные агентства правительство Э. Хита пошло на расширение прав управлений отдельных отраслей национализированной промышленности, стремясь придать им, по сути дела, такой же статус. В то же время правительство сохраняло тут самый жесткий контроль за ростом заработной платы, иногда открыто вмешиваясь в переговоры этих управлений с профсоюзами с целью не допустить удовлетворения полностью требований рабочих. Определенные трения между правительством и руководством национализированных предприятий возникли в 1972 г., поскольку последние не были приглашены участвовать в переговорах с КБП и БКТ о политике доходов.

Другим важным новшеством было расширение самостоятельности Английского банка по отношению к правительству и изменение его функций в области регулирования кредитных операций. Эта реформа однако просуществовала лишь до конца 1973 г., когда ввиду роста дефицита платежного баланса и энергетического кризиса правительство было вынуждено вернуться к положению, существовавшему в 50—60-е годы.¹⁶

В 1972 г. в государственном секторе была предпринята первая попытка наладить новую систему классового сотрудничества — «рабочих директоров». Инициаторами ее выступили два члена правления «Бритиш стил корпорейшн» — ее председатель лорд Мелчетт (внук небезызвестного А. Монда) и Р. Смит, бывший до этого в течение некоторого времени генеральным секретарем профсоюза почтовых служащих. В соответствии с их предложениями в состав руководящих органов корпорации были включены «рабочие директора», причем в отличие от предшествующих случаев участия профсоюзов в подобных орга-

¹⁵ Morning Star, 1973, 18 December, p. 1.

¹⁶ Bruce-Gardyne J. Whatever Happened to the Quiet Revolution? - p. 43—45.

нах рабочие представители определялись не корпорацией, а совместным комитетом правления и профсоюзов. «Рабочие директора» также получили право сохранять профсоюзные посты, если они занимали их к моменту назначения.¹⁷

Этот эксперимент был задуман в значительной степени с целью уменьшить воздействие на трудящихся опыта успешного осуществления рабочего контроля во время забастовок-наоборот. Другой причиной было желание унифицировать внутреннюю жизнь Великобритании по образцу стран ЕЭС, где, в особенности в ФРГ, система «рабочих директоров» существовала довольно давно. КПВ с самого начала осудила все попытки введения «рабочих директоров» в правления частных корпораций. Что же касается национализированных отраслей, то XXXIV съезд коммунистов (1975 г.) признал допустимость участия профсоюзов в их правлениях при сохранении полной независимости профсоюзов от государства, включении в правления представителей не только рабочих данной отрасли, но БКТ и других заинтересованных сторон, как, например, местных органов власти, обязательном осуществлении рабочего контроля на всех уровнях.¹⁸

Значительно большие изменения претерпела политика правительства Э. Хита в отношении частного сектора. В первые месяцы своего правления консерваторы стремились ослабить (но не уничтожить) основные рычаги прямого государственного вмешательства: с этой целью осенью 1970 г. была упразднена Корпорация реорганизации промышленности, а затем и некоторые другие правительственные учреждения, выполнявшие схожие функции. Э. Хит в своих выступлениях этого периода неоднократно подчеркивал, что правительство не намерено выплачивать субсидии компаниям для исправления их ошибок. Тогдашний государственный секретарь по торговле и промышленности Д. Дэвис сравнил неприбыльные предприятия с «хромыми утками», которые осуждены на гибель.¹⁹

Действуя подобным образом, консерваторы хотели ускорить процесс концентрации капитала перед вступлением в «Общий рынок» с тем, чтобы завоевать там, хотя бы в части отраслей, ключевые позиции. Как отмечал министр промышленности Дж. Иден, правительство считало целесообразным наибольшее число слияний в частном секторе, чтобы создать объединения такого размера, которые могли бы соревноваться со своими соперниками из «Общего рынка».²⁰ Ввиду этого в начале 70-х годов в Великобритании наблюдалась волна слияний, поглоще-

¹⁷ Stracey F. British Government 1966 to 1975. Years of Reform, p. 109—110.

¹⁸ Comment, 1975, 29 November — 13 December, p. 409.

¹⁹ 88th Annual Conference of the National Union of Conservative and Unionist Associations. London, 1970, p. 79—81.

²⁰ Morning Star, 1971, 4 January, p. 1.

ний, банкротств, несколько уменьшившаяся после вступления в 1973 г. в ЕЭС. Так, если в 1970 г. имело место 893 объединения, или поглощения компаний, то в 1971 г. — 961, в 1972 г. — 1331, в 1973 г. — 1313, а в 1974 г. — уже только 570 подобных случаев. Ежегодно банкротство терпело около 4 тыс. фирм.²¹ На положении «хромых уток» оказались целые отрасли и районы, чей уровень развития был ниже, чем в «Общем рынке».

Первые крупные банкротства произошли в ноябре 1970 г. Это были доки Мерсея, находившиеся в самом критическом состоянии, поскольку их владельцы в ожидании национализации не производили никакой модернизации, а также некоторые другие предприятия. Правительство не только отказалось предоставить им субсидии, но и как-то компенсировать потери держателям акций. Это вызвало раздражение влиятельных кругов буржуазии: их недовольство проявилось в резком уменьшении новых капиталовложений в первые месяцы 1971 г., что угрожало новым снижением темпов роста промышленной продукции и без того низких. С этим правительство Э. Хита не могло не считаться. В этой связи у консерваторов сложились напряженные отношения с частью буржуазии. Именно этим и следует, по нашему мнению, объяснить резкие выпады Э. Хита против отдельных частнокапиталистических фирм (например, его заявление во время скандала с «Лонро» о «неприятном и неприемлемом лице капитализма»).²²

Следующей крупной «хромой уткой» оказалась компания «Роллс-Ройс». Хотя свою известность эта фирма получила благодаря производству роскошных автомобилей, они в конце 60-х годов составляли лишь 5% в объеме ее производства. Главным же видом продукции стали авиационные двигатели, значительная часть которых шла для военной авиации или на экспорт. Правительство финансировало все военные программы и многие научные исследования «Роллс-Ройс». В 1968 г. лейбористское правительство оказало нажим на «Роллс-Ройс» с целью подписания контракта с американской фирмой «Локхид» о поставке 540 двигателей RB-211 по фиксированной цене в 350 тыс. фунтов стерлингов за штуку. В случае выполнения сделка сулила большую прибыль, но и неустойка устанавливалась тоже немалая — 50 млн. фунтов стерлингов. Это был крупнейший в истории Великобритании экспортный заказ. Лейбористы придавали ему большое значение, так как рассчитывали увеличить экспорт и улучшить платежный баланс, а также поднять авторитет британских изделий в мире, поскольку они смогли проникнуть на считавшийся ранее недоступным американский рынок. Стоимость заказа оказалась однако значительно выше, чем

²¹ Annual Abstract of Statistics, 1976, p. 434, 438—439.

²² Цит. по: Bruce-Gardyne J. Whatever Happened to the Quiet Revolution? . . p. 36—37.

предполагалось: сказались инфляционный рост цен, что особенно сильно било по «Роллс-Ройс» из-за фиксации цен в контракте с «Локхид», большая сложность разработки проекта, технические и конструкторские просчеты, огромные расходы на научно-исследовательскую работу.²³ Все это вынудило фирму неоднократно в течение 1968—1970 гг. обращаться за помощью к правительству, но уже в конце января 1971 г. стало ясно, что контракт с «Локхид» без новой крупной помощи «Роллс-Ройс» не выполнить. В этих условиях она была вынуждена объявить о банкротстве, а 8 февраля 1971 г. часть ее была национализирована. В марте 1971 г. на месте старой компании были созданы две новые: государственная «Роллс-Ройс, 1971», куда вошли отделения по производству авиадвигателей, газовых турбин, ракетной и ядерной техники, и частная «Роллс-Ройс моторз» по выпуску автомобилей, бензиновых и дизельных двигателей. Затем правительство Э. Хита подписало с «Локхид» соглашение о продолжении работ над двигателями с предоставлением государственных субсидий. Заем согласилось предоставить и правительство США.²⁴

Решение о национализации части «Роллс-Ройс» вызвало резкую критику ультраправых кругов, особенно Э. Пауэлла.²⁵ Тем не менее правительство пошло на этот первый значительный отход от политики «хромых уток» по нескольким причинам: это были нажим правительства США по дипломатическим каналам в пользу «Локхид», особая заинтересованность британского военно-промышленного комплекса в функционировании предприятий «Роллс-Ройс», стремление уклониться от уплаты неустойки и, наконец, желание успокоить часть буржуазии, обеспокоенную волной банкротств. Консерваторы при этом не скрывали, что рассматривают национализацию «Роллс-Ройс» как временную меру, вызванную чрезвычайными обстоятельствами.²⁶ Данных о том, что правительство Э. Хита руководствовалось при национализации какими-либо социальными соображениями, нет. Более того, она сопровождалась массовыми увольнениями рабочих.

Национализация «Роллс-Ройс» свидетельствовала о частичном отходе от политики «хромых уток». Следующим симптомом такого отхода стало объявление в феврале 1971 г. района Глазго «специальной зоной развития», получившей право на определенные государственные дотации. Затем такими зонами были объявлены Таинсайд, Уирсайд и многие другие районы, составляющие почти половину страны. В июле 1971 г. правительство выделило 69 млн. фунтов стерлингов для организации

²³ Сорокина В., Стопневич Т. Взлет и падение «Роллс-Ройса». — Мировая экономика и международные отношения, 1971, № 8, с. 70.

²⁴ The Times, 1971, 3 August, p. 1.

²⁵ Powell E. Still to Decide. London, 1972, p. 113—114.

²⁶ Walker P. The Ascent of Britain, p. 96—97.

общественных работ в Англии и Уэльсе и 33 млн. фунтов стерлингов в Шотландии. Ассигнования предназначались для развития строительной промышленности и инфраструктуры «специальных зон развития». Данная программа в случае полного осуществления могла обеспечить работой 25 тыс. человек в течение 2 лет.²⁷ Через несколько месяцев на эти цели были выделены дополнительные средства. Это не был полный отказ от политики, провозглашенной в Селсдон Парке, как утверждали впоследствии сторонники М. Тэтчер.²⁸ Но часть «хромых уток» это спасало.

Следующим важным симптомом начинающегося поворота стал объявленный в июле 1971 г. «мини-бюджет», где главной целью правительства объявлялось уже не сдерживание инфляции, а ускорение темпов роста промышленной продукции до 4—4,5%. Правительство было вынуждено считаться с сопротивлением трудящихся и социальными и политическими последствиями роста безработицы. То, что политика «хромых уток» не была полностью отброшена, показали события на верфях компании «Аппер Клайд Шипбилдерс» (АКШ).

Банкротство АКШ в июне 1971 г. не было столь неожиданным, как банкротство «Роллс-Ройс», поскольку дела АКШ уже с момента основания в 1968 г. шли неблагоприятно. Но особую скандальность этому банкротству придало то, что оно было результатом сознательной политики правительства, руководствовавшегося «меморандумом Ридлея» — документом, составленным еще в годы оппозиции группой видных деятелей, консервативной партии и клайдских капиталистов. Одной из главных причин стремления правящих кругов ликвидировать АКШ был высокий уровень заработной платы работающих там судостроителей, стимулирующий рабочих других верфей на борьбу за ее повышение.²⁹ В начале 1971 г. из АКШ была выведена верфь Ярроу, специализирующаяся на военном производстве, остальные же были доведены до критического положения. После отказа правительства предоставить АКШ субсидию в 6 млн. фунтов стерлингов концерн в июне 1971 г. объявил о своем банкротстве.³⁰

В 1971 г. в значительной степени в духе доктрины «хромых уток» была изменена и правительственная политика в области сельского хозяйства. Одновременно она была приведена в соответствие с требованиями ЕЭС. Государственные субсидии для поддержания низких цен на сельскохозяйственные продукты, производимые в Великобритании с тем, чтобы сделать их

²⁷ The Times, 1971, 15 July, p. 1, 17.

²⁸ Boyson Rh. Centre Forward. A Radical Conservative Programme. London, 1978, p. 66—67.

²⁹ Guardian, 1971, June, p. 1.

³⁰ Parliamentary Debates. House of Commons. Official Report. Vol. 818, N 157. London, 1971, col. 31—33.

конкурентоспособными с импортной продукцией, резко уменьшались. Взамен вводилась система импортных сборов, что вызвало рост цен на продовольственные товары в невиданных в послевоенные годы масштабах.

Отказ от политики «хромых уток» произошел весной 1972 г. Официально правительство мотивировало его опасениями чрезмерного роста безработицы. В действительности же главной причиной была борьба трудящихся. Именно борьба судостроителей АКШ вынудила правительство в феврале 1972 г. ассигновать 35 млн. фунтов стерлингов для сохранения 3 верфей, а затем еще 12 млн. — для оказания помощи американской компании «Марасон» в переоборудовании 4-й верфи в предприятие по производству установок для бурения морского дна.³¹ Таким образом, вместо 6 млн. фунтов стерлингов правительство оказалось вынужденным выделить 47 млн. фунтов.

Весной 1972 г. были осуществлены меры по усилению прямого государственного вмешательства в дела частного сектора. Было создано министерство промышленного развития, вошедшее в состав департамента торговли и промышленности и наделенное функциями, схожими с ликвидированной Корпорацией реорганизации промышленности. С руководящих постов в департаменте торговли и промышленности были удалены наиболее ярые противники прямого государственного вмешательства — Дж. Иден, Н. Ридлей, Ф. Корфилд. Тогда же был принят закон «О промышленности», предусматривавший самое активное участие государства в регулировании частного сектора, — по некоторым вопросам даже более существенное, чем при лейбористских правительствах. В соответствии с ним правительство получало право предоставлять государственные средства частным компаниям для поддержания занятости (ст. 7) и израсходовать в течение 5,5 лет 550 млн. фунтов стерлингов для помощи предприятиям, когда это будет в «национальных интересах» или «принесет пользу экономике» (ст. 8). По требованию КБП в законопроект была внесена поправка о том, что государственный секретарь по торговле и промышленности должен осуществлять эти полномочия по согласованию с совещательным органом из представителей крупного бизнеса.³² Были приняты специальные программы правительственной помощи судостроению и некоторым другим отраслям. В целом государственные субсидии частному сектору всех видов в 1972—1973 гг. составили 2,3 млрд. фунтов стерлингов. О значении их лучше всего говорит тот факт, что в 1973 г. частные компании принесли владельцам акций 1,65 млрд. фунтов стерлингов.³³ Таким образом, без государственной поддержки част-

³¹ The Times, 1972, 29 April, p. 1.

³² Norton Ph. Conservative Dissidents, p. 94.

³³ Holland S. The Socialist Challenge. London, 1975, p. 68.

ный сектор почти не принес бы прибылей. В конце 1973 — начале 1974 г. государственные субсидии частному сектору были несколько уменьшены из-за начавшегося кризиса, но не отменены. В последующие годы закон «О промышленности» и политика финансовой поддержки частного сектора были одним из главных объектов атак ультраправых кругов консервативной партии и подверглись официальному осуждению после избрания М. Тэтчер лидером партии.

В условиях ухудшающегося положения в области топливно-энергетических ресурсов особую важность для Великобритании приобрел вопрос о добыче нефти в Северном море, месторождения которой были обнаружены в начале 70-х годов. Правительство Э. Хита взяло курс на полную передачу ее эксплуатации в руки частных предпринимателей, в том числе и иностранных. Так, к 1974 г. 38% оцененного потенциала разведанных месторождений контролировалось американскими монополиями, 18 — компаниями других стран, а доля британских монополий составляла 44%.³⁴ Это создавало реальную угрозу тому, что ресурсы Северного моря станут использоваться в интересах межнациональных монополий, а не в целях подъема британской экономики.

Консервативное правительство стимулировало, особенно после вступления в ЕЭС, и участие британского капитала в межнациональных компаниях, поощряя слияния соответствующих фирм. Особо тут следует назвать всемерную поддержку консерваторами проектов «Конкорда» и строительства туннеля через Ла-Манш, хотя даже П. Уокер, принимавший соответствующие решения, признавал их крайнюю непопулярность.³⁵

Одной из наиболее сложных проблем для консервативного правительства было поддержание курса фунтов стерлингов. Девальвация, осуществленная лейбористами в 1967 г., не привела к значительному упрочению его позиций. Определенное улучшение наблюдалось лишь в 1969—1971 гг., когда торговый и платежный баланс Великобритании были положительными благодаря росту международной торговли и увеличению спроса на британские товары, благоприятному для нее сдвигу в ценах, правительственной политике сдерживания внутреннего спроса.³⁶ Ввиду этого в 1970—1971 гг. запасы золота и валюты у Великобритании возросли, а краткосрочная и среднесрочная задолженности сократились. Однако ситуация продолжала оставаться напряженной из-за усиливающихся финансовых неурядиц в мире капитала, поэтому консерваторам пришлось уже в сентябре 1970 г. столкнуться с падением курса фунта, а в первой поло-

³⁴ Великобритания. М., 1981, с. 65.

³⁵ Walker P. The Ascent of Britain, p. 182.

³⁶ Подробнее об этом см.: Антропов В. М. Фунт стерлингов в 1968—1972 годах. — В кн.: Некоторые вопросы всеобщей истории. Вып. 8. Челябинск, 1973, с. 3.

вине 1971 г. бороться с долларовой наводнением, охватившим Западную Европу.

В отличие от своих предшественников, всегда поощрявших приток иностранных, особенно американских капиталов, правительство Э. Хита пошло на некоторые защитные меры: 12 января 1971 г. был ужесточен контроль за перемещением валюты, а 1 апреля учетная ставка Английского банка была снижена с 7 до 6%.³⁷ Еще большие ограничения были введены после отмены США 15 августа 1971 г. обратимости долларов в золото для иностранных государств: Лондонский валютный рынок был сразу же закрыт на 8 дней, в сентябре были приняты дополнительные меры против наплыва долларов, включавшие новое снижение учетной ставки Английского банка с 6 до 5%.³⁸ Однако в дальнейшем правительство Э. Хита пошло на уменьшение роли учетной ставки как регулятора валютно-финансовых операций, отказавшись в 1972 г. даже от традиционного ее еженедельного обнародования. В 1973 г. Английский банк пошел на увеличение учетной ставки, доведя ее в ноябре до 13%, но на этот раз его целью было уже ограничение давления спроса на кредит.³⁹

В декабре 1971 г. Великобритания подписала Смитсоновские соглашения, установившие средний курс фунта по отношению к доллару и пределы его колебаний; после этого все ограничения по перемещению валюты, введенные в 1971 г., были отменены. Весной 1972 г. страны ЕЭС договорились о двойном регулировании курсов своих валют как по отношению к доллару, так и по отношению друг к другу. Правительство Э. Хита почти сразу присоединилось к нему, но это не спасло фунт от нового серьезного кризиса. Главными его причинами были низкие темпы роста экономики и постоянно растущий дефицит государственного бюджета, что делало фунт уязвимым для различных спекулятивных атак, столь частых в капиталистическом мире. Одна из них в июне 1972 г. увенчалась успехом.

15 июня 1972 г. курс фунта стерлингов внезапно стал падать. Существенная поддержка, оказанная центральными банками западноевропейских государств, не привела к позитивному результату. Правительство Э. Хита оказалось перед выбором — или пойти на новую девальвацию, или выйти из обеих систем валютного регулирования. Оно пошло вторым путем, введя 23 июня «плавающий» курс фунта стерлингов. На практике это привело к падению курса, что позволило некоторым органам печати иронизировать, задавая вопрос, является ли он «плавающим» или «тонущим».⁴⁰ Однако в целом в правящем

³⁷ The Times, 1971, 2 April, p. 1.

³⁸ Ibid., 3 September, p. 1.

³⁹ Ibid., 1973, 14 November, p. 1.

⁴⁰ Financial Times, 1972, 29 June, p. 23.

лагере решение правительства было встречено с одобрением. На официальную девальвацию консерваторы не пошли как по экономическим (желание сохранить свободу действий в проведении политики стимулирования экономического роста), так и по политическим (все девальвации проводились только лейбористами) причинам.

В октябре 1972 г. фунт подвергся новой спекулятивной атаке после неудачи переговоров правительства, КБП и БКТ. Однако с введением «антиинфляционной политики» и ускорением темпов роста промышленной продукции в 1973 г. позиции британской валюты вновь несколько окрепли, чему способствовало и уменьшение доверия к американскому доллару. Валютные бури в течение почти всего 1973 г. мало коснулись фунта стерлингов.

Крупный прирост промышленной продукции в 1973 г. сопровождался значительным увеличением спроса на топливо и сырье и соответственно расходов на импорт нефти, особенно после резкого скачка цен на нее осенью 1973 г. Дефицит торгового баланса от нефти возрос с 483 млн. фунтов стерлингов в 1970 г. до 944 млн. в 1973 г. Но если в 1970 г. он почти весь покрывался положительным балансом по другим статьям, то в 1973 г. они тоже давали дефицит в 1431 млн. фунтов стерлингов.⁴¹ Осенью 1973 г. — зимой 1974 г. курс фунта оказался вновь подорванным из-за начавшегося энергетического кризиса, обострения внутривнутриполитической обстановки, неурядиц французского франка и итальянской лиры. Таким образом, ни политика жесткой экономии за счет трудящихся, ни вступление в ЕЭС не привели к сколько-нибудь серьезной стабилизации курса фунта, чего предшествовавшие консервативные правительства обычно добивались.

Одной из важнейших реформ правительства Э. Хита была почти полная реорганизация всей системы налогообложения путем уменьшения прямых налогов и увеличения косвенных. В ходе предвыборной кампании 1970 г. консерваторы сделали рост налогов одним из главных объектов атак на политику правительства Г. Вильсона, обещая сократить их сразу же, как придут к власти. И действительно, первый же их государственный бюджет предусматривал снижение ставки подоходного налога на 6 пенсов с каждого фунта стерлингов. Консерваторы сопровождали это шумной пропагандистской кампанией, поскольку речь шла о первом за 11 лет уменьшении подоходного налога. Однако трудящиеся от него мало что выиграли. Прежде всего изменение не затронуло около 10 млн. человек — наименее обеспеченную часть населения, которая вообще была освобождена от уплаты подоходного налога.⁴² Наибольшую вы-

⁴¹ Bank of England Quarterly Bulletin, 1974, June, tabl. 20.

⁴² Parliamentary Debates. House of Commons. Official Report. Vol. 840, N 147. London, 1972, col. 49.

году от шестипенсовой скидки получили лица с высокими доходами. Для тех, чей доход составлял 10 тыс. фунтов стерлингов, она равнялась 374 фунтам, 15 тыс. — 1232 фунта, 20 тыс. — 1990 фунтов, 50 тыс. — 6741 фунтов стерлингов, а с доходом в 100 тыс. фунтов стерлингов — уже 14 647 фунтов.⁴³ Благодаря этой скидке размеры годового жалования у председателей правлений крупнейших британских фирм резко возросли: у Д. Баррана («Шелл») — на 1,7 тыс. фунтов, у Дж. Кларка («Плесси») — на 1,6 тыс., у лорда Стоукса («Бритиш Лейланд») — на 1 тыс., у Э. Дрейка («Бритиш Петролеум») — на 1,2 тыс. фунтов стерлингов.⁴⁴

Консервативное правительство пошло и на предоставление других налоговых льгот монополистическому капиталу. Так был уменьшен налог на прибыль корпораций. Если в 1971—1973 гг. существовало дифференцированное обложение компаний, то с апреля 1973 г. вступила в силу новая зачетная система обложения налогом прибылей корпораций по единой ставке. Поскольку позиции консерваторов в стране к весне 1972 г. явно слабели, правительство в целях укрепления своей популярности среди мелкой буржуазии ввело некоторую налоговую скидку для мелких фирм. Был полностью отменен введенный лейбористским правительством в 1966 г. выборочный налог регулирования занятости, который в известной степени стимулировал приток рабочей силы и добавочных капиталов в обрабатывающую промышленность и повышение занятости в районах высокой безработицы. Его главная тяжесть лежала на потребителях, но против него выступали и влиятельные круги крупного бизнеса, поскольку из-за этого налога увеличивались расходы на рабочую силу и в некоторой степени сдерживался процесс вытеснения рабочих техникой.

Важное значение для монополий имело введение свободной нормы (до 100%) амортизационных отчислений фактически по всем капиталовложениям, что дало им возможность скрывать свои прибыли, проводя их по графе амортизационных расходов. Были увеличены налоговые скидки на первоначальные инвестиции в новые промышленные здания и некоторые другие. Все это в сумме дало монополиям огромную прибыль: только уменьшение в марте 1971 г. на 2,5% налога на корпорации дало им 105 млн. фунтов стерлингов.⁴⁵

Что же касается трудящихся, то их незначительный выигрыш от снижения подоходного налога был перекрыт введением в 1973 г. нового косвенного налога — налога на добавленную стоимость — по образцу «Общего рынка». При этом следует отметить, что консерваторы собирались ввести его, даже

⁴³ Morning Star, 1971, 31 March, p. 1.

⁴⁴ Scottish Trades Union Congress Bulletin, 1970, N 418, p. 6—7.

⁴⁵ Morning Star, 1971, 31 March, p. 1.

если бы вступление в ЕЭС было отложено. Таким образом, данную меру следует рассматривать в контексте общего наступления правительства и монополий на жизненный уровень трудящихся, а не только в связи с вступлением в «Общий рынок». Налог на добавленную стоимость распространялся почти на все товары широкого потребления, большинство из которых ранее косвенными налогами не облагалось или облагалось крайне незначительно.

В целом в годы правления правительства Э. Хита налоговое бремя не уменьшилось, а увеличилось, но доля, выплачиваемая трудящимися, возросла за счет уменьшения доли монополий. Однако и те не были в полной мере удовлетворены — налоги были по-прежнему выше, чем в США и странах ЕЭС.⁴⁶

Пожалуй, ни по одному вопросу политика правительства Э. Хита не претерпела столь существенных поворотов, как контроль над ценами и доходами. В предвыборном манифесте 1970 г. консерваторы утверждали, что являются противниками их принудительного регулирования. Подобные заявления были откровенной демагогией, поскольку в современных условиях любое буржуазное государство не может не проводить какого-то регулирования цен и доходов, а допустимы лишь видоизменения в формах такого регулирования.

Консерваторы почти сразу отменили постановления о контроле над ценами и доходами, доставшиеся им от правительства Г. Вильсона, но правительство под флагом «борьбы с инфляцией» не прекратило вмешательство в эти дела. В государственном секторе за основу был положен принцип, согласно которому новое трудовое соглашение должно было предусматривать повышение зарплаты как минимум на 1% меньше, чем действующее. Владельцев частных предприятий также призвали проявить «твердость» в переговорах с профсоюзами. Так, в сентябре 1970 г. тогдашний государственный секретарь по делам занятости Р. Карр на встрече с ведущими деятелями КБП прямо обещал им поддержку в борьбе с «инфляционными» требованиями рабочих о повышении зарплаты.⁴⁷

Наконец, консерваторы рассчитывали, что сдерживающее воздействие на борьбу трудящихся окажет и рост безработицы. Все это сопровождалось усиленной пропагандистской кампанией о том, что якобы ответственность за рост инфляции несут исключительно профсоюзы. Эти меры однако не принесли ожидаемого результата, что вынудило правящие круги искать каких-то соглашений с профсоюзами об ограничении цен и заработной платы.

В июле 1971 г. при явной поддержке правительство 200 круп-

⁴⁶ Calvocoressi P. *The British Experience (1945—1975)*. London; Sydney; Toronto, 1978, p. 123—124.

⁴⁷ King C. *The Cecil King Diary (1970—1974)*, p. 44.

нейших фирм, входящих в КБП, обратились к профсоюзам с призывом ограничить рост цен и зарплаты в течение года 5%. Часть профсоюзов это предложение приняла. Однако в полной мере планы правительства и КБП реализованы не были: забастовочная борьба трудящихся, особенно весной 1972 г., вынудила правящие круги пойти на значительные уступки. Справедливости ради надо отметить, что часть деятелей КБП с самого начала считала свою инициативу имеющей мало шансов на успех.⁴⁸

В этих условиях правительство было вынуждено возобновить переговоры с БКТ под предлогом необходимости рассмотреть экономическое положение после введения «плавающего» курса фунта. Сначала они начались на заседаниях Национального совета экономического развития, а затем были продолжены на трехсторонних встречах представителей правительства, БКТ и КБП. Переговоры проходили в обстановке острых разногласий между их участниками. К тому же ультраправые консерваторы подвергали постоянным нападкам правительство за сам факт проведения таких переговоров, утверждая, что это означает отход от принципов, выработанных в Селсдон Парке. В начале ноября 1972 г. трехсторонние переговоры зашли в тупик. В этих условиях правительство решило начать осуществление принудительного регулирования цен и доходов. Такой поворот также не был неожиданным — еще в феврале 1972 г. эту идею высказал тогдашний министр внутренних дел Р. Модлинг в секретном меморандуме, направленном членам кабинета. После отставки Р. Модлинга он был опубликован в печати.⁴⁹ За введение принудительного регулирования цен и доходов выступили также лорд Ротшильд и глава департамента по делам гражданской службы Р. Армстронг. По свидетельству очевидцев, именно их аргументы оказали решающее воздействие на Э. Хита. Другим фактором, оказавшим воздействие на решение консерваторов, было введение правительством США в 1971 г. впервые в мирное время государственного контроля над ценами и доходами.

Принудительный контроль над ценами и доходами, который консерваторы называли «антиинфляционной политикой», прошел три фазы. В течение первой из них, начавшейся 6 ноября 1972 г. и продолжавшейся 150 дней, было запрещено любое повышение зарплаты сверх существующего уровня, причем откладывалось даже выполнение заключенных, но не вступивших в силу соглашений. Одновременно замораживались некоторые виды цен и доходов, квартплата и т. д. С апреля по осень 1973 г. правительство осуществляло вторую фазу «антиинфляционной политики», которая предусматривала максималь-

⁴⁸ Ibid., p. 125.

⁴⁹ The Times, 1972, 12 September, p. 12.

ное увеличение зарплаты в 1 фунт плюс 4% для всей профессиональной группы. Повышение зарплаты допускалось лишь раз в год. Наконец, с ноября 1973 г. начала действовать «третья фаза», которая должна была длиться до осени 1974 г. и предусматривала максимальный рост зарплаты на 7% для каждой профессиональной группы. Важно отметить, что в обоих случаях речь шла о максимально допустимом пределе, а не об обязательном повышении. В ноябре 1972 г. были созданы специальные государственные органы для контроля за соблюдением «антиинфляционной политики» с довольно широкими полномочиями. Так, управление по заработной плате в обязательном порядке рассматривало и утверждало все соглашения, предусматривавшие повышение зарплаты более чем 100 человек. Предусматривались довольно крупные штрафы для нарушителей.

Вторая и третья фазы формально предусматривали контроль над ростом цен, но на практике его почти не было. Если в 1965—1970 г. среднегодовой темп роста цен составлял 4,6%, то в 1971 г. — 9,4%, 1972 г. — 7,1%, а в 1973 г., когда действовали вторая и третья фазы, — 10,6%.⁵⁰ Постоянно рос список товаров, на которые повышались цены: в 1969 г. он составлял 5974 наименования, в 1970 г. — 9919, в 1971 г. — 6251, в 1972 г. — 8073, а в 1973 г. — даже 12 340!⁵¹ Увеличились и прибыли монополий. Таким образом, «антиинфляционная политика» была выгодна буржуазии, однако инфляцию не остановила. Более того, контроль за денежной массой был к концу правления кабинета Э. Хита фактически потерян.

«Антиинфляционная политика» консервативного правительства вызвала самые резкие протесты трудящихся. Именно стремление консервативного правительства любой ценой проводить ее в жизнь привело к конфронтации с шахтерами в конце 1973 — начале 1974 г., закончившейся его падением.

На рубеже 60—70-х годов одной из главных социальных проблем Великобритании стала безработица. Консервативное правительство в первые месяцы своей деятельности довольно сознательно стимулировало ее рост. Если в 1970 г. число зарегистрированных безработных составило 618 тыс. человек, то к январю 1972 г. оно впервые в послевоенные годы превысило 1 млн.⁵² Как отмечалось в одном из документов КПВ, «это преднамеренное увеличение, направленное на то, чтобы проверить, возможно ли посредством безработицы в 3,5% или более сдержать борьбу рабочего класса, учитывая, что 2,5%-ная безработица не привела к таким результатам».⁵³

⁵⁰ Положение и борьба британского рабочего класса, с. 22.

⁵¹ Tribune, 1974, 11 February, p. 1.

⁵² Department of Employment Gazette, 1972, December, p. 1188.

⁵³ Comment, 1971, 17 July, p. 280.

Правительство и монополии действительно надеялись, что рост безработицы вынудит трудящихся выдвигать более умеренные требования повышения зарплаты и улучшения условий труда, а также реже прибегать к забастовкам из-за опасения остаться без работы. Этого, однако, не случилось — в отличие от предшествующих лет увеличение безработицы сопровождалось подъемом забастовочного движения. Более того, трудящиеся нашли и успешно применили специфические формы борьбы против безработицы — забастовки-наоборот и сидячие оккупации. Стало очевидным, что дальнейший рост безработицы приведет не к ослаблению, а к усилению классовой борьбы. Это вынудило правительство с весны 1972 г. принять меры к ее уменьшению, чему способствовал рост промышленного производства в 1972—1973 гг. Тем не менее и в эти годы безработица продолжала оставаться на более высоком уровне, чем в 50—60-е годы, а с началом энергетического кризиса в конце 1973—начале 1974 г. она еще более возросла. Таким образом, несмотря на отступление правительства Э. Хита в 1972 г., именно при нем были созданы предпосылки для приобретения безработицей застойно-массового характера в конце 70-х — начале 80-х годов.

Консервативное правительство Э. Хита осуществило и важную реформу системы финансирования жилищного строительства. Правительство не успело претворить тут в жизнь все, что хотело, но реакционная направленность его мероприятий была столь очевидной, что они были единственными, о которых с похвалой отзывались сторонники М. Тэтчер даже после отстранения Э. Хита от руководства партией.

Консерваторы исходили из того, что жилищное строительство не является социальной службой и поэтому к нему вполне применимы принципы рыночного хозяйства. В опубликованной в июле 1971 г. Белой книге «Справедливый курс в жилищном строительстве» провозглашалась необходимость обеспечения каждой семье возможности выбора между приобретением собственного дома и арендой жилплощади, а также установление справедливости между гражданами в получении помощи при выплате стоимости жилплощади. Главным препятствием к этому объявлялась система государственного финансирования жилищного строительства, которая якобы была излишней тратой денег.⁵⁴ При этом умалчивалось, что подобный курс означал немедленное уменьшение государственных субсидий на жилищное строительство на 100 млн. фунтов стерлингов в год, а к 1975 г. — сокращение на 300 млн.⁵⁵

В начале 70-х годов в Англии примерно $\frac{1}{2}$ населения жила в собственных домах, а $\frac{1}{2}$ снимала жилье, причем $\frac{2}{3}$ кварти-

⁵⁴ The Times, 1971, 14 July, p. 4.

⁵⁵ Morning Star, 1971, 14 July, p. 5.

росъемщиков проживали в муниципальных домах. Схожая картина существовала и в других частях Соединенного королевства. Закон «О жилищном финансировании» и последующее законодательство консерваторов по этому вопросу были направлены на то, чтобы вынудить местные органы власти повышать квартплату так же, как это делали частные домовладельцы. Таким образом, главным источником финансирования жилищных программ городских советов становились не государственные субсидии, а квартплата. Для этого размер еженедельной квартплаты повышался на 1 фунт к 1 октября 1972 г., затем еще на 50 пенсов к концу 1973 г. и, далее, ежегодно еще на 50 пенсов до достижения уровня частного сектора. Если бы в 1974 г. лейбористское правительство не заморозило временно рост квартплаты, то к 1976 г. она бы возросла в муниципальном секторе вдвое.

Права местных органов власти по определению размеров квартплаты существенно ограничивались. В 1971 г. в Англии и Уэльсе около 64% городских советов самостоятельно устанавливали размеры квартплаты и систему скидок. Теперь вводилась единая для всех схема, при которой квартплата зависела от размеров семьи и ее доходов, и предусматривались льготы для калек и слепых.

Законодательство было направлено на усиление позиции частного сектора: поощрялись продажа частным лицам муниципальных домов, строительство местными органами власти домов на продажу по рыночной цене, выделение дополнительных участков муниципальной земли для частного жилищного строительства. Министерством и управлениям национализированных отраслей промышленности было предложено выделить часть принадлежащих им земель частным владельцам, а на местные органы власти возлагались обязанности по очистке и организации их продажи. Существенно расширялись права владельцев частных домов в отношении квартиросъемщиков. В условиях, когда правительство Э. Хита в 1970 г. отменило контроль над ценами на землю и упразднило земельную комиссию, несколько ограничивавшую спекуляцию землей, возможности для увеличения цен на землю и соответственно на жилье открывались большие.

Правительственная пропаганда всячески рекламировала систему скидок за квартплату для низкооплачиваемых, введенную новым законодательством. В действительности же процедура их получения была сложной и унижительной: каждые 6 месяцев нужно было заполнять подробную анкету (это был 44-й вид проверки на необходимость получения социального обеспечения) о составе семьи и ее доходах, причем родители лишались права на скидку, если выяснялось, что дети зарабатывают больше их. Это был, по сути дела, возврат к практике 30-х годов, когда родителям отказывали в пособии по безработице,

если у них были работающие дети. Внешне квартиросъемщик, получивший право на скидку, кое-что выигрывал, но на практике он с учетом роста квартплаты должен был все равно платить больше, чем до принятия нового закона. Кроме того, эту скидку должны были покрывать другие квартиросъемщики. Особо следует отметить, что часть прибыли от муниципальных домов должна была идти для уплаты скидок в частном секторе, т. е. муниципальные квартиросъемщики должны были выплачивать средства, которые в конце концов доставались частным домовладельцам.⁵⁶

Основными последствиями жилищной политики консерваторов были рост социального неравенства и ухудшение положения трудящихся. Прежде всего начался стремительный рост цен на землю, стоимости новых домов, квартплаты. В 1970—1973 гг. в Англии и Уэльсе стоимость земли в частном секторе возросла на 185%, стоимость новых домов — на 95, а квартплата в муниципальном секторе — на 52%.⁵⁷ Все это значительно опережало рост зарплаты и не увеличивало, а уменьшало для большинства семей возможность не только приобрести собственный дом, но и просто улучшить свои жилищные условия.

Не произошло и увеличения жилищного строительства. В 1971—1972 гг. количество построенных частных домов возросло, но оно не могло покрыть уменьшения муниципального строительства. В результате число построенных домов сократилось с 350 500 в 1971 г. до 293 571 в 1973 г. С учетом же слома реальный прирост был еще меньше: 1970 г. — 243 100 домов, а в 1972 г. — только 213 600. Доля местных органов власти в новых постройках упала с 51,4% в 1970 г. до 36,6% в 1973 г.⁵⁸ Все это не могло не вести к дальнейшему обострению жилищной проблемы, причем не только из-за отсутствия подходящих жилищ, но и ввиду дороговизны в расширяющемся частном секторе.

Курс на принуждение городских советов продавать свои дома частным лицам успехом не увенчался, как из-за сопротивления квартиросъемщиков, так и нежелания проводить его лейбористскими местными органами власти.

Не исправило положение и широко разрекламированная консерваторами программа ремонта старых зданий. В 1970 г. тогдашний государственный секретарь по делам окружающей среды П. Уокер и министр жилищного хозяйства Дж. Эмери направили послания мэрам городов со значительным числом старых домов с призывом начать кампанию по их ремонту. Были также выпущены специальные пропагандистские фильмы,

⁵⁶ Comment, 1973, 5 May, p. 138—139.

⁵⁷ Lansley St., Fiegehen G One Nation? Housing & Conservative Policy. London, 1974, p. 6.

⁵⁸ Ibid., p. 7.

плакаты, листовки. Организаторы кампании пытались представить крупным успехом увеличение числа отремонтированных домов с 170 тыс. (64 тыс. муниципальных и 116 тыс. частных в 1970 г. до 453 тыс. (193 тыс. муниципальных и 260 тыс. частных) в 1973 г.⁵⁹ Не отрицая положительного значения этого факта, нужно отметить, что ремонт коснулся в большей степени частного сектора, где проживали средние слои и наиболее состоятельная часть трудящихся. Именно они получили в целом наибольшую выгоду от всего жилищного законодательства консерваторов. Таким образом, нельзя не согласиться с мнением С. Ландслея и Г. Фигехена о том, что «период 1970—1974 гг. был серьезной задержкой на пути к равенству и социальной справедливости в обеспечении жильем».⁶⁰

Коренной реорганизации подверглась и система здравоохранения. Критикуя ее неэффективность, консерваторы стремились однако не усовершенствовать ее, а создать, по сути дела, две— для тех, кто может платить за лечение, и тех, кто не в состоянии этого сделать.

Разработка новой структуры органов здравоохранения была осуществлена самими антидемократическими методами: проект был подготовлен группой консультантов фирмы «Мак Кинсей энд компани» и Брунельского университета, а затем разослан узкому кругу лиц. Хотя дело шло о реформе системы, в которой было занято около 800 тыс. человек и получавшей из государственного бюджета ежегодно около 3 млрд. фунтов стерлингов, никакой публичной дискуссии проведено не было. Почти не были учтены и поправки, сделанные к проекту даже лицами, ознакомленными с ним. В 1973 г. соответствующий закон был принят парламентом.

Новое законодательство предусматривало объединение всех общественных служб в единую национальную службу здравоохранения. Из ведения местных органов власти изымались центры по охране здоровья и материнства, медицинское обслуживание школьников и детей, организация прививок и т. д. В них упразднялись даже должностные лица, ведающие здравоохранением и медицинским обслуживанием. Это означало также уменьшение их бюджета на 200 млн фунтов стерлингов в год. Потеряли самостоятельность и медицинские учебные заведения.⁶¹

Создавалась совершенно новая структура руководящих органов национальной службы здравоохранения. Общее руководство ею осуществлял государственный секретарь по делам социального обеспечения. Он назначал членов правлений службой здравоохранения в специально создаваемых 14 регионах с населе-

⁵⁹ Walker P. The Ascent of Britain, p. 173.

⁶⁰ Lansley St., Fiegehen G. One Nation? Housing & Conservative Policy, p. 41.

⁶¹ New Society, 1974, 28 February, p. 514.

нием примерно в 3 млн. человек каждый. Регионы подразделялись на области, общее число которых составляло 90. Области примерно, хотя и не полностью, соответствовали административным единицам, установленным законом 1972 г. о местных органах власти. Члены областных правлений службы здравоохранения назначались государственным секретарем и региональными правлениями по согласованию с местными органами власти, руководством медицинских учреждений, профсоюзами и другими заинтересованными организациями. Лишь 4 из 15 членов областных правлений прямо назначались местными органами власти. Правления — и региональные и областные — строили свою работу по образцу правлений крупных фирм и состояли в большинстве случаев из представителей крупного капитала, чье воздействие на службу здравоохранения значительно возросло.

Какой-либо демократический контроль за деятельностью руководящих органов системы здравоохранения фактически отсутствовал. Единственное, на что согласилось правительство при прохождении закона в парламенте, — это включение системы здравоохранения в сферу деятельности омбудсмана — парламентского комиссара, призванного разбирать жалобы частных лиц на государственные учреждения.⁶² Неэффективность работы омбудсмана, чья должность была введена в Великобритании в конце 60-х годов по образцу скандинавских государств, была к этому времени уже совершенно очевидной. Так что никаких гарантий защиты прав граждан от бюрократии не было.

Параллельно правительство Э. Хита активно поощряло частную практику врачей в рамках национальной службы здравоохранения. Внесенный в апреле 1973 г. в парламент закон предусматривал значительное расширение возможности для врачей и медицинских работников государственных учреждений заниматься частной практикой (это право предоставлялось теперь почти всем, а не только крупным специалистам, как ранее), существенное увеличение количества мест в государственных больницах, выделяемых для частных пациентов, предоставление врачам права использовать медицинское оборудование государственных учреждений для обслуживания частных клиентов и т. д. Это делало частную медицинскую практику паразитом в государственной системе здравоохранения, а не фактором ее процветания, как утверждали консерваторы. Именно поэтому правительство Э. Хита не пошло на формальное разделение государственного и частного секторов в здравоохранении.⁶³

Наконец, истратив массу средств на перестройку системы здравоохранения, правительство Э. Хита сократило их на реаль-

⁶² Stracey F. British Government. 1966 to 1975. Years of Reform, p. 176.

⁶³ Comment, 1973, 21 April, p. 116—117.

ное медицинское обслуживание. Достаточно лишь отметить, что в годы правления консерваторов число коек в больницах сократилось с 508,7 до 503 тыс.⁶⁴

В духе принципов свободной конкуренции реорганизовывалась система образования. В Великобритании в 60-е годы политика в области школьного образования определялась совместно министерством образования и науки и школьными советами при местных органах власти. Это было одной из причин значительной разницы в деятельности школ в различных районах страны и наличия нескольких типов школ. На практике эта селективность была выгодна детям состоятельных родителей. В конце 60-х годов лейбористское правительство сделало непоследовательную попытку создать общедоступную систему среднего образования, но до конца дело не довело. Буквально через несколько недель после прихода консерваторов к власти министр образования и науки М. Тэтчер подписала циркуляр 10/70, которым отменялись все лейбористские начинания в этой области и местным школьным советам предоставлялась, по сути дела, полная свобода действий. При этом М. Тэтчер особо подчеркивала, что дети должны получать не одинаковое образование, а в соответствии с их «надобностями и способностями».⁶⁵

Одновременно правительство Э. Хита под флагом «экономии государственных средств» начало уменьшение ассигнований на образование. Наиболее сильным сокращением предполагалось подвергнуть систему высшего образования, уменьшив за десятилетие число студентов до 750 тыс. Именно за счет этих сокращений и предполагалось несколько увеличить число яслей, которые, во всяком случае на словах, пользовались особым вниманием М. Тэтчер. Одной из самых непопулярных мер консервативного правительства Э. Хита была отмена выдачи школьникам бесплатного молока. М. Тэтчер добилась также введения платы за посещение всех музеев и картинных галерей, хотя в предвыборном манифесте консерваторов 1970 г. много говорилось о покровительстве искусству. Эта политика сделала М. Тэтчер, даже по признанию консервативной печати, «самой непопулярной женщиной в Великобритании».⁶⁶

Политика сокращения государственных расходов, естественно, сказалась и на решениях консервативного правительства о размерах пенсий и различных пособий. Считаясь с ростом инфляции, правительство было вынуждено время от времени повышать их, но в незначительной степени, так что их реальная ценность постоянно падала. Это вело к ухудшению условий

⁶⁴ Подсчитано на основании данных: Monthly Digest of Statistics, 1974, March, p. 32.

⁶⁵ Money E. Margaret Thatcher — First Lady of the House. London, 1975, p. 67.

⁶⁶ Lewis R. Margaret Thatcher. A Personal and Political Biography. London and Boston, 1975, p. 67.

жизни пенсионеров и тысяч других людей, для которых пенсии и пособия были единственными источниками к существованию.

Таким образом, социально-экономическая политика консервативного правительства Э. Хита привела не к смягчению, а обострению стоящих перед Великобританией проблем, росту социального неравенства, ухудшению материального положения трудящихся. Это создавало объективную базу для активизации борьбы рабочего класса за свои права, против наступления правительства и монополий. В то же время правительство Э. Хита оказалось в силу ряда факторов неспособным в полной мере осуществить полное переключивание всей тяжести социально-экономического кризиса на плечи трудящихся, что заставило определенные круги буржуазии начать всерьез подумывать о какой-то альтернативе двухпартийной системе.

Глава IV

НАЧАЛО ПЕРЕГРУППИРОВКИ СИЛ В ЛАГЕРЕ ОППОЗИЦИИ

В начале 70-х годов на политической сцене Великобритании началась определенная перегруппировка сил, которая в значительной степени продолжается и в настоящее время. Главным в ней является углубление кризиса двухпартийной системы, первые симптомы которого появились еще раньше. Основными проявлениями этого кризиса были, во-первых, увеличение различий в политике обеих крупнейших партий, так как в отличие от прошлых лет сдвиг консерваторов вправо сопровождался сдвигом в противоположную сторону в лейбористской партии; во-вторых, рост влияния малых буржуазных партий и тенденция к их сближению; в-третьих, массовые выступления трудящихся против антипрофсоюзной политики консервативного правительства, несмотря на призывы лидеров обеих крупнейших партий «подчиняться закону». В этих условиях правящий класс начал предпринимать попытки перестроить партийно-политическую структуру страны применительно к новым условиям. Обострение классовой борьбы в первую половину 70-х годов ускорило развитие этих процессов.

Правительство Э. Хита тогда с полным основанием характеризовали как самое реакционное в послевоенной истории Великобритании, однако некоторые буржуазные круги хотели еще большего сдвига вправо. При их поддержке заметно активизировались крайне правые силы как в консервативной партии, так и вне ее. Пожалуй, впервые в послевоенные годы правительству консерваторов пришлось столкнуться с оппозицией справа. Этот факт является ярким подтверждением углубления кризиса буржуазной демократии в Великобритании. Сама по себе оппозиция справа была довольно аморфной. Тем не менее представляется возможным выделить в ней три основные группы: крайне правые круги консервативной партии, не представленные в правительстве, наиболее видным деятелем которых до февраля

1974 г. был Э. Пауэлл, североирландские ультра и неофашисты из «Национального фронта». Ведущую роль в оппозиции справа правительству Э. Хита играли ультраправые круги консервативной партии.

Одним из наиболее крупных проявлений недовольства ультраправых сил политикой правительства Э. Хита был выход из консервативной партии североирландских юнионистов, бывших до этого ее неотъемлемой частью. Дело в том, что даже курс правительства Э. Хита на открытое применение вооруженной силы для подавления борцов за гражданские права не удовлетворял крайних из протестантской общины Ольстера — таких, как «великий магистр ордена оранжистов» М. Смит, бывший министр внутренних дел североирландского правительства в 60-е годы У. Крейг, создавший группу «Авангард», и др. Еще в 1970—1971 гг. они организовывали провокационные шествия под лозунгами борьбы всеми средствами против «реформ и уступок» католическому меньшинству, сопровождавшиеся нередко кровопролитными схватками с борцами за гражданские права. Правительство Э. Хита и его тогдашние североирландские союзники — юнионисты их деятельность не только не ограничивали, но даже поощряли, рассчитывая руками ультра установить в провинции «закон и порядок». Однако непосредственно к рычагам власти ультра не допускались, что вызывало у тех всевозрастающее раздражение. Когда же в марте 1972 г. Лондон убедился в неспособности североирландских властей преодолеть кризис и ввел прямое правление, то это вызвало резкие протесты у всех правых партий и групп Северной Ирландии. Юнионистское правительство Б. Фолкнера подало в отставку, а депутаты-юнионисты в британском парламенте голосовали против прямого правления и фактически вышли из консервативной партии.¹

Еще более углубился раскол между консерваторами и юнионистами после подписания в декабре 1973 г. правительствами Великобритании, Ирландии и тогдашним лидером североирландских юнионистов Б. Фолкнером саннингдейльских соглашений, предусматривавших не только активизацию совместных атак британского и ирландского правительств на борцов за гражданские права в Северной Ирландии, но и некоторые, порой чисто формальные уступки им. Руководство юнионистов отнеслось к ним отрицательно, а подписавший эти соглашения Б. Фолкнер был вынужден покинуть партию и приступить к созданию новой.² Выход юнионистов не подорвал парламентского большинства правительства Э. Хита, поскольку по всем вопросам, кроме североирландских, они продолжали голосовать вместе с консерваторами. Но после парламентских выборов в феврале 1974 г. отказ юнионистов от поддержки правительства Э. Хита стал

¹ The Times, 1972, 29 March, p. 2.

² Ibid., 1974, 5 January, p. 1.

одним из факторов, способствовавших его падению. Протестантские ультра с самого начала осуждали введение прямого правления и саннингдейльские соглашения, называя их «предательством» и «капитуляцией перед Ирландской республиканской армией».³ На этой почве в начале 1974 г. сложился союз юнионистов и протестантских ультра.

В начале 70-х годов на фоне углубления социально-экономического кризиса и усиления авторитарных тенденций в политической жизни заметно активизировались неофашисты из «Национального фронта». Формально «Национальный фронт» не только не выступал продолжателем Британского союза фашистов, но и всячески отмежевывался от него, пытаясь представить себя респектабельной партией, выступающей за демократию и свободу, «духовное» и «моральное» обновление.⁴ Главным в пропаганде неофашистов было разжигание английского (а не британского!) национализма и шовинизма. При этом использовалось и то обстоятельство, что из-за настойчивого желания консерваторов втянуть страну в ЕЭС их облик как «национальной» партии в глазах части мелкой буржуазии поблек. Отсюда обязательное присутствие Юнион Джека на всех шествиях и манифестациях «Национального фронта», настойчивое упоминание в каждом обращении о «вашей» стране, всемерное раздувание расизма, попытки внушить трудящимся, что во всех их бедах виноваты цветные иммигранты, стремление нажить политический капитал на оппозиции «Общему рынку», злобные измышления о «коммунистическом заговоре» и даже чисто демагогические нападки на США.

Новыми моментами в стратегии «Национального фронта», появившимися в начале 70-х годов, были активизация деятельности в профсоюзах, а также стремление использовать в своих целях местные проблемы отдельных районов. Сколько-нибудь серьезных успехов в этом «Национальный фронт» достичь не смог, но ему явно удалось укрепить свои позиции среди сотрудников карательного аппарата — полицейских, служащих тюрем и иммиграционной службы, которые были в наибольшей степени пропитаны расистскими настроениями. В политическом отношении большинство новых сторонников «Национального фронта», как правило, были бывшими консерваторами.⁵ Финансовой базой деятельности «Национального фронта» были вклады от отдельных представителей британского крупного капитала, а также, по слухам, время от времени появлявшимся в печати, поступления из ЮАР.⁶

³ Ibid., 1972, 25 March, p. 3; 1973, 10 December, p. 1.

⁴ Billings M. Fascists: a Social Psychological View of the National Front. London; New York; San Francisco, 1978, p. 4, 8, 162.

⁵ The Times, 1977, 30 August, p. 10.

⁶ Cook D. A Knife at the Throat of Us All. Racism and the National Front. London, 1977, p. 7; Tribune, 1974, 18 January, p. 4.

В эти годы кандидаты неофашистов приняли участие в дополнительных выборах в парламент в 5 округах, причем в 2 — Уксбридже (декабрь 1972 г.) и Бромвиче (май 1973 г.) — добились относительных успехов, собрав соответственно 8 и 16% всех голосов.⁷ Показательно, что эти успехи совпали с периодом наибольшего недовольства ультраправых правительством Э. Хита, усилившего в 1972 г. государственное регулирование экономики и разрешившего въезд в Великобританию иммигрантам азиатского происхождения, изгнанных из Уганды.

Наконец, правая оппозиция правительству Э. Хита присутствовала в самой консервативной партии. Она проявлялась в кабинете, где время от времени М. Тэтчер при молчаливой поддержке К. Джозефа выступала с критикой линии Э. Хита, а также со стороны группы депутатов — заднескамеечников, фактическим лидером которых был Э. Пауэлл. Поскольку британские традиции запрещают министрам высказывать публично мнение, отличное от решения правительства, оппозиция М. Тэтчер и К. Джозефа не выходила за пределы заседаний кабинета. Впоследствии это послужило поводом для обвинений М. Тэтчер и К. Джозефа в том, что они не ушли из кабинета, а оставались проводить политику, с которой были не согласны.

Что же касается Э. Пауэлла, то его нападки на правительство шли постоянно и фактически по всем вопросам: членство в ЕЭС, национализация «Роллс-Ройс», усиление прямого государственного вмешательства в дела экономики, разрешение на въезд иммигрантов азиатского происхождения и т. д. При этом сторонники Э. Пауэлла не останавливались перед крайними мерами: хотя при втором чтении законопроекта о вступлении в ЕЭС правительство одновременно поставило вопрос о доверии, 15 депутатов-консерваторов голосовали против, а 5 — воздержались. Если бы не поддержка либералов, голосовавших «за», и 5 лейбористов, воздержавшихся от голосования, правительство пало бы. Это был первый случай в послевоенные годы, когда депутаты-консерваторы голосовали против доверия своему правительству.⁸ Серьезным было и поражение правительства из-за позиции ультраправых в ноябре 1972 г. при голосовании в парламенте за введение новых иммиграционных правил, приводимых в соответствие с требованиями ЕЭС.

В условиях недовольства широких масс вступлением в ЕЭС, разнузданной расистской кампании против иммигрантов из Уганды, возмущения ухудшением положения трудящихся демагогия Э. Пауэлла имела определенный успех: в конце 1972 — начале 1973 г. его личный авторитет вновь начинает расти. По опросам общественного мнения в октябре 1972 г. и в апреле 1973 г. 41% считали присутствие в консервативной партии

⁷ Trends in British politics, p. 154.

⁸ Norton Rh. Conservative Dissidents, p. 73.

Э. Пауэлла ее достоинством, а в то же самое время об Э. Хите такого же мнения придерживалось соответственно 36 и 34%.⁹ Э. Пауэлл снова стал одним из наиболее популярных политических деятелей. Видимо, ввиду этого он пришел к мысли о разрыве с консервативной партией в расчете, что ради сохранения Э. Пауэлла в своих рядах лидеры консерваторов пойдут ему на уступки как в отношении политики, так и предоставления соответствующего правительственного поста. В мае 1973 г. во время дополнительных выборов в Бромвиче Э. Пауэлл заявил, что не может поддержать кандидата консерваторов из-за его позиции по вопросам о членстве в ЕЭС и иммиграции, что было истолковано как призыв голосовать за «Национальный фронт». В июне 1973 г. Э. Пауэлл сделал следующий шаг, заявив, что хотя он «жил и умрет консерватором», но готов прожить остаток своих дней при лейбористском правительстве, если это является ценой за сохранение парламентского суверенитета.¹⁰ В феврале 1974 г. Э. Пауэлл отказался баллотироваться в парламент от консервативной партии и призвал избирателей голосовать за лейбористов. Это означало конец его карьеры в консервативной партии, но многие его сторонники остались в партии и сыграли определенную роль в замене Э. Хита М. Тэтчер.

В начале 70-х годов получает развитие тенденция к взаимной поддержке всех ультраправых сил: в 1970 г. «Национальный фронт» выдвинул своим кандидатом в парламент в округе Северный Ислингтон Б. Грина — близкого друга лидера североирландских ультра Я. Пейсли, в феврале 1974 г. неофашистские кандидаты не выдвигались в округах, где баллотировались ультраправые консерваторы, а в октябре 1974 г. Э. Пауэлл прошел в парламент при поддержке североирландских ультра.¹¹ Тем не менее ни одной сколько-нибудь серьезной попытки объединения всех неофашистских, ультраправых сил в одну партию открытой реакции в рассматриваемый период не было. В стратегии правящего класса правой оппозиции правительству Э. Хита отводилась вспомогательная роль — стимулировать новый сдвиг вправо в консервативной партии. Показательно, что наиболее активно ультраправые действовали в последний период правления правительства Э. Хита, причем в некоторых случаях они явно стремились к его поражению в расчете заменить Э. Хита более правым деятелем. Избрание лидером в 1975 г. М. Тэтчер в значительной степени привело к уменьшению оппозиции справа руководству консервативной партии.

Если консервативная партия в первой половине 70-х годов постоянно испытывала нажим справа, имеющий целью добиться ее перехода на еще более реакционные позиции, то в лейборист-

⁹ Schoon D. E. Enoch Powell and Powellites, p. 97.

¹⁰ The Times, 1973, 11 June, p. 1, 3.

¹¹ Tribune, 1974, 22 February, p. 2; The Times, 1970, 27 May, p. 10.

ской партии, наоборот, начинается сдвиг влево, который, хотя и не всегда последовательно, продолжается до настоящего времени, когда лейбористы по многим важнейшим вопросам выступают в качестве реальной альтернативы консервативному правительству М. Тэтчер.

Связь лейбористской партии с политической системой капиталистического общества продолжала оставаться достаточно прочной. В парламенте лейбористская фракция сохраняла положение «оппозиции Ее Величества». Лидер оппозиции был по-прежнему членом тайного совета, получал секретную информацию, участвовал в различных политических консультациях с премьером. В 1972 г. его жалование было увеличено одновременно с увеличением жалования членам правительства.¹² Лейбористы имели своих представителей во всех парламентских комитетах, а в некоторых занимали и посты председателей. Они располагали большинством, особенно после выборов 1972—1973 гг., в местных органах власти. Во всех представительных учреждениях лейбористы действовали строго в рамках буржуазной законности и традиций, что уменьшало эффективность их оппозиции правительственной политике. Так, лейбористские лидеры, ссылаясь на то, что местные органы власти должны выполнять директивы правительства, не поддерживали городские советы, отказавшиеся выполнять жилищное законодательство консерваторов. Явно не одобряли они и действия членов городского совета Клей Кросса, которые предпочли подвергнуться правительственным репрессиям, а не повышать квартплату.¹³

Руководство лейбористской партии способствовало политике классового сотрудничества, призывая трудящихся «подчиняться законам», поощряло профсоюзы на ведение переговоров с правительством и предпринимателями, на участие в различных государственных и полугосударственных комитетах и комиссиях. Так, по данным на июнь 1972 г., Британский конгресс тред-юнионов был представлен в 117 таких комитетах и комиссиях.¹⁴

В то же время в лейбористской партии в начале 70-х годов начинаются некоторые изменения. Прежде всего наблюдается более глубокая дифференциация между различными течениями, проявившаяся уже в первые месяцы после перехода в оппозицию в начавшейся дискуссии об оценке деятельности лейбористского правительства в 1964—1970 гг., причинах поражения на парламентских выборах в июне 1970 г. и основных направлениях политики лейбористов в будущем.

Сначала правое крыло попыталось перехватить инициативу, но скоро выяснилось, что внутри его нет единства ни по вопросам текущей политики, ни по методам борьбы с активизирован-

¹² The British Parliament. London, 1974, p. 13.

¹³ The Times, 1974, 14 January, p. 2.

¹⁴ Pressure Groups in Britain: A Reader. London, 1974, p. 110—112.

шимися левыми кругами. Некоторые правые лейбористы предпочли прямо перейти к консерваторам. Так сделали бывший в 60-е годы заместителем лидера лейбористской партии Дж. Браун, бывший лейбористский министр Р. Марш и некоторые другие.¹⁵ Такие переходы в противоположную партию бывали у лейбористов и раньше, но по своим размерам и значимости лиц они были крупнейшими в послевоенные годы.

Другая часть правых, наиболее видным деятелем которых был Р. Дженкинс, продолжала оставаться в партии, но начала предпринимать попытки создать свой центр внутри нее. По сообщениям печати, уже в июле 1970 г. на квартире У. Роджерса состоялось собрание депутатов парламента, придерживающихся взглядов бывшего лидера партии Х. Гейтскелла, на котором было решено, по сути дела, воссоздать существовавшее в начале 60-х годов «Движение за демократический социализм».¹⁶ Р. Дженкинс и его сторонники считали недопустимым даже в условиях подъема массового забастовочного движения скольконибудь, хотя бы из тактических соображений, значительное отклонение от политики, проводимой партией в 60-е годы. Отсюда их постоянные нападки на забастовки и другие выступления трудящихся, пассивность в парламенте при обсуждении многих реакционных законопроектов, предлагаемых консерваторами, и, наконец, открытая поддержка правительства по вопросу о вступлении в «Общий рынок». Из-за голосования группы лейбористов во главе с Р. Дженкинсом вместе с консерваторами в октябре 1971 г. по вопросу о вступлении в «Общий рынок» была упущена вполне реальная возможность нанести поражение правительству и добиться проведения досрочных парламентских выборов. Это вызвало серьезное возмущение в партии и вынудило сторонников Р. Дженкинса объявить о выходе из «теневого кабинета» и отставке с некоторых руководящих партийных постов. Тем не менее их влияние продолжало оставаться достаточно сильным: имя Р. Дженкинса не раз упоминалось в печати в качестве возможного преемника Г. Вильсона на посту лидера партии, причем это не следует рассматривать только как способ давления на последнего. В ноябре 1973 г. Р. Дженкинс был вновь введен в «теневой кабинет». В тот момент сторонники Р. Дженкинса, кроме Д. Таверна, о котором речь пойдет несколько позже, не планировали создания самостоятельной партии. Так, на предложения возглавить новую партию центра, включающую сторонников «Общего рынка» вне консервативной партии, Р. Дженкинс неизменно заявлял, что через несколько лет лейбористская партия перейдет на позицию поддержки «Общего рынка», профсоюзы примут антирабочее законодательство и поэтому необходимости в расколе нет.¹⁷ Тем не менее

¹⁵ Tribune, 1980, 25 January, p. 8.

¹⁶ Ibid., 1970, 24 July, p. 3.

¹⁷ King C. The Cecil King Diary (1970—1974), p. 145.

именно в начале 70-х годов в лейбористской партии начало формироваться ядро будущей социал-демократической партии, созданной Р. Дженкинсом, У. Роджерсом и другими в 1981 г.

Следующим важным явлением было постепенное размывание группы, возглавляемой Г. Вильсоном. Ему еще раз удалось добиться примирения враждующих группировок и сохранения единства партии и ее авторитета среди трудящихся. Однако среди ближайших сторонников Г. Вильсона начинается разброд. Прежде всего существенно возрастает личный авторитет Дж. Каллагэна, который прочно выходит на второе место в партийном руководстве: при выборах «теневое правительство» он неизменно получал значительное число голосов, а в 1970 и 1973 гг. даже выходил на первое место. В «теновом правительстве» он последовательно занимал ключевые посты, отвечая за внутренние дела, финансы, иностранные дела, а на партийных конференциях неизменно избирался казначеем партии, набирая на 1,5—1,7 млн. голосов больше, чем его главный соперник левый лейборист Эткинсон. Одновременно Дж. Каллагэн возглавлял влиятельный подкомитет Национального исполнительного комитета по внутренним делам и руководил разработкой новой программы партии. В 1973 г. Дж. Каллагэн был избран председателем лейбористской партии, а в начале 1974 г. возглавил комитет по выработке предвыборного манифеста, в состав которого также вошли Б. Касл, А. Веджвуд Бенн и М. Фут. По конкретным политическим проблемам Дж. Каллагэн, как и Г. Вильсон, стремился выступать в роли посредника и примирителя. Так, чтобы не раздражать левых лейбористов, он поддержал их предложение о проведении специальной конференции лейбористской партии по вопросу об отношении к «Общему рынку». Однако постепенно Дж. Каллагэн начинает выступать с более правых позиций, чем Г. Вильсон. Наиболее явно это проявилось, когда при формировании рабочих групп по разработке будущей политики партии он, несмотря на протесты Б. Касла, отказался включить в их состав представителей левого крыла,¹⁸ а также в идею «социального контракта», выдвинутой им в речи на конференции лейбористской партии 1972 г. и предусматривавшей, по сути дела, осуществление той же политики ограничения роста зарплаты, которую иными средствами проводили лейбористские правительства К. Эттли и Г. Вильсона.

Одновременно продолжается сдвиг влево А. Веджвуда Бенна, бывшего в правительстве второй половины 60-х годов одним из ближайших к Г. Вильсону лиц. Так, летом 1971 г. А. Веджвуд Бенн присутствовал при занятии судостроителями Верхнего Клайда верфей и начале забастовки-наоборот, причем еще до

¹⁸ Kellner P., Hitchens Ch. Callaghan. The Road to Number Ten. London, 1976, p. 112—114.

того, как руководство лейбористской партии официально объявило о ее поддержке, и принимал участие в многотысячных демонстрациях солидарности с ней, сопровождавшихся забастовками.¹⁹ В то же время А. Веджвуд Бенн не предпринимал попыток сблизиться с группой «Трибюн», объединявшей большинство леволейбористских депутатов. Таким образом, позиции центристской группы в партии постепенно начинают слабеть.

Левое крыло лейбористской партии продолжало быть довольно пестрым как в идеологическом, так и в организационном отношении. Несмотря на то, что некоторые левые лейбористы потерпели поражение на парламентских выборах 1970 г., доля левых в парламентской фракции возросла. Этот факт, а также обострение классовой борьбы позволили им действовать более активно. Важными успехами левых стало избрание в «теневого кабинет» М. Фута и целой группы их представителей в Национальный исполком партии. В октябре 1972 г. генеральным секретарем лейбористской партии был избран Р. Хейуорд—известный противник вступления в ЕЭС и сторонник повышения роли исполкома в выработке партийной политики. Объективно это было выгодно левым, которые сделали центром своей стратегии внутрипартийной борьбы завоевание большинства в исполкоме. В известной степени им это удалось в 1972—1973 гг. Национальный исполком сыграл положительную роль во включении некоторых требований левых в документы лейбористской партии. Левые добились и принятия партийными конференциями 1970—1973 гг. многих резолюций, отражающих их взгляды.

В то же время левое крыло не смогло преодолеть некоторых слабостей. Прежде всего это реформистское понимание социализма и переоценка роли парламентской деятельности. Показательна в этом отношении книга Э. Хеффера «Классовая борьба в парламенте», в которой снова утверждалось первостепенное значение борьбы лейбористских депутатов в парламенте, а в виде приложения публиковалось соглашение БКТ и КБП (1972 г.), бывшее типичным примером политики классового сотрудничества.²⁰ Среди левых существовали разногласия по конкретным политическим проблемам, что позволяло даже говорить о «левых и среднелевых» лейбористах.²¹ У части левых лейбористов продолжало сохраняться пренебрежительное, а иногда и враждебное отношение к КПВ — «Трибюн» не раз высказывался за ее роспуск.²² Однако, несмотря на эти слабости, в целом в начале 70-х годов наблюдалась тенденция к росту левых сил в лейбористской партии.

Усиление левых сказалось и на программных документах

¹⁹ Thompson W. and Hart F. The UCS work-in. London, 1972, p. 54.

²⁰ Heffer E. The Class Struggle in Parliament. London, 1972.

²¹ Tribune, 1973, 8 June, p. 4.

²² Ibid., 1970, 14 August, p. 506.

лейбористской партии, особенно в требованиях более широкой национализации, согласии на волеизъявление народа по вопросу о членстве в ЕЭС, отказе от политики принудительного контроля правительства над зарплатой.

Вопрос о национализации был всегда одним из главных для лейбористов. В начале 70-х годов внимание к нему было особенно велико, поскольку правительство консерваторов начало осуществлять «ползучую» денационализацию, угрожавшую распространиться на важнейшие отрасли экономики, и ввиду того, что, как показали банкротства «Роллс-Ройс», «Аппер Клайд Шипбилдерс» и некоторых других крупнейших предприятий, частный капитал оказался неспособным управлять производством, а также ввиду настойчивой кампании левых за осуществление демократической национализации. В результате в 1971—1973 гг. лейбористская партия приняла ряд довольно радикальных решений по вопросу о национализации. В 1971 г. ежегодная конференция лейбористской партии призвала следующее лейбористское правительство национализировать без компенсации, что уже само по себе показательно как отражение сдвига влево, предприятия, денационализированные правительством Э. Хита. Эта же конференция призвала к национализации авиационной, судостроительной и судоремонтной промышленности, морского приборостроения, банков и страховых компаний.²³ 71-я конференция лейбористской партии (1972 г.) высказалась за национализацию добычи нефти в Северном море, земли, строительной промышленности и крупнейших монополий, а также за введение «демократического контроля над промышленностью через рабочий контроль и управление».²⁴ Еще более важное значение имело решение Национального исполкома лейбористской партии с призывом национализировать 25 из 100 крупнейших монополий. Это уже могло нанести серьезный удар капиталу и поэтому вызвало злобные нападки со стороны буржуазной прессы, причем в них принял участие и Э. Хит.²⁵ Все эти резолюции о национализации были включены в «Лейбористскую программу для Британии», утвержденную в 1973 г. конференцией лейбористской партии. При составлении предвыборного манифеста в феврале 1974 г. требование о национализации 25 крупнейших монополий включено в него не было, а вопрос об участии рабочих в управлении национализированными отраслями был сформулирован крайне обтекаемо.²⁶ Однако размеры наме-

²³ Report of the Seventieth Annual Conference of the Party. Brighton, 1971, October 4—8. London, 1971, p. 384—386.

²⁴ Report of the Seventy-First Annual Conference of the Labour Party. Blackpool, 1972, October 2—6. London, 1972, p. 386—387.

²⁵ Observer, 1973, 3 June, p. 1.

²⁶ Подробнее см.: Лиманский А. Н. Новый вариант «обобществления по-лейбористски». — Рабочий класс и современный мир, 1975, № 2, с. 171—173.

чаемой национализации были тем не менее достаточно велики по сравнению с предвыборными манифестами лейбористов всех послевоенных лет, кроме 1945 г. Но национализация продолжала рассматриваться лейбористскими лидерами как средство повышения конкурентоспособности британской экономики на мировых рынках, а не ее социалистической реконструкции.

Второй вопрос, по которому в позиции лейбористской партии произошел сдвиг, — это согласие на волеизъявление избирателей о членстве в ЕЭС. В 1970 г. во время предвыборной кампании лидеры лейбористов, как и консерваторы, неоднократно заявляли о своей приверженности вступлению Великобритании в «Общий рынок» и о том, что этот вопрос должен быть решен обычным голосованием в парламенте. Однако после перехода партии в оппозицию левым удалось добиться определенного изменения. В 1971 г. конференция лейбористской партии осудила вступление в ЕЭС на условиях консерваторов и призвала парламентскую фракцию голосовать против него.²⁷

В 1972 г. конференция лейбористской партии одобрила резолюцию, отвергающую вступление в «Общий рынок» на условиях консерваторов и призвала следующее лейбористское правительство пересмотреть их. При этом предлагалось отменить общую сельскохозяйственную политику, налог на добавленную стоимость, сохранить полную свободу для лейбористского правительства осуществлять экономические планы, региональное развитие, расширять общественный сектор, контролировать движение капитала, осуществление британским парламентом всей власти в вопросах законодательства и налогообложения, прекратить выплату взносов и участие во всех учреждениях ЕЭС до тех пор, пока эти условия не будут приняты.²⁸ Данная резолюция была компромиссом, поскольку проекты, полностью отвергающие членство в ЕЭС или полностью поддерживающие членство в нем, были отвергнуты. Но фактически резолюция была ближе к позиции левых, так как сформулированные в ней условия были в ряде случаев явно неприемлемы для других стран — членов ЕЭС.

Ввиду этого одной из целей левых лейбористов стала борьба за то, чтобы избирателям, среди которых оппозиция ЕЭС была сильной, была дана возможность самим высказать свое отношение к этой проблеме. Первоначально это выражалось в требовании проведения всеобщих выборов — традиционной для Великобритании формы волеизъявления избирателей. Но весной 1972 г., после объявления о проведении референдумов по вопросу о вступлении в ЕЭС в Ирландии, Дании и Норвегии и о согласии на расширение «Общего рынка» во Франции, «те-

²⁷ Report of the Seventieth Annual Conference of the Labour Party, p. 381.

²⁸ Report of the Seventy-First Annual Conference of the Labour Party, p. 388.

новой кабинет» лейбористов также высказался за проведение референдума.

При составлении предвыборного манифеста оппозиция членству в ЕЭС на условиях консерваторов была вновь подтверждена, хотя пункты, которые должны быть пересмотрены, были уже сформулированы не столь четко, как в резолюциях конференции. Кроме того, в манифест было также включено обязательство провести после окончания переговоров о новых условиях членства в ЕЭС всеобщие парламентские выборы или референдум.²⁹ Таким образом, и тут в политике лейбористской партии в 1970—1974 гг. произошел сдвиг влево.

Начиная с 1966 г. лейбористское правительство Г. Вильсона осуществляло принудительное государственное регулирование роста заработной платы рабочих и служащих, что привело к резкому конфликту с профсоюзами и серьезно ослабило лейбористов перед парламентскими выборами 1970 г. В этой связи вопрос об укреплении связей между партией и профсоюзами стал одним из главных после перехода лейбористов в оппозицию. Одним из способов решения этой задачи стало создание в 1972 г. комитета связи, состоящего из представителей «теневого кабинета», Национального исполкома лейбористской партии и Генсовета БКТ. Главным, однако, в экономической стратегии лейбористов стала концепция «социального контракта», предусматривавшая в первоначальном виде добровольное соглашение будущего лейбористского правительства с профсоюзами о размерах роста зарплаты с учетом роста производства при условии отмены закона «Об отношениях в промышленности», развития промышленной демократии, осуществления других прогрессивных преобразований.

При составлении предвыборного манифеста 1974 г. группа праволейбористских лидеров (Ш. Уильямс, Р. Прентис, Р. Дженкинс и другие) выступила против отказа от принудительного регулирования доходов. В результате был достигнут компромисс — политика добровольного ограничения роста зарплаты была сохранена в качестве основной, но соответствующий раздел предвыборного манифеста был сформулирован так, что не исключал для будущего лейбористского правительства возможности осуществить в отдельные периоды и принудительное ограничение.³⁰ Это, конечно, более соответствовало взглядам левых, чем «политика цен и доходов» конца 60-х годов.

Таким образом, в 1970—1974 гг. в программных установках лейбористской партии произошли определенные сдвиги влево. Они не были коренными и не носили необратимого характера, но были весьма показательны как проявление кризиса двухпартийной системы, так как в предшествующие годы, как уже отме-

²⁹ The Times, 1974, 9 February, p. 4—5.

³⁰ Ibid., 11 January, p. 4.

чалось, сдвиг вправо в консервативной партии почти всегда сопровождался аналогичными явлениями у лейбористов.

Однако в лейбористской партии тех лет было еще одно явление, явно тревожившее правящий класс даже больше, чем изменения в программных документах. Дело в том, что, пожалуй, впервые в новейшей истории Великобритании лидеры лейбористов не смогли сохранить контроль над выступлениями трудящихся масс против антинародной политики консервативного правительства и монополий. Несмотря на призывы руководства лейбористской партии к трудящимся «соблюдать закон, даже если он плохой», «действовать строго в рамках закона» и т. д., профсоюзы продолжали вести упорную борьбу против антирабочего законодательства консерваторов. В ряде случаев профсоюзы шли на объявление забастовок, даже когда лейбористские лидеры прямо призывали их не делать этого, как было с докерами в 1972 г., шахтерами в 1974 г. и некоторыми другими отрядами рабочего движения. Более того, опасаясь потерять свое влияние среди трудящихся, лейбористское руководство было вынуждено заявить о поддержке борьбы рабочих, как это было во время забастовки-наоборот судостроителей Верхнего Клайда. Все это, естественно, вызывало раздражение в правящих кругах, которые считали сдерживание выступлений трудящихся в определенных рамках одной из главных функций лейбористов в двухпартийной системе. Отсюда и постоянные нападки консерваторов на лейбористов, которые, по их утверждению, не выполняли в 1970—1974 гг. «конституционных функций оппозиции», и лично на Г. Вильсона, якобы напрасно получавшего от государства жалование лидера оппозиции.³¹

Таким образом, в 1970—1974 гг., под влиянием подъема классовой борьбы произошло первое в послевоенные годы отклонение лейбористской партии от двухпартийной политики. Оно стало в известной степени предвестником нового, более крупного сдвига влево в конце 70-х — начале 80-х годов.

Другим важнейшим признаком кризиса двухпартийной системы было расширение числа сторонников малых партий за счет разочаровавшихся как в правительстве, так и в оппозиции. Если на выборах 1966 г. главные партии получили 89,8% голосов, в 1970 г. — 89,4, то в феврале 1974 г. только 74,9%.³² Значительного расширения своего влияния прежде всего за счет консерваторов добились мелкие буржуазные партии центра — либералы, шотландские и валлийские националисты.

Наиболее существенные успехи выпали на долю либералов. В 1972—1973 гг. они победили на нескольких дополнительных

³¹ Gilmour I. Inside Right. A Study of Conservatism, p. 204.

³² Подсчитано по: Butler D. and Pinto-Duschinsky M. The British General Election of 1970, p. 353; Butler D. and Kavanagh D. The British General Election of February 1974, p. 276.

выборах в парламент и расширили свое представительство в местных органах власти. В послевоенной истории Великобритании это был уже не первый случай возрождения либералов — подобное уже происходило, хотя и в меньших масштабах, в 1962—1963 гг. Но тогда почти все завоевания были быстро утрачены — уже после парламентских выборов 1964 г. все стало на обычные места. Теперь же речь шла о более серьезном сдвиге, поскольку на всеобщих выборах в феврале 1974 г. либералы получили 19,3% голосов вместо 7,5% в 1970 г.

Чем объяснить этот успех? Ведь буржуазный характер партии был совершенно очевиден. Как в программных документах, так и в практических действиях того времени либералы были значительно ближе к консерваторам, чем лейбористам, и никак не могли расцениваться как партия «третьего пути». Либеральная партия всегда была яркой сторонницей членства Великобритании в ЕЭС и на всех стадиях прохождения в парламенте соответствующего законодательства оказывала ему всемерное содействие. Либералы наиболее резко выступали против предоставления избирателям возможности выразить свое отношение к ЕЭС путем референдума или всеобщих выборов. Они поддерживали налоговую реформу и не сопротивлялись жилищному законодательству консерваторов. Фактически либералы способствовали прохождению в парламенте закона «Об отношениях в промышленности» (в первых чтениях они открыто голосовали за его принятие). В январе 1971 г., когда правительство решило применить при его обсуждении «гильотину», либералы на словах выступили против, но при голосовании воздержались. Лишь в третьем чтении законопроекта они голосовали вместе с оппозицией. Успех либералов, очевидно, правильнее всего объяснить двумя факторами.

Во-первых, это демагогия либералов по вопросу о личности, о правах и свободах человека. «Либерализм, — отмечалось в одном из программных документов партии, — это прежде всего свобода. Люди его интересуют не как массы, а как личности. Отвергая философские мифы, которые провозглашают высшую ценность государства, нации, аристократии или рабочего класса, либералы настаивают на ценности человеческой личности».³³ Во многих заявлениях либеральной партии и ее лидеров достаточно много места уделяется проблемам демократии. В условиях усиления антидемократических тенденций в государственном строе это не могло не вызвать симпатии у определенной части населения, прежде всего у неимеющей достаточного политического опыта молодежи. Согласно опросам общественного мнения среди избирателей, поддерживающих либералов, было значительно больше, чем у консерваторов и лейбористов,

³³ Liberals Look ahead. The Report of the Liberal Commission. London, 1969, p. 7.

противников цензуры, сторонников совместного обучения в школах, цветной иммиграции и т. д. Даже на вопрос об отношении к социализму положительный ответ давали 40% либералов, в то время как у консерваторов — 24, а лейбористов — 68%.³⁴

Во-вторых, это спекуляция на местных проблемах, особенно социальных. При этом в различных местах либералы в зависимости от конъюнктуры выдвигали различные — иногда диаметрально противоположные — лозунги по вопросам образования, квартплаты, здравоохранения и т. д.³⁵ Тем не менее при помощи этого им удалось увлечь за собой определенную часть недовольных главными партиями.

Успехи либеральной партии, даже достигнутые за счет консерваторов, не могли не вызвать беспокойство у прогрессивных сил. На XXXIII съезде КПВ Дж. Голлан подчеркивал, что они «являются предупреждением. Либералы не промежуточная сила в политике, а сторонники капитализма».³⁶ КПВ и другие левые силы приложили немало усилий для разоблачения демагогии либеральной партии.

Несмотря на некоторую неожиданность побед либералов, уже тогда была очевидна их непрочность. Прежде всего сторонники либералов представляли из себя довольно пеструю картину, что вело к разногласиям внутри партии. Особенно острым был конфликт с молодежной организацией, в которую пришло немало действительно радикально настроенной молодежи. «Молодые либералы» приняли активное участие в демонстрациях протеста против приезда спортсменов ЮАР, в движении солидарности с забастовкой-наоборот судостроителей Верхнего Клайда и т. д. Под влиянием событий на Верхнем Клайде они даже пытались создать «комитет 100» за введение рабочего контроля.³⁷ В сентябре 1971 г. на конференции либеральной партии ее руководство подвергло молодежную организацию публичной критике, после чего последняя стала занимать более умеренную позицию.³⁸ В свою очередь это привело к уходу некоторой части радикальных элементов от либералов, причем небезынтересно отметить, что кое-кто перешел не только к лейбористам, но и к коммунистам.

Другой слабостью либеральной партии было отсутствие у нее постоянного источника финансов, поскольку дотации отдельных компаний носили несистематический характер. Либералы не оказались способными и сконцентрировать свои успехи в определенных географических областях, в частности подкрепить парламентские места завоеванием местных органов власти

³⁴ New Society, 1973, 1 November, p. 263.

³⁵ Hamling W. Facts about the Liberals. London, 1973, p. 44.

³⁶ Comment, 1973, 1—15 December, p. 385.

³⁷ Guardian, 1971, 15 September, p. 5.

³⁸ Morning Star, 1971, 16 September, p. 3.

в тех же округах. Наконец, они почти не получили поддержки у рабочих.

Определенный подъем в начале 70-х годов переживали обе националистические партии — шотландская и валлийская. В них с самого начала присутствовали две тенденции — буржуазная, представляющая ту часть местной буржуазии, чьи интересы были отличны от английской, и радикальная, отражающая чаяния националистически настроенных рабочих, интеллигенции, средних слоев. Буржуазные круги всегда преобладали в руководстве националистических партий, но они были вынуждены при определении политики по конкретным проблемам считаться с настроениями рядовых членов.

Шотландские националисты завоевали несколько мест на дополнительных выборах в парламент в 1972—1973 гг. и на всеобщих выборах в феврале и октябре 1974 г. Окрепили их позиции и в местных органах власти. Численность ШНП была ниже уровня рекордного 1968 г. — 120 тыс., но в 1971—1974 гг. возросла на 15 тыс., достигнув 85 тыс. членов.³⁹ Партия несколько усовершенствовала свою внутреннюю структуру — были созданы новые партийные организации, в местных организациях более упорядочено проводились собрания, их деятельности стало больше уделяться внимания партийным руководством и печатью. С 1971 г. «Scots Independent» начал выходить ежемесячно, но со значительно большим объемом, чем существовавший до этого еженедельник, лучше оформленный, с более разносторонней подборкой материала. В 1973—1974 гг. удалось наладить довольно стабильный сбор средств в фонд журнала, что укрепило его финансовое положение.

Главным политическим лозунгом ШНП в начале 70-х годов было завоевание независимости и превращение Шотландии в независимое буржуазное государство типа Норвегии, сохраняющее тесные связи с Англией. При этом хотя многие в ШНП и выступали за ликвидацию американских баз на территории Шотландии, вопрос о ее выходе из НАТО в случае завоевания независимости решался однозначно отрицательно. По важнейшим проблемам внутривнутриполитической борьбы начала 70-х годов позиция ШНП была ближе к консерваторам. Шотландские националисты в целом положительно оценили закон «Об отношениях в промышленности», поддержали налоговую реформу правительства, в основном не сопротивлялись жилищному законодательству консерваторов. Таким образом, речь шла о типично буржуазной политике. Почему же она получила поддержку?

Во-первых, в предшествующие годы лейбористы недооценили значения национальных проблем Шотландии и ставили знак равенства между национализмом и ШНП. «От них, — отмечал

³⁹ Kell as J. The Scottish Political System, p. 128.

секретарь Шотландского окружного комитета КПВ А. Мэррей, — ускользнула разница между демократическим содержанием национализма и политической организацией, буржуазной по характеру и мировоззрению». ⁴⁰ Ухудшение экономического положения Шотландии подорвало и без того слабые позиции консерваторов. Либералы же не смогли этого использовать из-за своей поддержки ЕЭС, членство в котором было среди шотландцев чрезвычайно непопулярным. Более того, именно из-за этого в Шотландии националисты смогли отвоевать у либералов часть сторонников.

Во-вторых, это вопрос о нефти, крупные залежи которой были открыты в Северном море и которые сулили получение огромной прибыли, способной облегчить положение шотландской экономики. «Это означает, — утверждал председатель ШНП В. Вольф в сентябре 1971 г., — что никто, даже самый фанатичный противник националистов, не сможет утверждать, как это делал кое-кто ошибочно в прошлом, что экономически Шотландия не может стоять на своих ногах». ⁴¹ ШНП выдвинула лозунг «Прибыль от шотландской нефти — для Шотландии» и призвала использовать ее для обеспечения права на труд, улучшения жилищных условий, повышения качества жизни путем новых ассигнований на развитие культуры и образования, обеспечения эффективного участия в международных делах. ШНП призвала Шотландский конгресс тред-юнионов и Шотландское отделение КБП поддержать свой план и начала в сентябре 1972 г. шумную пропагандистскую кампанию за его претворение в жизнь, назначив ответственным за нее одного из своих вице-председателей — Г. Вильсона. Только за первые два месяца было распространено 800 тыс. листовок «Нефть Шотландии — Лондону с любовью», 75 тыс. значков, тысячи плакатов, наклеек и т. д., проведена серия митингов и демонстраций. ⁴² Одним из результатов этой кампании было то, что число сторонников независимости возросло — в ноябре 1973 г. за нее высказывалось 29% шотландцев. ⁴³

Считаясь с обострением классовой борьбы, шотландские националисты предприняли попытки укрепить свое влияние в рабочем и молодежном движении. Еще в начале 60-х годов ШНП создала ассоциацию националистов — членов профсоюзов во главе с В. Джонстоном, но первые годы ее деятельность была чисто формальной. Лишь после выборов 1970 г., выявивших слабую поддержку рабочими националистов, и ввиду начавшегося подъема забастовочного движения ШНП стала уделять

⁴⁰ Мэррей А. Национальное будущее Шотландии. — Проблемы мира и социализма, 1975, № 3, с. 31.

⁴¹ Scots Independent, 1971, October, p. 3.

⁴² Ibid., 1972, November, p. 1.

⁴³ Ibid., 1973, December, p. 2.

больше внимания ассоциации — в 1971 г. она была реорганизована, и ее целями были объявлены осуществление обмена идеями между партией и профсоюзами и способствование конструктивному участию членов партии в профсоюзной деятельности.⁴⁴ ШНП объявила о поддержке забастовки-наоборот судостроителей Верхнего Клайда, сидячей оккупации «Плесси», некоторых других выступлений рабочего класса. Они однако использовались для разжигания национализма. ШНП пыталась препятствовать распространению движения солидарности за пределы Шотландии, призывала ставить национальные интересы выше классовых, а успехи рабочих интерпретировались как доказательство того, что соединенные силы шотландцев могут нанести поражение англичанам и лондонскому правительству. Националисты всячески препятствовали и процессу присоединения шотландских профсоюзов к профсоюзам, входящим в БКТ.

Слабостями шотландских националистов были аморфный, пестрый состав их сторонников, причем в еще большей степени, чем у либералов, а также значительная неясность, каким путем может быть завоевана независимость Шотландии. Вооруженную борьбу ШНП отвергала. Возможно ли завоевание большинства шотландских мест в британском парламенте и превращение избранных депутатов в шотландский парламент или нет, шотландские националисты решить не могли.

Плайд Камри также смогла в начале 70-х годов, используя разочарование в главных партиях, добиться определенных успехов на дополнительных и всеобщих выборах в парламент и в местные органы власти, хотя в отличие от ШНП ее успехи нельзя оценить однозначно, так как доля голосов в Уэльсе, полученных националистами на всеобщих выборах, уменьшилась с 11,5 до 10,7%.⁴⁵ В развитии Плайд Камри тех лет можно проследить в основном те же тенденции, что и у ШНП, с той лишь разницей, что крупных запасов нефти вблизи побережья Уэльса открыто не было, а радикальный элемент в Плайд Камри был представлен сильнее из-за наличия в партии значительного числа безработных с закрываемых предприятий южного Уэльса.

Первое, что стремилась доказать Плайд Камри, — это возможность экономической независимости Уэльса. Для этого всячески преувеличивались размеры и ожидаемая прибыль от эксплуатации месторождений нефти в море вблизи Пембрукшира, а также свинца, меди и т. д.⁴⁶ Поскольку скоро стало ясно, что в отличие от Шотландии эти ожидания не оправдываются, главный упор был сделан на агитацию против планов

⁴⁴ Wolfe B. Scotland Lives. Edinburgh, 1973, p. 152.

⁴⁵ Trends in British Politics since 1945, p. 150.

⁴⁶ Welsh Nation, 1972, 24—30 March, p. 1; 1972, 29 September — 5 October, p. 1.

департамента по делам окружающей среды осуществлять снабжение Лондона и других английских городов водой из валлийских долин.⁴⁷

Другим специфическим вопросом, вокруг которого вела кампанию Плайд Камри, было требование о равноправии в Уэльсе английского и валлийского языков. Для Шотландии языковый вопрос существенно не важен — лишь 1,5% ее населения говорят по-гэльски, в Уэльсе же по-валлийски говорило, по данным переписи 1971 г., 20,8%.⁴⁸ Особенно велик этот процент в сельских районах Уэльса. Основными требованиями Плайд Камри были введение на валлийском языке передач по одному из каналов телевидения, введение двуязычия в государственных учреждениях, судах, школах, больницах, почте и т. д. При этом валлийские националисты в отличие от шотландских использовали более решительные методы борьбы и, несмотря на судебное преследование, отказывались платить за лицензии на владение телевизором до предоставления правительством обещаний ввести часть передач по-валлийски, подавали в отставку с судебных постов из-за неравноправия валлийского и английского языков и т. д.⁴⁹

Необходимо отметить, что по ряду политических вопросов Плайд Камри занимала довольно решительную позицию — она призывала националистов — членов местных органов власти сопротивляться жилищному законодательству консерваторов, поддержала забастовки шахтеров и т. д. Действовавший под руководством националистов Конгресс валлийских рабочих провозгласил своей главной целью обеспечение права на труд в Уэльсе. Показательно, что в его деятельности отсутствовал антикоммунизм. Более того, Конгресс валлийских рабочих осуждал любую политическую дискриминацию в профсоюзном движении, прежде всего в отношении коммунистов и националистов, и призывал к единству действий валлийских националистов, лейбористов и коммунистов в борьбе за свободный Уэльс.⁵⁰ Плайд Камри приветствовала создание Уэльского конгресса трудюнионов. Тем не менее партии были присущи слабости, свойственные ШНП и либералам. Кроме этого, Плайд Камри смогла добиться успеха только в северных, преимущественно сельских районах, а не на промышленно развитом юге Уэльса.

Новой важной чертой политической жизни Великобритании стало появление независимых кандидатов, вышедших или исключенных из своих партий и добивающихся успехов на парламентских выборах. В 1970—1974 гг. таких случаев было три. Два из них особого значения не имели. На парламентских вы-

⁴⁷ Ibid., 27 October — 2 November, p. 1.

⁴⁸ Kellas J. G. The Scottish Political System, p. 10; Welsh Nation, 1973, 23—29 November, p. 2.

⁴⁹ Welsh Nation, 1972, 26 May — 1 June, p. 1, 7.

⁵⁰ Ibid., 25 February — 2 March, p. 4—5.

борах 1970 г. лейбористская организация округа Мертер Тидвил решила не выдвигать С. Дэвиса своим кандидатом на новый срок из-за преклонного возраста, но он был избран как независимый. В феврале 1974 г. победу в округе Блис одержал депутат Э. Мильн, которого лейбористы не выдвинули на новый срок из-за разоблачения им коррупции местных партийных деятелей. В обоих случаях успехи оказались недолговечными — в 1972 г. С. Дэвис умер, и его место занял официальный лейбористский кандидат, а в октябре 1974 г. потерпел поражение и Э. Мильн.⁵¹

Значительно более серьезное значение для последующего развития событий имели выборы в округе Линкольн в 1973—1974 гг. В октябре 1971 г. лейбористский депутат от него Д. Таверн вместе с группой правых лейбористов голосовал за вступление Великобритании в «Общий рынок». Это привело к обострению его старого конфликта с местной партийной организацией, стоящей на левых позициях (Д. Таверн был фактически навязан ей в качестве кандидата в депутаты в 1961 г. тогдашним лидером лейбористской партии Х. Гейтскеллом).⁵² В ноябре 1971 г. местная организация лейбористской партии выразила Д. Таверну недоверие из-за его голосования за членство в ЕЭС. Однако он продолжал пользоваться поддержкой правых в руководстве партии, получив назначения на посты председателя группы парламентской фракции по экономике и финансам и второго — после Р. Дженкинса — главного оратора оппозиции по вопросам экономики. В апреле 1972 г. он вместе с Р. Дженкинсом и некоторыми другими подал в отставку со всех постов в партии после того, как «теневой кабинет» призвал к референдуму о членстве в ЕЭС. Поскольку это было сделано в день перед выборами в местные органы власти, то левые лейбористы с полным основанием утверждали, что тем самым они пытались помешать победе своей партии на них. В июне 1972 г. лейбористская организация округа Линкольн официально потребовала от Д. Таверна отказаться от депутатского мандата. Его апелляция в Национальный исполком лейбористской партии была отклонена, и в октябре 1972 г. Д. Таверн объявил об отставке и о выдвижении своей кандидатуры в качестве «демократического лейбориста» в том же округе. Отношение правых лейбористов к этой акции было различным: Дж. Браун не рекомендовал ему этого делать, считая, что Д. Таверн проиграет выборы и дискредитирует себя борьбой против официального партийного кандидата, Р. Дженкинса, наоборот, поддерживал намерения Д. Таверна.⁵³ Ставка была сделана на то, что в случае победы Д. Таверна на дополнитель-

⁵¹ Britain at the polls. The Parliamentary Election of 1974. Washington, 1975, p. 55—59.

⁵² New Statesman, 1971, 29 October, p. 584.

⁵³ Taverne D. The Future of the Left. Lincoln and after, p. 81—84.

ных выборах правые в лейбористской организации Линкольна возьмут верх, и он снова будет принят в партию.

Дополнительные выборы в округе Линкольн состоялись 1 марта 1973 г. Д. Таверн построил свою предвыборную кампанию на осуждении «крайностей» консерваторов и лейбористов и призыве к проведению политики, соединяющей регулирование цен и доходов, социальную справедливость, промышленную демократию без забастовок, членство в ЕЭС.⁵⁴ Его кандидатура получила мощную поддержку средств массовой информации, что стало одной из причин победы Д. Таверна на выборах, после чего он объявил о создании своей партии — Движение за социал-демократию, — которая приняла участие в парламентских выборах 1974 г. Однако основная часть правых лейбористов Д. Таверна не поддержала, считая, что сдвиг влево в лейбористской партии будет непродолжительным. После провала Д. Таверна на парламентских выборах в октябре 1974 г. его партия быстро распалась. Вряд ли у него были шансы на успех в деле создания партии открыто правой социал-демократии — время для этого еще не пришло. Тем не менее опыт Д. Таверна был, конечно, учтен Р. Дженкинсом, Ш. Уильямс, Д. Оуэном и У. Роджерсом при создании социал-демократической партии в 1981 г.

В начале 70-х годов в буржуазной печати время от времени начинались дискуссии об объединении всех центристских сил в единую партию. Первоначально велись переговоры о единстве между либералами и шотландскими националистами,⁵⁵ затем о совместных выступлениях пытались договориться и по некоторым вопросам (борьба за предоставление этим партиям большего времени по радио и телевидению) договорились шотландские и валлийские националисты.⁵⁶ Идеи о единстве с либералами высказывал и Д. Таверн. Наконец, существовала даже инициатива создать национал-демократическую партию из националистов, либералов и других центристских групп.⁵⁷ Особенно активно различные планы создания центристской партии поддерживала газета «The Times», утверждавшая, что такая партия могла бы получить около $\frac{1}{3}$ голосов, и предлагавшая заменить мажоритарную систему выборов в парламент пропорциональной, чтобы обеспечить ей должное представительство в нем.⁵⁸ Таким образом, у части правящего класса уже в начале 70-х годов появилась идея перехода от двухпартийной системы к трехпартийной по образцу ФРГ. Однако она тогда реализована не была. Прежде всего значительная часть буржуазии не считала, что двухпартийная система исчерпала все возмож-

⁵⁴ Ibid., p. 91.

⁵⁵ Scots Independent, 1970, 11 July, p. 1.

⁵⁶ Welsh Nation, 1973, 23—29, November, p. 1.

⁵⁷ Scots Independent, 1970, 29 August, p. 1.

⁵⁸ The Times, 1972, 30 September, p. 1.

ности или верила в возможность коалиционного правительства. Так, например, либералы считали лучшим выходом создание трехпартийного правительства, в котором они играли бы важную роль. Кроме того, между партиями центра существовало немало разногласий по основным проблемам внутривнутриполитической борьбы. Достаточно лишь отметить, что либералы и группа Д. Таверна были ярыми сторонниками вступления в ЕЭС, а шотландские и валлийские националисты не менее ярыми противниками этого, либералы выступали за превращение Великобритании в федерацию, ШНП — за независимость Шотландии, Плайд Камри — за статус доминиона для Уэльса. Между ними существовала и определенная борьба в погоне за голосами избирателей, разочаровавшихся в консерваторах и лейбористах. Тем не менее представляется возможным сделать вывод, что почва для попыток создания центристской партии была в Великобритании в начале 70-х годов создана.

В условиях обострения классовой борьбы и углубления социально-экономического кризиса заметно активизировались различные ультралевые группировки, также пытавшиеся привлечь на свою сторону разочаровавшуюся в двухпартийной системе, политически неопытную молодежь, деклассированные элементы. В первой половине 70-х годов в Великобритании действовало 9 троцкистских групп общей численностью примерно в 14 тыс. человек, 6 анархистских, насчитывающих все вместе около 1,5 тыс. членов, и более 10 других, с общим числом членов чуть больше, чем у анархистов.⁵⁹ Несмотря на различия, почти все ультралевые сходились на том, что в стране якобы начинается складываться «революционная ситуация», и что-де главным препятствием для ее перерастания в революцию является «оппортунизм».

Наиболее влиятельным течением ультралевых были троцкисты. Среди них особую активность проявили «социалистическая рабочая лига», провозгласившая себя в ноябре 1973 г. «революционной рабочей партией», поскольку, по утверждению ее руководителя Хили, настало время если не для революции, то для создания «партии революции», а также «международная марксистская группа» и «международный социализм». Общей чертой троцкистов всех мастей в эти годы было стремление приспособиться к новым условиям в мире и стране. Главным тут была определенная переориентация троцкистов в отношении рабочего движения. Если в 50-е и 60-е годы они делали ставку исключительно на студентов и цветных иммигрантов, то с начала 70-х годов заметно активизировалась их деятельность в профсоюзах. Стала меняться и тактика троцкистов в отношении лейбористской партии — к 1974 г. почти все они отказались

⁵⁹ Shipley P. Revolutionaries in Modern Britain. London; Sydney; Toronto, 1976, p. 16—17.

от призывов к ее уничтожению и выдвигали, исходя, естественно, из демагогических соображений, лозунг возвращения к власти лейбористского правительства.⁶⁰ Одновременно троцкисты всех мастей продолжали осуществлять тактику энтризма, причем, как показали события второй половины 70-х годов, они смогли в рассматриваемый период проникнуть довольно глубоко в лейбористскую партию.

Сколько-нибудь серьезного роста влияния троцкистов в начале 70-х годов не произошло: лишь «международный социализм» заявил об увеличении своей численности с 2351 человека в марте 1972 г. до 3310 в марте 1974 г.⁶¹ Однако троцкистам удалось организовать несколько выступлений трудящихся под своими лозунгами: например, провести весной 1972 г. кампанию «за право на труд». Все это затрудняло борьбу за единство левых сил.

Наиболее последовательным борцом за права трудящихся выступала Компартия Великобритании. В первой половине 70-х годов КПВ пришлось действовать в довольно сложных условиях возрастающей антикоммунистической кампании, которую в той или иной степени вели другие политические партии и средства массовой информации, господства реформистской идеологии в рабочем движении, наличия ряда ограничений на деятельность коммунистов в профсоюзах. В печати тех лет не раз появлялись сообщения о преследованиях, которым подвергались коммунисты за свои политические взгляды на предприятиях и учреждениях, где они работали. Сложности для деятельности КПВ создавала и незначительная численность партии. Хотя в 1971—1973 гг. в разгар классовых битв она возросла на 1140 человек,⁶² общая тенденция к сокращению числа коммунистов, появившаяся после 1966 г., продолжала сохраняться. Подавляющее большинство членов КПВ, как и в предыдущие годы, состояло в территориальных, а не производственных парт-организациях. Однако в 1970—1974 гг. значительно возросло количество университетских парторганизаций, поскольку авторитет КПВ среди студентов в это время окреп.

Следует подчеркнуть, что влияние КПВ в стране продолжало оставаться значительно большим, чем это говорят данные о ее численности и количестве голосов, полученных на выборах в парламент и местные органы власти. Коммунисты были избраны на ряд руководящих постов в профсоюзах шахтеров, машиностроителей и др. В 1972 г. после длительного перерыва член КПВ К. Гилл стал членом Генсовета БКТ. В том же году конгресс БКТ отменил запрет на избрание коммунистов делегатами конференций, созываемых Генсоветом БКТ. Наиболее

⁶⁰ Marxism today, 1976, February, p. 55.

⁶¹ Comment, 1974, 30 November, p. 372.

⁶² Ibid., 1973, 1—15 December, p. 386.

значительных успехов коммунистам удалось добиться в молодежном движении. В 1970 г. на конференции Национального союза студентов (НСС), объединявшего в своих рядах около 95% студентов и аспирантов страны, при выборах исполкома большинство мест получили Широкие левые — союз коммунистов, левых лейбористов и беспартийных студентов прогрессивных взглядов. В числе избранных на высшие посты в НСС были и члены компартии. Коммунисты и комсомольцы были избраны на ответственные должности в молодежных секциях профсоюзов, которые стали создаваться в некоторых из них после 1970 г. по инициативе объединенного профсоюза машиностроителей.

КПВ с самого начала подчеркивала, что массовые выступления трудящихся — митинги, демонстрации и особенно забастовки — могут привести к досрочным выборам и падению правительства консерваторов, и призывала рабочий класс и прежде всего профсоюзы к самой решительной борьбе с наступлением правительства и монополий. Высокую оценку коммунистов получили и другие движения, направленные против гнета монополий, которые зародились или получили развитие в начале 70-х годов, — квартиросъемщиков против повышения квартплаты, женщин — за равноправие, шотландцев и валлийцев — за право этих наций на самоопределение, за гражданские права в Северной Ирландии, движение молодежи и т. д. Яркими страницами в истории британского рабочего движения являются руководство коммунистами забастовкой-наоборот судостроителей Верхнего Клайда, их борьба в авангарде забастовок шахтеров, докеров и многих других.

Принципиально новым моментом в стратегии КПВ было выдвижение XXXII—XXXIII съездами лозунга борьбы за приход к власти лейбористского правительства, вынужденного под давлением народных масс проводить левую политику. Хотя еще в 1956 г. Г. Поллит высказывал мысль о желательности создания «рабочего правительства с прогрессивной политикой социального и экономического прогресса и мира»,⁶³ в первых трех редакциях программы КПВ «Путь Британии к социализму» не предусматривалось каких-либо переходных ступеней между властью буржуазии и социалистическим правительством. Теперь эта идея начала конкретизироваться. XXXIII съезд КПВ указал, что такое лейбористское правительство «должно будет совершить решительное посягательство на власть монополий, перераспределить богатство и развить демократию в интересах рабочего класса и народных масс».⁶⁴ Опыт борьбы за претворение этого лозунга привел коммунистов к выводу, что он должен носить для них не

⁶³ Поллит Г. Марксизм и рабочее движение в Великобритании. М., 1960, с. 19.

⁶⁴ Comment, 1973, 1—15 December, p. 393.

тактический характер, как это мыслилось сначала, а стратегический и что этот лозунг может быть осуществлен в течение целого периода, предшествующего приходу к власти социалистического правительства. Такой подход был закреплен в четвертой редакции программы «Путь Британии к социализму», одобренной XXXV съездом КПВ в ноябре 1977 г.⁶⁵

В начале 70-х годов коммунистам удалось добиться и некоторых успехов в борьбе за единство левых сил. Соглашение между лейбористской партией и КПВ даже по отдельным вопросам в то время было невозможным из-за антикоммунизма правых лидеров лейбористов. Однако в рамках профсоюзов единство прогрессивных сил, включая коммунистов, получило определенное развитие.

Итак, в начале 70-х годов на политической сцене Великобритании стали четко проявляться тенденции к ослаблению двухпартийной системы, проявившиеся в первых серьезных разногласиях между консерваторами и лейбористами, в усилении давления справа с целью добиться нового сдвига в этом направлении консервативной партии, в сдвиге лейбористской партии влево, в некоторых успехах в борьбе за единство левых сил и в первых попытках правящего класса создать партию центра, способную увлечь за собой разочаровавшихся в двухпартийной политике. Все эти тенденции, зародившиеся в начале 70-х годов, получили свое развитие в последующие годы.

⁶⁵ The British Road to Socialism. Programme of the Communist Party. London, 1977, p. 44—45.

Глава V

КЛАССОВАЯ КОНФРОНТАЦИЯ БЕСПРЕЦЕДЕНТНОГО МАСШТАБА

Среди главных целей внутренней политики правительства консерваторов было стремление максимально уменьшить число забастовок — одного из наиболее эффективных орудий борьбы британских трудящихся в современных условиях — без чего было бы невозможно усиление их эксплуатации. Но рабочий класс Великобритании не собирался сдавать свои позиции без боя и отказываться от своих традиционных прав. Еще во время предвыборной кампании 1970 г. и формирования правительства Э. Хита многие руководители профсоюзов предостерегали консерваторов от попыток ограничить право на забастовку. Однако правительство Э. Хита поспешило провести через парламент закон «Об отношениях в промышленности» и начать осуществление других антинародных мер. Спротивление трудящихся этой политике привело к возникновению в Великобритании в первой половине 70-х годов ситуации, которую XXXIII съезд КПВ определил как «классовая конфронтация беспрецедентного масштаба».¹

Ее возникновение не было случайным — в условиях углубления кризиса британского империализма возможности для маневрирования у правящего класса были весьма ограничены. Но в том, что классовая борьба достигла невиданной за многие годы остроты, в некоторой степени виноват и просчет консерваторов, явно недооценивших силу и готовность к сопротивлению рабочего движения.

Следует отметить, что консервативное правительство Э. Хита не стремилось уничтожить существовавший ранее механизм переговоров с профсоюзами: ежемесячно заседал Национальный совет экономического развития, в состав которого входили представители правительства, профсоюзов и предпринимате-

¹ Comment, 1973, 1—15 December, p. 391.

лей, профсоюзы были представлены в более чем 100 правительственных комитетах и комиссиях, довольно регулярно проходили и официальные и неофициальные встречи Э. Хита с генеральным секретарем БКТ В. Фэзером и сменившим его на этом посту Л. Мэрреем. Правительство Э. Хита стремилось использовать эти переговоры не для достижения компромисса с профсоюзными лидерами, а для навязывания им своих решений. Поэтому, хотя консерваторы и утверждали, что закон «Об отношениях в промышленности» призван укрепить официальное профсоюзное руководство, на практике они хотели уменьшить роль профсоюзов в жизни страны в целом.

Первое столкновение между правительством и профсоюзами произошло меньше, чем через месяц после прихода консерваторов к власти. Еще в декабре 1967 г. профсоюз докеров поставил вопрос о повышении минимальной зарплаты, но в течение 2,5 лет не получал положительного ответа. Лейбористы заверяли рабочих, что новый минимум зарплаты будет установлен одновременно с национализацией портов, которую они планировали осуществить в случае победы на парламентских выборах 1970 г. Летом 1970 г. терпение докеров окончилось — 1 июня (еще при лейбористском правительстве) их профсоюз заявил, что через месяц считает старые трудовые соглашения утратившими силу, а 1 июля уведомил предпринимателей о том, что через 2 недели начнется забастовка. Таким образом, вопреки утверждениям правой прессы в ее проведении ничего неожиданного не было. Забастовка длилась 2 недели и получила поддержку руководства БКТ. Но в условиях некоторой растерянности в рабочем движении, вызванной приходом к власти консерваторов, добиться удовлетворения всех своих требований докеры не смогли и были вынуждены принять компромиссное решение, вынесенное государственным арбитражем. Однако и оно было использовано правительственной пропагандой для раздувания начатой еще во время предвыборной кампании антипрофсоюзной истерии о «непомерных требованиях» рабочих и «разрушительных» забастовках, являющихся якобы «главной причиной» инфляции. На ее фоне была начата подготовка для внесения в парламент законопроекта «Об отношениях в промышленности».

Состоявшийся в сентябре 1970 г. 102-й конгресс БКТ решительно отверг утверждения правительства об ответственности рабочего класса за трудности британской экономики и в качестве альтернативной экономической политики предложил обеспечить максимальное увеличение занятости и стимулировать покупательную способность населения путем улучшения материального положения трудящихся, особенно низкооплачиваемых.² 102-й конгресс БКТ и 60-я конференция лейбористской

² Morning Star, 1970, 10 September, p. 3.

партии (28 сентября — 3 октября 1970 г.) осудили планы принятия нового антипрофсоюзного законодательства. Они высказались за противодействие ему в парламенте, проведение пропагандистской кампании по привлечению на сторону профсоюзов общественного мнения и за отмену его следующим лейбористским правительством. Реформистские лидеры БКТ и лейбористской партии не пошли однако на призыв к самому действенному в тех условиях средству — организации забастовок протеста, приобретающих в данном контексте политическую окраску.

Но от их проведения не отказались широкие массы низового профсоюзного актива. 14 ноября 1970 г. по инициативе Комитета связи в защиту профсоюзов состоялась конференция, в которой приняло участие 1800 делегатов, представлявших 4 исполкома отраслевых профсоюзов, 36 окружных профсоюзных комитетов, 155 комитетов шоп-стюардов, 55 советов тред-юнионов и 300 отделений профсоюзов.³ Это была наиболее представительная профсоюзная ассамблея, созванная без согласия руководства БКТ после 1926 г. По призыву конференции 8 декабря 1970 г. по всей Великобритании был проведен «день действий» против законопроекта «Об отношениях в промышленности», в течение которого около 1 млн. человек приняли участие в митингах и демонстрациях. Наиболее важным было то, что, несмотря на обращение руководства БКТ не проводить политических забастовок, более 750 тыс. человек прекратили в этот день работу в знак протеста против антипрофсоюзного законопроекта.⁴ Это был крупный успех левых сил, воодушевивший трудящихся на проведение новых выступлений.

12 января 1971 г. состоялся второй «день действий». На этот раз Генсовет БКТ санкционировал организацию митингов и демонстраций в перерыв для ленча и не возражал, если они затянутся на рабочее время, но вновь высказался против политических забастовок. И снова вопреки решениям руководства БКТ забастовки состоялись: в Шотландии бастовало 30 тыс., в Уэльсе — 50, в Шеффилде — 30, в Ковентри — 50 тыс. человек и т. д. На сотнях собраний и митингов были приняты резолюции, требующие от лидеров БКТ и отдельных профсоюзов более решительной борьбы против законопроекта «Об отношениях в промышленности».⁵

Еще более массовый характер носили последующие выступления трудящихся. 21 февраля 1971 г. более 140 тыс. человек приняли участие в демонстрации протеста в Лондоне.⁶ 1 марта 1971 г. уже более 2 млн. были вовлечены в однодневную забастовку протеста, проводимую по призыву профсоюза машино-

³ Ibid., 16 November, p. 1.

⁴ Hutt A. British Trade Unionism. A Short History. London, 1975, p. 237.

⁵ Morning Star, 1971, 13 January, p. 1.

⁶ Ibid., 22 February, p. 1.

строителей.⁷ И наконец, 18 марта 1971 г. — в день работы чрезвычайного конгресса БКТ — состоялась еще одна массовая забастовка, инициаторами которой были Комитет связи в защиту профсоюзов и профсоюз машиностроителей. В ней приняло участие более 3 млн. человек.⁸ Таким образом, левым силам в рабочем движении удалось мобилизовать значительные силы трудящихся на борьбу против реакционного антипрофсоюзного законопроекта, но из-за пассивности руководства БКТ вся мощь организованного рабочего движения не была использована против консерваторов. Ввиду этого противники антипрофсоюзного законодательства не смогли ни применить такое мощное оружие, как всеобщая политическая стачка, ни привлечь на свою сторону общественное мнение — почти все опросы показывали, что в тот момент большинство населения под влиянием буржуазной пропаганды стояло за его принятие.

Одновременно продолжались забастовки в поддержку экономических требований и прежде всего за повышение минимальной заработной платы. В августе 1970 г. в некоторых городах начались забастовки муниципальных служащих — мусорщиков, уборщиков и других, которые в октябре — ноябре охватили почти всю страну. Арбитражная комиссия во главе с сэром Джеком Скампом признала требования трудящихся в основном справедливыми, и они были почти полностью удовлетворены. Правительство открыто выразило свое раздражение достигнутым соглашением, но не рискнуло прекратить его финансирование казначейством.⁹ В декабре 1970 г. «работу по правилам» начали работники электростанций, также добившиеся повышения зарплаты. А в начале 1971 г. состоялась семинедельная забастовка сотрудников почт, потребовавших повышения зарплаты на 15%, а не на 8, как им было предложено правительством. Почты были закрыты, но продолжали действовать телекоммуникации, поскольку бастующие ничего не сделали, чтобы привлечь их рабочих на свою сторону. Это заметно снизило эффективность забастовки и стало одной из главных причин ее неудачи — она закончилась лишь несколько лучшими условиями, чем те, которые профсоюз отверг перед ее началом.¹⁰ Таким образом, в ходе забастовочных боев второй половины 1970—начала 1971 г. трудящимся полного успеха добиться не удалось. Но эти забастовки свидетельствовали о том, что некоторая растерянность в рабочем движении, вызванная победой консерваторов на парламентских выборах, начала проходить, и в немалой степени способствовали радикализации широких народных масс.

⁷ Ibid., 2 March, p. 1.

⁸ Ibid., 19 March, p. 1.

⁹ Bruce-Gardyne J. Whatever happened to the Quiet Revolution?.. p. 28.

¹⁰ Hutt A. British Trade Unionism. A Short History, p. 238.

Широкий размах забастовочной борьбы привел к сдвигу в позиции лидеров БКТ. 3 января 1971 г. Генсовет БКТ официально начал пропагандистскую кампанию против законопроекта «Об отношениях в промышленности». Затем под давлением профсоюзных низов было принято решение о созыве чрезвычайного конгресса БКТ для рассмотрения вопроса о противодействии законопроекту консерваторов. Он состоялся 18 марта 1971 г. — в день, когда во многих городах проходили забастовки и демонстрации протеста. Конгресс отразил укрепление позиций левых. Предложенные ими резолюции о том, чтобы БКТ возглавил забастовки протеста против законопроекта и за полный отказ профсоюзов от регистрации в случае, если законопроект станет законом, были отвергнуты, но сравнительно незначительным большинством — соответственно в 1374 тыс. и в 771 тыс. голосов. Чрезвычайный конгресс одобрил программу действий из семи пунктов, предусматривавшую отказ от регистрации на основании закона «Об отношениях в промышленности» без предварительного согласия БКТ в исключительных обстоятельствах, получение заверений от парламентской фракции лейбористов, что закон будет отменен по возвращении лейбористов к власти, отказ от подписания трудовых соглашений, имеющих юридическую силу, защиту существующей процедуры урегулирования конфликтов внутри профсоюзов, несотрудничество с Национальным трибуналом по отношениям в промышленности и Комиссией по промышленным отношениям, разрешение Генсовету БКТ оказывать финансовую помощь отдельным профсоюзам, пострадавшим от нового законодательства консерваторов, концентрацию всех усилий оппозиции закону в полном соответствии с рекомендациями, содержащимися в докладе Генсовета БКТ.¹¹

После чрезвычайного конгресса БКТ движение за проведение забастовок протеста против законопроекта «Об отношениях в промышленности» стало ослабевать. Это позволило консерваторам провести законопроект через все стадии рассмотрения в парламенте в течение сессии 1970—1971 гг. В феврале 1972 г. закон «Об отношениях в промышленности» вступил в силу. Тем не менее борьба трудящихся против антинародной политики консерваторов стала приносить первые плоды — в мае 1971 г. лейбористы добились успехов на выборах в местные органы власти и на дополнительных выборах в парламент. Особенно показательным был в этом отношении исход выборов в округе Брумсгроув, где лейбористы получили на 10,1% голосов больше, чем в июне 1970 г., и отвоевали у консерваторов парламентский мандат.¹²

¹¹ Morning Star, 1971, 19 March, p. 1, 3.

¹² Oakley R. and Rose P. The political year 1971. London, 1971, p. 248—249.

Весной — летом 1971 г. в Великобритании особую остроту стала приобретать проблема безработицы, причем в значительной степени это произошло в результате проводимой консерваторами политики ликвидации «хромых уток». Значительные увольнения были осуществлены при национализации «Роллс-Ройс». Еще более драматическая ситуация сложилась после банкротства в июне 1971 г. концерна «Аппер Клайд Шипбилдерс». Комиссия под председательством лорда Роббенса, назначенная тогдашним государственным секретарем по делам торговли и промышленности Д. Дэвисом, предложила закрыть 2 из 4 верфей, сохранить только 2,5 тыс. из 8 тыс. рабочих мест и оказать новой компании минимальную государственную помощь, причем только при условии резкого снижения зарплаты рабочих и служащих. 29 июля 1971 г. правительство объявило о принятии рекомендаций комиссий лорда Роббенса.¹³ Однако у судостроителей был уже готов план ответных действий — утром следующего дня они провели митинг на верфи Клайд-бэнка, где постановили занять верфь и продолжать производственный процесс под своим контролем. Через несколько дней к ним присоединились рабочие остальных 3 верфей. Так началась первая в Великобритании успешная забастовка-наоборот — великая битва за право на труд, приковавшая к себе на многие месяцы внимание всей страны. Характеризуя это событие, «Правда» писала: «Сегодня в Англии родилось новое оружие классовой борьбы: трудовой человек отказывается прекратить работу, решительно отвергая участь безработного».¹⁴

Забастовку-наоборот на верфях Верхнего Клайда возглавил объединенный комитет шоп-стюардов АКШ, руководителями которого были коммунисты. Судостроители выдвинули вполне реалистичный лозунг борьбы — сохранение всех верфей и всех рабочих мест, отвергнув как реформистские предложения о сохранении всех верфей с меньшим уровнем занятости, так и призывы ультралевых превратить верфи в «островки социализма» в капиталистическом море. При этом рабочие АКШ неоднократно подчеркивали, что лучшим выходом из создавшегося положения была бы национализация верфей и всего судостроения под рабочим контролем.¹⁵ Правительство, как и либералы, и правые лейбористы, первоначально не восприняло забастовку-наоборот всерьез, считая, что современное промышленное предприятие не сможет долго функционировать под рабочим контролем. Но скоро оно осознало, что столкнулось с гораздо более сложной проблемой, чем предполагало в начале.

Забастовка-наоборот на верфях Верхнего Клайда вызвала самые широкие симпатии в стране. О ее поддержке заявили

¹³ Financial Times, 1971, 30 July, p. 8.

¹⁴ Правда, 1971, 3 авг.

¹⁵ Morning Star, 1971, 7 August, p. 1.

коммунистическая, лейбористская и шотландская националистическая партии, Британский конгресс тред-юнионов, Шотландский конгресс тред-юнионов, отдельные профсоюзы и демократические организации, церковь, люди самых различных социальных слоев и политических взглядов. Она выразилась в сборе финансовых средств в фонд забастовки-наоборот (всего было собрано 486 тыс. фунтов стерлингов¹⁶), подписей под петицией протеста, организации массовых демонстраций и забастовок солидарности. Крупнейшее выступление в защиту судостроителей Верхнего Клайда состоялось 18 августа 1971 г., когда в Глазго прошла 100-тысячная демонстрация, сопровождавшаяся 200-тысячной забастовкой солидарности во всей Шотландии.¹⁷ Как отмечал секретарь Шотландского окружного комитета КПВ А. Мэррей, забастовка-наоборот на верфях АКШ стала катализатором для борьбы миллионов людей за право на труд.¹⁸

Борьба судостроителей Верхнего Клайда способствовала известной радикализации рабочего движения. Осенью 1971 г. 103-й конгресс БКТ и 70-я конференция лейбористской партии приняли резолюции о поддержке забастовки-наоборот, о национализации судостроения и некоторых других отраслей промышленности, о необходимости не допустить роста безработицы и др. Конгресс БКТ занял на этот раз и более решительную позицию в отношении антипрофсоюзного законодательства консерваторов. Его делегаты единодушно осудили не только закон «Об отношениях в промышленности», но и профсоюзы, зарегистрировавшиеся на его основании. Большинством в 1,125 млн. голосов (значительно большим, чем предсказывали многие комментаторы) конгресс потребовал от всех профсоюзов отказаться от регистрации.¹⁹ Это был шаг вперед по сравнению с решениями чрезвычайного конгресса БКТ в марте 1971 г.

24 ноября 1971 г. по призыву Генсовета БКТ в Лондоне состоялась 20-тысячная демонстрация у здания парламента против роста безработицы — первое подобное выступление, организованное профсоюзными лидерами с 30-х годов. Одновременно по инициативе коммунистов и низового профсоюзного актива состоялась одночасовая забастовка, в которой приняли участие сотни тысяч человек.²⁰

Осенью 1971 г. забастовки-наоборот начались еще на нескольких предприятиях, объявленных капиталистами закрытыми. Широкий размах получили «сидячие оккупации», т. е. занятие рабочими предприятий без продолжения производствен-

¹⁶ McGill J. Crisis on the Clyde. London, 1973, p. 107.

¹⁷ Tribune, 1971, 20 August, p. 5.

¹⁸ Murray A. UCS — the fight for the right to work. London, 1971, p. 15.

¹⁹ Morning Star, 1971, 8 September, p. 1.

²⁰ Ibid., 25 November, p. 3.

ного процесса. Наиболее значительная из них произошла на «Плесси» и вынудила предпринимателей отказаться от закрытия этого завода.

Широкие массы трудящихся отрицательно отнеслись и к планам Э. Хита втянуть страну в «Общий рынок». Против вступления Великобритании в ЕЭС на условиях, разработанных консервативным правительством, выступили КПВ, лейбористская партия, шотландские и валлийские националисты, профсоюзы, широкие круги фермеров и т. д. Этот вопрос имел принципиальное значение, поскольку в консервативной партии не было единства и была реальная возможность нанести правительству поражение в парламенте. Перед решающим голосованием правительство Э. Хита пошло на маневр, объявив, что разрешает депутатам-консерваторам голосовать по своему усмотрению. Расчет заключался в том, что и лейбористы сделают то же самое. Но поскольку всего за несколько недель до этого конгресс БКТ и конференция лейбористской партии призвали парламентскую фракцию лейбористов голосовать против вступления в ЕЭС на условиях консерваторов, а Генсовет БКТ выступил организатором проведения массового лобби у стен парламента, руководство лейбористской партии оказалось вынужденным потребовать от парламентской фракции обязательного голосования против правительства. Однако достаточного давления масс на правых лейбористов-сторонников членства в ЕЭС организовано не было, и те пошли на открытое нарушение партийной дисциплины. 28 октября 1971 г. из 282 депутатов-лейбористов 198 голосовали «против» ЕЭС, 69 — «за», 20 — воздержались, и 2 не пришли совсем. Это позволило правительству победить 356 голосами против 244. Между тем в случае единства лейбористской фракции противники вступления в ЕЭС победили бы, поскольку против голосовало 39 консерваторов, 1 либерал и 6 депутатов от других партий, а 2 воздержались. Это было одним из самых драматических событий в послевоенной британской истории — 131 депутат голосовал против своей партии — такого не было со времен падения Н. Чемберлена.²¹ Вопреки требованиям левых депутаты-лейбористы, голосовавшие с правительством, не были исключены из партии и даже продолжали сохранять ответственные посты.

В начале 1972 г. произошел острый конфликт правительства с одним из наиболее боевых отрядов британского рабочего движения — шахтерами. Основной причиной конфликта стало то, что в предшествовавшие годы шахтеры переместились по уровню зарплаты с первого на шестнадцатое место при значительном росте производительности труда и крупных сокращениях рабочих мест. В конце 1971 г. около 1/3 шахтеров получали зарплату меньше того минимума, при котором вы-

²¹ New Society, 1972, 4 May, p. 231

плачивается пособие по бедности. В этих условиях профсоюз шахтеров потребовал повышения оплаты всем категориям на 16—47%, но руководство угольной промышленности согласилось лишь на увеличение в 7—8%. Как выяснилось впоследствии, председатель правления угольной промышленности Д. Эзра был готов пойти на значительно большие уступки и даже сообщил об этом на переговорах с представителями профсоюза шахтеров, но затем под нажимом правительства был вынужден взять свои предложения назад.²² В ответ 9 января 1972 г. шахтеры объявили первую с 1926 г. забастовку, охватившую всю эту отрасль. Бастующие действовали необычайно решительно и организованно — стачечные пикеты блокировали въезды на угольные склады, в нефтехранилища, на электростанции. Особо эффективными оказались «летучие пикеты», которые в случае необходимости быстро перемещались с одного предприятия на другое. Шахтеры получили полную поддержку со стороны других профсоюзов, члены которых также участвовали в пикетировании. Большую помощь шахтерам оказали студенты. Общественное мнение было на стороне бастующих. «Большая часть нации, — признавал консервативный еженедельник „Economist“, — желала горнякам победы».²³ Даже часть буржуазной прессы была вынуждена признать, что требования шахтеров справедливы.

Правительство подготовилось к забастовке плохо: запасы угля имелись лишь у нескольких частных компаний, пикетирование нефтехранилищ и электростанций оказалось полной неожиданностью, чрезвычайное положение введено с явным запозданием после долгих дискуссий и колебаний. Кульминационным моментом стачки стали события в Бирмингеме у склада угля «Солтли». Около 1 тыс. полицейских было послано с целью не допустить, чтобы рабочие пикеты преградили путь грузовикам, которые вели водители-штрейкбрехеры. Главный констебль Бирмингема заверил по телефону министра внутренних дел Р. Модлинга, что пикеты «закроют склад только через его групп».²⁴ Но на помощь шахтерам пришли рабочие других предприятий и прежде всего машиностроители. В городе началась забастовка солидарности, около 10 тыс. человек пришло к «Солтли», что вынудило полицию отступить, и склад был закрыт. Обстановка в стране была столь накаленной, что «New Statesman» писал: «Если Великобритания еще не вступила в революционную ситуацию, то она находится где-то рядом с ней».²⁵

Подъем рабочего движения был столь силен, что продолжать конфронтацию с шахтерами было для консерваторов бес-

²² King C. The Cecil King Diary (1970—1974), p. 203

²³ Economist, 1972, 19 February, p. 15.

²⁴ M a u d l i n g R. Memoirs, p. 161.

²⁵ New Statesman, 1972, 18 February, p. 194.

смысленно и опасно. К тому же опросы общественного мнения показывали резкое падение их популярности: если в январе 1972 г. консерваторов поддерживало 43% опрошенных, то в феврале только 39, а число сторонников лейбористов возросло за эти же месяцы с 49 до 53%.²⁶ Это вынудило правительство начать поиски путей к отступлению. Назначенная им комиссия под председательством лорда Уильберфорса для расследования причин конфликта в угольной промышленности была вынуждена предложить условия, близкие к требованиям шахтеров. По итоговому соглашению зарплата шахтеров повышалась на 20—25%, увеличивалась продолжительность их отпусков, размеры пенсий, улучшались условия труда и оплаты сверхурочных работ. 21 февраля 1972 г. после шестинедельной борьбы шахтеров возобновили работу. А через неделю рабочее движение одержало еще одну победу. Выступая в парламенте в ходе дебатов о безработице, Д. Дэвис объявил о решении правительства включить в состав новой судостроительной компании 3 из 4 верфей бывшего концерна АКШ и предоставить ей субсидию в 35 млн. фунтов стерлингов на покрытие долгов и модернизацию производства, а также оказать содействие американской компании «Марасон» в покупке четвертой верфи (Клайдбэнк) и переоборудовании ее в предприятие по производству установок для бурения морского дна.²⁷ Заявление Д. Дэвиса было положительно встречено шоп-стюардами АКШ, оценившими его как удовлетворительную базу для переговоров. Оставшиеся спорные вопросы были затем урегулированы, хотя и не без борьбы, и в ноябре 1972 г. забастовка-наоборот судостроителей АКШ закончилась победой — все верфи и все рабочие места были сохранены.

В. И. Ленин отмечал, что в истории бывают события, после которых в соотношении общественных сил происходит «сдвиг, который не выразишь цифрами, но который чувствуется всеми».²⁸ Именно это и произошло в рабочем движении Великобритании после событий на верфях Верхнего Клайда. Случай занятия трудящимися предприятий в поддержку своих требований наблюдались и раньше, но забастовка-наоборот судостроителей АКШ приобрела особое значение и отличие от них по двум причинам.

Во-первых, занятие верфей АКШ было совершено не для того, чтобы остановить предприятие, а для того, чтобы заставить его работать. Не отрицая положительного значения сидячих оккупаций, нужно подчеркнуть, что забастовки-наоборот качественно отличаются от них, так как они наиболее наглядно демонстрируют позитивную силу рабочего движения, что осо-

²⁶ Daily Express, 1972, 4 March, p. 1.

²⁷ Parliamentary Debates. House of Commons. Official Report. Vol. 832, N 68. London, 1972, col. 51.

²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 272.

бенно опасно для класса капиталистов. Это делает забастовку-наоборот вне зависимости от причин ее возникновения вызовом всему капиталистическому обществу. Судостроители Верхнего Клайда первыми успешно применили ее.

Во-вторых, как справедливо отмечает А. Н. Байкова, забастовка-наоборот на верфях АКШ создала в рабочем движении традицию занятия предприятий (здесь можно говорить об обеих формах — и сидячей оккупации, и забастовка-наоборот).²⁹ Все предшествующие занятия предприятий были единичными случаями, проходившими в четко определенных — обычно довольно коротких — временных рамках и не связанных друг с другом. Существенного следа в последующем развитии рабочего движения они не оставили. Иное дело — события на верфях Верхнего Клайда. За несколько лет после них в Великобритании состоялось более 200 забастовок-наоборот и сидячих оккупаций.³⁰ «Можно удивляться, — писала „Морнинг стар”, — с какой быстротой рабочие овладевают новой техникой борьбы».³¹ Впоследствии имели место несколько попыток создания на базе занятых предприятий рабочих кооперативов. 107-й конгресс БКТ (1975 г.) потребовал от правительства полной легализации забастовок-наоборот и сидячих оккупаций.³² Под влиянием событий в Великобритании забастовки-наоборот и сидячие оккупации стали происходить также в США, Франции, Италии, Бельгии и других странах, т. е. стали явлением интернациональным.

Победы шахтеров и судостроителей Верхнего Клайда стали переломным моментом в борьбе рабочего класса против антинародной политики правительства Э. Хита — они положили конец отступлению трудящихся, способствовали укреплению солидарности различных отрядов рабочего движения, вооружили рабочих новыми методами классовой борьбы (забастовки-наоборот, летучие пикеты), воодушевили их на новые бои.

Первые неудачи правительства привели к появлению его критиков в самой консервативной партии. После кризиса с «Роллс-Ройс» возобновил свои нападки на Э. Хита Э. Пауэлл. В то же время стали раздаваться голоса за проведение более осторожной политики в отношении профсоюзов.³³ Тогда и первые, и вторые составляли ничтожное меньшинство, но сам факт их появления был весьма показателен.

На следующем этапе классовой конфронтации важнейшими вопросами стали судьба закона «Об отношениях в промыш-

²⁹ Байкова А. Н. Британские профсоюзы и классовая борьба. М., 1976, с. 228.

³⁰ Международное рабочее движение. Справочник. М., 1974, с. 161.

³¹ Morning Star, 1972, 14 April, p. 2.

³² Tribune, 1975, 5 September, p. 13.

³³ 89th Annual Conference of the National Union of Conservative and Unionist Associations. London, 1971, p. 80.

ленности» и «антиинфляционной политики», провозглашенной консерваторами в ноябре 1972 г.

Почти сразу же после вступления в силу закона «Об отношениях в промышленности» правительство попыталось применить против рабочего движения предусмотренные им чрезвычайные полномочия. 12 апреля 1972 г. на совместном заседании руководящих органов трех профсоюзов железнодорожников было принято решение о начале «работы по правилам», полном отказе от сверхурочных работ и работы по выходным дням в поддержку требования об увеличении минимальной недельной заработной платы до 20 фунтов стерлингов.³⁴ Железнодорожники также отказались выполнять все дела, не входящие в их обычные обязанности. Сразу же после этого «клуб понедельника» потребовал от правительства добиться объявления «охлаждающего периода», что и было немедленно сделано.³⁵

Национальный трибунал по отношениям в промышленности отложил объявленную забастовку железнодорожников на две недели, а затем, поскольку переговоры ничего не дали, обязал их провести голосование всех членов профсоюзов по вопросу о ее проведении. Средства массовой информации начали кампанию с целью запугать рядовых рабочих и не допустить поддержки ими предложения руководства профсоюзов о забастовке. Результат оказался для консерваторов совершенно неожиданным: за забастовку — 129 441, против — 23 181.³⁶ После этого правительство уже ни разу не требовало от профсоюзов проведения такого голосования. Борьба железнодорожников привела к тому, что в июне 1972 г. их главные требования были удовлетворены.

Еще более острый конфликт произошел при попытке использовать новый закон против докеров. Одной из главных проблем, вставших перед докерами в начале 70-х годов, стали массовые увольнения из-за широкого применения транспортными фирмами контейнеров. Только за период с конца 1969 г. по 1 августа 1972 г. число зарегистрированных докеров уменьшилось с 48 785 до 40 600.³⁷ При этом транспортные фирмы стали использовать для заполнения контейнеров незарегистрированных докеров, не являющихся членами профсоюза. Их труд оплачивался хуже, что подрывало позиции профсоюза докеров как в борьбе за повышение зарплаты, так и за сохранение занятости. Ввиду этого докеры Ливерпуля объявили бойкот контейнерам двух фирм — «Хитонс» и «Бишопс Воф», которые использовали преимущественно незарегистрированных рабочих. «Хитонс» подала жалобу в Национальный трибунал по отношениям в промышленности, который вынес решение в ее

³⁴ Morning Star, 1972, 13 April, p. 1.

³⁵ Ibid., 19 April, p. 3.

³⁶ Hutt A. British Trade Unionism. A Short History, p. 241.

³⁷ Comment, 1972, 12 August, p. 259.

пользу, обязав профсоюз транспортных и неквалифицированных рабочих прекратить бойкот. Поскольку тот отказался направить своих представителей на заседания трибунала и выполнять его постановления, он был оштрафован сначала на 5 тыс., а затем еще на 50 тыс. фунтов стерлингов. Вопреки решениям конгресса БКТ о полном бойкоте Национального трибунала по отношению в промышленности и о поддержке профсоюзов, борющихся с законом «Об отношениях в промышленности», Генсовет БКТ начал отступать, разрешив профсоюзам являться в трибунал для «защиты себя».³⁸ Не получив должной поддержки, профсоюз транспортных и неквалифицированных рабочих был вынужден уплатить оба штрафа и прекратить бойкот ливерпульских фирм.

Однако трудящиеся продолжали борьбу — в июне 1972 г. неофициальные выступления докеров, наподобие ливерпульских, стали происходить в Лондоне и некоторых других портах. Среди докеров стало расти движение за объявление забастовки с требованием повышения зарплаты и улучшения условий труда. Они решительно отклонили и поддержанный правительством и правыми лидерами лейбористов доклад Олдингтона — Джонса, поскольку в нем не гарантировался принцип, согласно которому работы в портах должны выполняться только зарегистрированными докерами, не предусматривалось, что заполнение контейнеров должно быть также делом только докеров, и, наконец, ничего не говорилось об организации работы в малых («незарегистрированных») портах, где транспортные фирмы могли делать фактически все, что хотели.³⁹ Стремясь не допустить перерастания неофициальных действий докеров в официальную забастовку, Национальный трибунал по отношениям в промышленности потребовал прекращения пикетирования складов с контейнерами, а после отказа отдал приказ об аресте 3 докеров. Но в условиях начавшейся забастовки докеров он осуществлен не был, а вскоре Высокий суд аннулировал ордер на арест вообще.

Однако уже через месяц Национальный трибунал по отношениям в промышленности приказал арестовать 5 докеров Лондона, продолжавших пикетирование складов с контейнерами. 21 июля 1972 г. они были заключены в Пентовильскую тюрьму («пентовильская пятерка»). Это известие взволновало рабочих всей страны. Комитет связи в защиту профсоюзов призвал к всеобщей стачке. Его поддержали руководство многих профсоюзов, компартия, левые круги лейбористов.⁴⁰ Не дожидаясь официального решения, сотни тысяч рабочих немедленно прекратили работу. Миллионы людей приняли участие

³⁸ Morning Star, 1972, 27 April, p. 1.

³⁹ Comment, 1972, 12 August, p. 259.

⁴⁰ Morning Star, 1972, 22 July, p. 1.

в стихийно вспыхнувших демонстрациях и митингах протеста. Под давлением трудящихся Генсовет БКТ принял решение о проведении 31 июля 1972 г. однодневной всеобщей забастовки; такого в Великобритании не было с 1926 г. Правительство вновь оказалось неподготовленным к решительному столкновению и отступило: 26 июля, за 5 дней до всеобщей забастовки, арестованные докеры были освобождены по ходатайству официального солиситора — должностного лица в юридической системе, о существовании которого мало кто до этого знал, и действовавшего явно по поручению правительства. Тысячи людей встречали «пентовильскую пятерку» у выхода из тюрьмы и на руках понесли их по улицам Лондона. «Эти блестящие действия, — писал о данных событиях Дж. Голлан, — были одним из наиболее прекрасных эпизодов в истории британских профсоюзов и тяжелым ударом по закону».⁴¹

Однако правительство не собиралось отменять закон «Об отношениях в промышленности». Более того, почти одновременно с освобождением докеров палата лордов вынесла постановление, согласно которому профсоюзы должны были нести ответственность за действия шоп-стюардов, что вело бы, по мнению консерваторов, к еще большей степени контроля реформистскими лидерами низового профсоюзного актива. Призыв лидеров БКТ приостановить действие закона был оставлен правительством без внимания. В этих условиях КПВ осудила решение палаты лордов и призвала рабочее движение к борьбе за немедленную отмену и его, и всего закона «Об отношениях в промышленности».⁴²

Осенью 1972 г. Национальный трибунал по отношениям в промышленности обязал объединенный профсоюз машиностроителей принять в свои ряды штрейкбрехера, а после отказа оштрафовал профсоюз сначала на 5 тыс., а затем на 50 тыс. фунтов стерлингов. Исполком профсоюза отказался и участвовать в заседаниях трибунала, и платить штрафы. По его призыву машиностроители начали проводить однодневные забастовки протеста. К ним присоединились рабочие других профессий. Тогда 21 декабря 1972 г. трибунал наложил арест на собственность профсоюза, что вынудило последнего отступить.⁴³ Но и после этого забастовки протеста продолжали проходить, принося капиталистам огромные убытки. «Финансовый терроризм» против профсоюзов слишком дорого стал обходиться правящему классу, чтобы быть эффективным оружием в дальнейшем.

Наконец, правительству не удалось добиться осуществления такой важной части закона «Об отношениях в промышленности», как регистрации профсоюзов. Более того, позиция

⁴¹ Hutt A. British Trade Unionism. A Short History, p. 240.

⁴² Morning Star, 1972, 27 July, p. 1.

⁴³ The Times, 1972, 22 December, p. 1.

БКТ по этому вопросу стала все более жесткой. Подавляющее большинство профсоюзов отказалось от регистрации вообще, хотя несло от этого ощутимые финансовые потери из-за отсутствия налоговых льгот: примерно 5—10 млн. фунтов стерлингов ежегодно.⁴⁴ Лишь незначительное меньшинство профсоюзов согласилось на регистрацию — БКТ предложил им deregistrроваться. В июне 1972 г. Генсовет БКТ постановил исключить любой профсоюз, который не начнет deregистрации, из объединения. К началу 104-го конгресса БКТ таких профсоюзов насчитывалось 35 и в них состояло примерно 700 тыс. человек.⁴⁵ Конгресс приостановил членство в БКТ зарегистрированных профсоюзов.⁴⁶ В 1973 г. конгресс БКТ исключил из своего состава 20 мелких профсоюзных организаций, отказавшихся deregistrроваться.⁴⁷ Провалились и попытки, предпринимаемые при поддержке правительства, создать весной 1973 г. раскольническую федерацию зарегистрированных профсоюзов — в нее вошли организации общей численностью в 12 тыс. человек.⁴⁸

Таким образом, закон «Об отношениях в промышленности» в результате решительной борьбы трудящихся оказался недействующим: почти никто из профсоюзов не зарегистрировался, чрезвычайные процедуры — «охладительный период» и голосование всех членов профсоюзов — не дали ожидаемого эффекта, применение репрессивных мер оказалось слишком рискованным ввиду единодушного отпора рабочего движения, и, наконец, число забастовок и их продолжительность продолжали расти. Так, если в 1970 г. из-за забастовок было потеряно 10 980 тыс. человеко-дней, в 1971 г. — 13 551 тыс., то в 1972 г., первом году действия нового закона, — 23 909 тыс.⁴⁹

Для того чтобы в полной мере оценить значение этого факта, необходимо иметь в виду, что это был, пожалуй, первый случай за всю историю британских профсоюзов, когда они отказались выполнять действующий закон. А ведь именно преклонение перед буржуазной законностью, «легализм во что бы то ни стало» И. М. Майский образно называл одной из главных цепей, сковывавшей британское рабочее движение.⁵⁰ Эти изменения с немалым раздражением признавал и А. Дуглас-Хьюм, который с сожалением вспоминал о 1926 г., когда одно только решение судьи о «незаконности» всеобщей стачки привело к отступлению БКТ.⁵¹ Правительство, однако, не собира-

44 Morning Star, 1972, 17 March, p. 3; 1974, 24 April, p. 1.

45 Ibid., 1972, 22 August, p. 1.

46 Ibid., 1972, 22 August, p. 1.

47 The Times, 1973, 4 September, p. 1.

48 Morning Star, 1973, 31 May, p. 3.

49 Department of Employment Gazette, 1976, March, p. 328.

50 Майский И. М. Скваный гигант. — В кн.: Проблемы современного капитализма. М., 1959, с. 227.

51 Lord Home. The Way the Wind Blows. An Autobiography, p. 273.

лось ни отказываться от обанкротившегося закона, ни даже изменять его. Более того, оно взяло курс на все большее нагнетание обстановки. Как заявил Э. Хит, «не может быть более острой конфронтации, чем отказ профсоюзов выполнять закон, принятый демократическим парламентом».⁵² Именно с этого времени демагогический вопрос, кто правит страной (правительство или профсоюзы) стал все более и более выступать на передний план в правительственной пропаганде.

Считаясь с тем, что прямая атака на профсоюзы не давала должного результата, консерваторы осенью 1972 г. предприняли попытку договориться с руководством БКТ о политике добровольного ограничения заработной платы. При этом ставка делалась на то, что реформизм, идеи классового сотрудничества в профсоюзах еще достаточно сильны, как это показало соглашение между БКТ и Конфедерацией британской промышленности в августе 1972 г. В сентябре—ноябре 1972 г. состоялись переговоры между правительством, КБП и БКТ по вопросам ограничения роста зарплаты, доходов и цен, которые не привели к какому-либо результату. В ноябре 1972 г. правительство провозгласило свою «антиинфляционную политику», которая, как уже отмечалось выше, предусматривала полное замораживание зарплаты в течение первой фазы и допускала ее строго ограниченный рост во второй и третьей фазе. Это, конечно, в известной степени сдерживало развитие забастовочной борьбы. В 1973 г. из-за стачек было потеряно 7197 тыс. человеко-дней, т. е. меньше, чем в предшествовавшем году. По количеству забастовок и числу их участников 1973 г. почти не отличался от 1972 г., но продолжительность их заметно сократилась.⁵³ Забастовки продолжались и даже усиливались в государственном секторе, где ограничения «антиинфляционной политики» соблюдались особенно строго. Крупные стачки были проведены работниками газовой промышленности, здравоохранения и некоторыми другими.

О радикализации настроений трудящихся масс свидетельствовали итоги работы чрезвычайного конгресса БКТ, созванного 5 марта 1973 г. На нем резко осуждению были подвергнуты закон «Об отношениях в промышленности», «антиинфляционная политика» и вся экономическая стратегия консервативного правительства. Чрезвычайный конгресс призвал к проведению 1 мая 1973 г. национального «дня протеста», во время которого трудящиеся «приглашались» участвовать в демонстрациях и забастовках. По сути дела, это был призыв к однодневной всеобщей забастовке, хотя сам термин «всеобщая стачка» нигде не фигурировал в документах конгресса.⁵⁴

⁵² The Times, 1972, 4 July, p. 14.

⁵³ Department of Employment Gazette, 1974, June, p. 596.

⁵⁴ Comment, 1973, 21 April, p. 114.

Всеобщей забастовки 1 мая 1973 г. провести не удалось. Однако первомайские выступления трудящихся прошли с большим успехом: в забастовках и демонстрациях приняло участие несколько миллионов человек, во многих городах демонстрации были самые массовые за всю их историю, в некоторых мелких селениях и городах были проведены первые демонстрации такого рода вообще.⁵⁵ После «дня протеста» на Генсовет БКТ усилилось давление рядовых членов профсоюзов с требованием проводить и дальше активную кампанию против политики консерваторов, как это предусматривали резолюции чрезвычайного конгресса. Это вынудило руководство БКТ занять более твердую позицию на переговорах с правительством.

Еще решительнее звучали голоса левых на 105-м конгрессе БКТ, где резолюции о полном бойкоте Национального трибунала по отношениям в промышленности и Управления по заработной плате были отвергнуты ничтожным большинством. Конгресс постановил, что в дальнейшем встречи лидеров БКТ с министрами должны быть использованы не для переговоров, а для представления правительству требований трудящихся по вопросам зарплаты, квартирной платы, пенсий, права на свободное заключение коллективных договоров. Характеризуя итоги конгресса, Б. Рамельсон подчеркивал на пленуме исполкома КПВ: «Общий вывод, который может быть сделан о конгрессе БКТ в Блэкпуле, заключается в том, что надежды и расчеты правых, правящего класса и правительства рухнули... Левые силы, с другой стороны, могут с основанием заявить, что процесс изменения в левом направлении политики, действий и руководства БКТ, который был характерен для последних нескольких лет, сделал еще один шаг вперед».⁵⁶ Особенно положительно оценили коммунисты растущую готовность профсоюзов прибегать к стачкам в поддержку всех своих требований, а не только о повышении заработной платы.

Эту же тенденцию заметили и оценили, естественно, со своих позиций, правящие круги. Летом 1973 г. журнал «Economist» опубликовал комментарий, озаглавленный «Перед лицом всеобщей забастовки», где прямо говорилось, что правительству пора к ней готовиться.⁵⁷ Классовая конфронтация начала приближаться к финалу.

Определенную роль в развитии антимонополистической борьбы в Великобритании тех лет сыграло и движение против жилищного законодательства консерваторов. Еще в мае 1972 г., когда закон «О финансировании жилищного строительства» рассматривался парламентом, КПВ призвала местные органы власти, контролируемые лейбористами, отказаться выполнять

⁵⁵ Ibid., 19 May, p. 146.

⁵⁶ Comment, 1973, 22 September, p. 291.

⁵⁷ Economist, 1973, 14 July, p. 12.

его даже после вступления в силу.⁵⁸ Эту идею поддерживали многие лейбористы — депутаты местных органов власти, а также валлийские националисты. 10 июня 1972 г. в Шеффилде состоялась конференция представителей 87 лейбористских фракций, располагающих большинством в своих советах, которая постановила выразить «свое твердое убеждение, что рабочее движение не должно предпринимать каких-либо шагов, которые могут привести к претворению в жизнь законопроекта».⁵⁹

К осени 1972 г. уже 51 городской совет, включая такие крупные центры, как Глазго, Ливерпуль, Бирмингем, заявили об отказе выполнять закон. Как подчеркнул член городского совета Бирмингема Д. О'Доннелл на митинге квартиросъемщиков 21 июня 1972 г., совет откажется выполнять закон, даже если его члены будут оштрафованы на 400 фунтов стерлингов или заключены в тюрьму.⁶⁰

71-я конференция лейбористской партии (октябрь 1972 г.) заявила о полной поддержке тех, кто выступает за непретворение в жизнь закона «О финансировании жилищного строительства».⁶¹ Однако практических шагов по организации массового движения в поддержку советов, отказывающихся выполнять новый закон, сделано не было. Ничего не было сделано и для того, чтобы добиться отказа всех контролируемых лейбористами советов выполнить его.

Между тем правительство перешло к репрессиям: в 1972—1973 гг. от исполнения депутатских обязанностей было отстранено около 700 лейбористов — членов местных органов власти, на непокорные городские советы были наложены огромные штрафы.⁶² Под этим нажимом все советы, кроме Клей Кросса, отступили. Туда же для выполнения жилищного законодательства был назначен правительственный чиновник. То, что члены городского совета Клей Кросса до конца сопротивлялись жилищному законодательству, в первую очередь объясняется тем, что они имели сильную поддержку со стороны профсоюзов и ощущали себя больше связанными с ними, чем обязанностью выполнять директивы правительства. Как заявил один из них — Д. Скиннер, «я — должностное лицо профсоюза и не считаю, что его членов нужно обворовывать на 1 фунт в неделю».⁶³ Таким образом, движение против жилищного законодательства успеха не добилося — закон «О финансировании жилищного строительства» в отличие от «Об отношениях в промышлен-

⁵⁸ Comment, 1972, 20 May, p. 162.

⁵⁹ Ibid., 1 July, p. 215.

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ Report of the Seventy-First Annual Conference of the Labour Party, p. 386.

⁶² Labour Weekly, 1974, 2 August, p. 12.

⁶³ Morning Star, 1972, 6 September, p. 1.

ности» стал выполняться; тем не менее это движение способствовало мобилизации трудящихся на борьбу против политики консерваторов. Положительную роль в развитии антимонополистической борьбы играло и зародившееся в эти годы движение по занятию бездомными пустующих домов, проживание в которых было недоступно им из-за высокой платы, установленной владельцами.

О падении популярности консерваторов свидетельствовали и результаты выборов в местные органы власти и дополнительных выборов в парламент. Особо чувствительным было завоевание весной 1973 г. лейбористами большинства в совете Большого Лондона. В послевоенные годы в Великобритании партия, получавшая большинство в Большом Лондоне, как правило, побеждала на следующих парламентских выборах. Однако лейбористы не смогли извлечь всех выгод из создавшегося положения, что использовали либералы и шотландские националисты.

В условиях явной неспособности правительства справиться с растущей волной забастовочного движения и его перехода к политике усиления прямого государственного вмешательства в дела экономики активизировались критики правительства в консервативной партии. С одной стороны, уже летом 1972 г., предлагая БКТ начать переговоры, директор КБП К. Адамсон допустил возможность изменения закона «Об отношениях в промышленности».⁶⁴ В сентябре 1973 г. был опубликован доклад группы экспертов КБП, где прямо говорилось, что закон потерпел неудачу.⁶⁵ С другой стороны, Э. Хит стал подвергаться все более сильной критике со стороны ультраправых. Э. Пауэлл открыто нападал на правительство за уступки шахтерам и судостроителям Верхнего Клайда, разрешение на въезд иммигрантам азиатского происхождения, изгнанных из Уганды, вступление в ЕЭС, «антиинфляционное законодательство» и т. д. Весной 1972 г. из правительства были удалены или ушли несколько министров, недовольных отказом от политики «хромых уток». Закон «О промышленности», предусматривавший государственные субсидии частным предприятиям, встретил сопротивление в парламентской фракции консерваторов, часть которой считала, что он противоречит политике, разработанной на конференции в Селедон Парке.⁶⁶ Из членов кабинета такую же позицию занимала М. Тэтчер.

С осени 1972 г. — после введения «антиинфляционной политики» — оппозиция справа стала выступать еще более открыто: она проявилась в участвовавших случаях голосования отдельных депутатов-консерваторов с лейбористами, даже когда

⁶⁴ The Times, 1972, 9 June, p. 19.

⁶⁵ Ibid., 1973, 7 September, p. 1.

⁶⁶ Norton Rh. Conservative Dissidents, p. 95—97.

речь шла о доверии правительству, в избрании на руководящие посты в парламентской фракции противников Э. Хита — Э. Дю Канна, Н. Ридлея и др. В мае 1973 г. Э. Пауэлл во время дополнительных выборов в округе Бромвич довольно явно поддержал кандидата «Национального фронта», а затем стал угрожать выходом из консервативной партии вообще.

Все эти разногласия свидетельствовали о разочаровании в правящем классе правительством Э. Хита, его неспособностью сломить сопротивление рабочего класса. Это подталкивало Э. Хита на более жесткую политику в отношении профсоюзов, поскольку новые неудачи означали бы крах его личной карьеры.

Осенью 1973 г. внутривластная ситуация в Великобритании резко обострилась в результате начавшегося энергетического кризиса. В этих условиях возник новый конфликт между правительством и шахтерами, в ходе которого рабочий класс нанес консерваторам решающее поражение.

То, что шахтеры всего через 1,5 года после удовлетворения их главных требований вновь потребовали повышения зарплаты, а затем решили бастовать, не было случайным. Инфляция и рост цен свели фактически на нет завоевания зимы 1972 г. Поэтому в сентябре 1973 г. профсоюз шахтеров потребовал увеличить заработную плату на 22% для квалифицированных рабочих, на 47 — для низкооплачиваемых, занятых на подземных операциях, и на 26% — для обслуживающих шахты на поверхности. Этим шахтеры хотели всего лишь восстановить свое материальное положение, поскольку по уровню зарплаты они за год опустились с третьего до шестого места. Тем не менее правительство отказалось удовлетворить их требования, поскольку они превосходили максимальный уровень, установленный третьей фазой «антиинфляционной политики». Э. Хит вновь пренебрег советом С. Болдуина, который в феврале 1972 г. напомнил ему Г. Макмиллан: «Есть три вещи, которые ни один британский премьер не должен провоцировать — Ватикан, казна и шахтеры».⁶⁷

Ввиду нежелания правительства идти на уступки шахтеры прекратили все сверхурочные работы с 12 ноября 1973 г., что привело к снижению добычи угля более чем на 1/3. При этом руководство профсоюза шахтеров заняло довольно гибкую, но принципиальную позицию: с одной стороны, оно отклонило все варианты соглашения, не предусматривавшие удовлетворение основных требований рабочих, а с другой — не стремилось немедленно объявить полное прекращение работ, пока не были исчерпаны все возможности для переговоров с правительством, чтобы то не могло возложить на них вину за начало конфликта и соответственно настроить общественное мнение. Ог-

⁶⁷ Roth A. Heath and the Heathmen, p. XIV.

ромная заслуга в выработке этой тактики принадлежала коммунистам — членам исполкома профсоюза шахтеров и прежде всего его вице-президенту М. Макгэхи, которого даже правая печать называла «главным хореографом»⁶⁸ борьбы шахтеров. Почти одновременно о намерении бастовать объявили машинисты железных дорог. Начала вырисовываться перспектива включения в борьбу других отрядов рабочего движения.

Правительство, для которого исход конфликта с шахтерами стал во многом вопросом принципиальным, тоже решило не отступить. Дело было не только в желании взять реванш за поражение зимой 1972 г., но и в самой стратегии наступления на права рабочего класса. Если бы судьба закона «Об отношениях в промышленности», который фактически уже не соблюдался, постигла и «антиинфляционную политику», то для консерваторов это означало бы полный крах. К тому же было совершенно очевидно, что, в случае успеха шахтеров, за ними, как и в 1972 г., в борьбу вступят другие отряды рабочего движения, и этот подъем будет уже не сдержать. Таким образом, хотя шахтеры выдвигали только экономические требования, их конфликт с правительством стал с самого начала приобретать политическую окраску. При этом важно отметить, что политизировать конфликт хотело само правительство, рассчитывая запугать этим мелкую буржуазию и недостаточно сознательную часть рабочих, не допустить поддержки ими справедливой борьбы шахтеров.

Прежде всего в средствах массовой информации началась злобная антикоммунистическая кампания — самая интенсивная за предшествующие годы. Тон ей задал сам премьер, не остановившийся перед искажением слов, сказанных М. Макгэхи во время переговоров членов правительства с руководителями профсоюза шахтеров. Бульварная пресса прямо утверждала, что коммунисты специально организуют забастовки с целью довести экономику до краха и свергнуть правительство. С грубыми нападками на коммунистов, работающих в профсоюзах, выступили в ходе парламентских дебатов многие депутаты-консерваторы. Небезынтересно отметить, что если при принятии закона «Об отношениях в промышленности» консервативная пропаганда твердила о необходимости укрепить официальное профсоюзное руководство перед лицом «безответственных» элементов, то теперь она кричала о «воинственном меньшинстве», «захватившем» власть в профсоюзах, и призывала «защищать» рядовых членов профсоюзов от «произвола» лидеров.

В ноябре 1973 г. было вновь введено чрезвычайное положение, установлены ограничения на продажу бензина и других нефтепродуктов, на отопление и освещение жилищ и всех зданий, рекламу и т. д. Наконец, с 1 января 1974 г. консерва-

⁶⁸ Economist, 1974, 2 February, p. 11.

торы пошли на поистине беспрецедентную меру, переведя под флагом «экономии электроэнергии» подавляющее большинство предприятий на трехдневную рабочую неделю, что, естественно, резко сказалось и на развитии экономики и на жизненном уровне трудящихся: заработная плата примерно 15 млн. рабочих была урезана на 40%, а число безработных из-за «временно уволенных» возросло до 2 млн. человек.⁶⁹ Буржуазная пропаганда всячески пыталась возложить ответственность на шахтеров за бедствия, обрушившиеся на население из-за этих ограничений, особенно чувствительных зимой.

С целью запугивания трудящихся начались и открытые репрессии: в декабре 1973 г. суд в Шрусбери осудил группу рабочих-строителей за пикетирование во время стачки, а фирма «Кон-мек» потребовала через Национальный трибунал по отношениям в промышленности компенсации за забастовку, объявленную рабочими после того, как она отказалась признать их профсоюз. С конца декабря 1973 г. — начала января 1974 г. начались открытые угрозы применения силы против рабочих. Если до этого создание специальных «разведывательных групп» в Скотланд-Ярде для слежки за бастующими и формирование «мобильных отрядов» для борьбы с пикетами тщательно скрывалось, то теперь об этом говорили с трибуны парламента, в печати, по телевидению и т. д. В январе 1974 г. в целях «борьбы с терроризмом» начались армейские маневры вблизи лондонского аэропорта Хитроу. Их задачей, как справедливо писала «Морнинг стар», было «подготовить использование войск и полиции в будущих классовых конфронтациях».⁷⁰ Да и буржуазная печать, причем не только бульварная, не скрывала, что маневры предназначены для запугивания не террористов, а шахтеров и поддерживающих их отрядов рабочего класса.⁷¹

Не обошлось и без вмешательства США: в середине января 1974 г. в Великобританию прибыло около 40 агентов ЦРУ для слежки за «подрывными элементами» в британских профсоюзах.⁷² Хотя и правительство Э. Хита, и американское посольство в Лондоне заявили, что им ничего не известно о деятельности агентов ЦРУ, эти сообщения еще более накалили обстановку. В одном из писем, опубликованных в «The Times», было высказано даже следующее предположение: «Граждане многих стран уже обнаружили, что возрастающая активность ЦРУ часто является прелюдией к военному перевороту. Не это ли мы должны сейчас ожидать в Великобритании?»⁷³

Вряд ли у сколько-нибудь значительной части правящего класса были в тот момент конкретные планы установления в

69 Международное рабочее движение. Справочник, с. 165.

70 Morning Star, 1974, 11 January, p. 1.

71 The Times, 1974, 11 January, p. 14.

72 Comment, 1974, February, p. 38—39.

73 The Times, 1974, 23 January, p. 15.

стране военной диктатуры. Но и единства по вопросу о том, что дальше делать, в правительстве и консервативной партии не было. В январе 1974 г. продолжались интенсивные переговоры Э. Хита, А. Барбера, лорда Каррингтона и других министров с лидерами БКТ и профсоюза шахтеров, но без успеха, так как ни на какие уступки шахтерам правительство идти не хотело. Был отклонен даже компромисс, предложенный лидерами БКТ и предусматривавший, что повышение зарплат шахтерам сверх нормы, установленной третьей фазой «антиинфляционной политики», не будет использован другими профсоюзами в качестве прецедента в переговорах о повышении зарплаты.⁷⁴ На созванном в начале января 1974 г. чрезвычайном заседании парламента Э. Хит заявил, что никакого исключения для шахтеров сделано не будет и никакое повышение зарплаты сверх нормы третьей фазы невозможно. В этих условиях исполком профсоюза шахтеров постановил провести голосование всех членов профсоюза по вопросу о полном прекращении работы. 81% высказался за забастовку.⁷⁵ Как только об этом стало известно утром 7 февраля 1974 г., Э. Хит телеграфировал королеве, находившейся с визитом в Австралии, просьбу распустить парламент и назначить выборы на 28 февраля. Получив согласие, премьер уведомил о нем лидера лейбористов Г. Вильсона и лидера либералов Дж. Торпа.

Объявление досрочных парламентских выборов не было неожиданным. Скорее даже, наоборот, странным казалось то, что они были объявлены в феврале, а не раньше. Еще в октябре 1973 г. Э. Хит дал указание аппарату консервативной партии начать подготовку к выборам, но подобные директивы давал почти каждый премьер за 18 месяцев до истечения срока полномочий парламента. Более серьезно этот вопрос встал после получения 6 декабря 1973 г. Э. Хитом меморандума своих политических советников, где предлагалось провести выборы досрочно ввиду ожидающегося ухудшения экономического положения страны в 1974 г., трудностей и разногласий, переживаемых лейбористами и либералами, необходимости укрепить авторитет правительства в борьбе с рабочим движением новым мандатом избирателей.⁷⁶ В пользу этого говорили и опросы общественного мнения, которые 7 декабря впервые за много месяцев показали, что консерваторы опережают лейбористов на 5%.

В этих условиях Э. Хит поручил Н. Лавсону подготовить проект предвыборного манифеста на случай чрезвычайных обстоятельств, причем введение трехдневной рабочей недели не

⁷⁴ Ibid., 10 January, p. 1.

⁷⁵ Morning Star, 1974, 5 February, p. 1.

⁷⁶ Hurd D. An end to promises. Sketch of a Government, 1970—1974, p. 120.

рассматривалось как подготовка общественного мнения к скорейшим выборам. После 1 января 1974 г. в резиденции премьера только и шли разговоры о дате новых выборов, но Э. Хит продолжал колебаться. Назначенный государственным секретарем по делам энергетики лорд Каррингтон начал уже готовиться к переходу к четырехдневной рабочей неделе, ссылаясь на возможность покупки дополнительно нефти в Иране и Саудовской Аравии, когда окончательное решение о проведении выборов было принято.

Причин для этих задержек и колебаний было несколько. Прежде всего в условиях кризиса в стране активизировались ультраправые критики Э. Хита в рядах консервативной партии. Правительство не оставило это незамеченным — в октябре 1973 г. на ежегодной конференции консервативной партии А. Барбер выступил с речью, расцененной как начало наступления на ультраправых. Затем Н. Ридлей был заменен на своем посту в парламентской фракции сторонником Э. Хита, а председатель партии лорд Каррингтон объявил о намерении ограничить права местных организаций путем перевода их служащих на жалование, выплачиваемое из центрального бюджета партии. Тем не менее критика справа продолжалась: Э. Пауэлл заявил в начале января 1974 г., что проведение досрочных выборов из-за забастовки шахтеров будет «аморальным»,⁷⁷ на заседании «Комитета 1922», объединяющего консервативных депутатов-заднескамеечников, стали раздаваться голоса о том, что надо не проводить выбора, а сменить премьера,⁷⁸ в журнале «Spectator» появились материалы, восхваляющие М. Тэтчер, причем она явно противопоставлялась Э. Хиту, хотя формально и не называлась в качестве его возможного преемника.⁷⁹ С этим давлением справа Э. Хит не мог не считаться, понимая, что в случае поражения на выборах его положение как лидера окажется под вопросом.

Кроме того, несмотря на то, что шахтеры действовали очень организованно и сплоченно и получили полную поддержку других отрядов рабочего движения, у правительства, видимо, существовали некоторые надежды на то, что шахтеры не проголосуют за ее проведение — ведь в 1972 г. решение о забастовке было принято незначительным большинством.

Наконец, сказались и тактические соображения — опросы общественного мнения давали консерваторам преимущество, хотя не всегда значительное, лейбористы были явно неподготовлены к выборам, не было закончено составление новых списков избирателей. Значение последнего фактора для определения даты выборов в буржуазной литературе заметно преувеличивает-

⁷⁷ Powell E. A Nation or No Nation? Six Years in British Politics. London, 1978, p. 85.

⁷⁸ The Times, 1974, 16 January, p. 2.

⁷⁹ Spectator, 1973, 8 December, p. 738.

ся. Действительно, сначала лейбористы утверждали, что проведение выборов до 15 февраля, когда по закону должны быть составлены новые списки избирателей, будет «нарушением конституции».⁸⁰ Но скоро и они признали несерьезность этого аргумента. Поэтому главную роль в том, что выборы состоялись 28 февраля, а не 7, как настаивал лорд Каррингтон, сыграли, конечно, другие причины.

Правительство Э. Хита пошло на проведение всеобщих выборов не только потому, что все опросы предсказывали ему победу, но и ввиду того, что оно исчерпало все средства сломить сопротивление рабочих, кроме применения открытой военной и полицейской силы, а это было слишком рискованно. Победа же на выборах, особенно с увеличением парламентского большинства, должна была, по мнению консерваторов, или усилить реформистские иллюзии среди рабочих и заставить их отступить, или же позволить правительству, опираясь на «мандат избирателей», силой навязать профсоюзам свою политику.

Впоследствии правые круги консервативной партии обвиняли Э. Хита в том, что он допустил ошибку, проведя по вопросу о конфликте с шахтерами выборы, а не референдум.⁸¹ Трудно сказать, имело ли правительство шансы на победу в случае проведения подобного референдума. В принципе такой возможности исключать нельзя, поскольку часть мелкой буржуазии была напугана забастовкой шахтеров, нарастающим экономическим и политическим кризисом, злобной антикоммунистической пропагандистской кампанией. Однако в тот момент — январь — февраль 1974 г. — с инициативой проведения референдума никто не выступал. Эта идея появилась через несколько лет после указанных событий.

Консерваторы выдвинули своих кандидатов в 633 округах. Их предвыборный манифест состоял в основном из прославления политики правительства Э. Хита и грубых нападок на рабочее движение, особенно на шахтеров. В нем заявлялось о намерении продолжать линию на жесткий принудительный контроль за заработной платой в рамках «антиинфляционной политики», укрепить репрессивный аппарат для поддержания «законности и порядка», сохранить закон «Об отношениях в промышленности», хотя и оговаривалась возможность его изменения, продолжать членство в ЕЭС. Все это сопровождалось многочисленными демагогическими утверждениями о том, что страна должна сделать выбор между умеренностью и экстремизмом, о том, кто ею правит — правительство или профсоюзы.⁸²

Одной из сложностей для предвыборной пропаганды консер-

⁸⁰ The Times, 1974, 14 January, p. 1.

⁸¹ Boyson Rh. Centre Forward. A Radical Conservative Programme, p. 166.

⁸² The Times, 1974, 11 February, p. 4—5.

ваторов был еще более открытый конфликт, чем в 1970 г., между Э. Хитом и Э. Пауэллом. Дело дошло до того, что руководство консервативной партии отклонило предложения трех окружных организаций о выдвижении кандидатами в парламент лиц, являющихся членами «клуба понедельник» и известных своей близостью к Э. Пауэллу.⁸³ До этого подобных случаев фактически не было. Сам Э. Пауэлл решил, что время для превращения в жизнь его угрозы о разрыве с консерваторами настало. 7 февраля 1974 г. — в день объявления всеобщих выборов — он направил письмо председателю организации консервативной партии округа Южный Вулвергемптон, в котором объявил об отказе баллотироваться в парламент, поскольку проведение выборов является «актом полной безответственности» и он не может просить избирателей голосовать за политику, полностью противоположную той, которую консерваторы предлагали в 1970 г.⁸⁴ За день до выборов Э. Пауэлл заявил, что отдает свой голос лейбористам. Этим он совершил, по сути дела, политическое самоубийство, поскольку превратился для консерваторов в «предателя». Ущерб Э. Хиту он, конечно, нанес, но сам превратился из ведущего политического деятеля во второстепенную фигуру. Но поражения консерваторов с целью смещения Э. Хита желал не только Э. Пауэлл. Как пишет в биографии М. Тэтчер близкий к ней в то время в политическом отношении обозреватель журнала «Spectator» Н. Косгрейв, она в глубине души надеялась на поражение Э. Хита.⁸⁵

Не было у консерваторов и той единодушной поддержки правящего класса как в 1970 г. Так управляющий Английским банком Дж. Ричардсон высказал явный пессимизм в отношении перспектив развития британской экономики в последующие 10 лет в случае роста дефицита платежного баланса. Поскольку за годы правления консерваторов он существенно увеличился, это было расценено как критика правительства.⁸⁶

Определенное недовольство вызывало у части правящего класса и стремление правительства обострить конфронтацию с профсоюзами — часть предпринимателей была готова увеличить зарплату рабочим, чтобы избежать забастовок, но не могла сделать этого из-за ограничений, установленных «антиинфляционной политикой».⁸⁷ К. Адамсон пошел еще дальше, высказавшись за отмену закона «Об отношениях в промышленности».⁸⁸ Руководство КБП тут же отмежевалось от этого заявления, охарактеризовав его как «частное мнение». Очевидно,

⁸³ Sunday Times, 1974, 17 February, p. 18.

⁸⁴ Powell E. A Nation or No Nation?.. p. 91.

⁸⁵ Cosgrave P. Margaret Thatcher. A Tory and her Party. London, 1978, p. 142.

⁸⁶ The Times, 1974, 16 January, p. 1.

⁸⁷ Calvocoressi P. The British Experience (1945—1975), p. 101.

⁸⁸ The Times, 1974, 27 February, p. 1.

однако, что К. Адамсон, делая его, был уверен в поддержке влиятельных кругов. В связи с этим следует несколько иначе взглянуть на причины уменьшения денежных дотаций консервативной партии в 1973—1974 гг. В. А. Горбик объясняет это тем, что монополии нашли более скрытые формы финансирования.⁸⁹ С этим нельзя не согласиться, но думается, что это отражало также и разочарование части буржуазии в правительстве Э. Хита.

Лейбористская партия выдвинула своих кандидатов в 623 округах. В ее предвыборном манифесте, как и в принятой в 1973 г. «Лейбористской программе для Британии», провозглашалось, что целью партии является социализм и что в случае прихода к власти лейбористское правительство произведет «фундаментальный и необходимый сдвиг в балансе власти и богатстве в пользу рабочих и их семей».⁹⁰ Конкретные меры, включенные в манифест, предусматривали национализацию некоторых отраслей, отмену закона «Об отношениях в промышленности» и «антиинфляционного» законодательства консерваторов, сокращение военных расходов, проведение переговоров для выработки новых условий членства Великобритании в ЕЭС и вынесение их результатов на суд избирателей путем всеобщих выборов или референдума. В области внешней политики лейбористы высказывались за проведение политики разрядки напряженности. В целом предвыборный манифест был одним из наиболее радикальных за многие годы, хотя и носил несколько более ограниченный характер, чем «Лейбористская программа для Британии» 1973 г.

Либеральная партия выдвинула наибольшее за многие годы число кандидатов.— 517. Ее манифест предусматривал урегулирование конфликта с шахтерами в рамках «антиинфляционной политики» с последующим увеличением зарплаты в связи с ростом производства, сохранение политики принудительного ограничения зарплаты, продолжение членства в ЕЭС. Либералы обещали отменить закон «Об отношениях в промышленности», но вместо него предлагали другие меры, ограничивающие право на забастовку.⁹¹ Как и в 1970 г., много говорилось о проблеме свобод, хотя и в чисто абстрактной форме. В целом, хотя в манифесте и содержались многочисленные нападки на консерваторов и лейбористов, он был, по определению коммунистов, «торизмом в другом облике».⁹²

Шотландские националисты баллотировались во всех округах Шотландии, кроме одного, где кандидатом был бывший лидер либералов Д. Гримонд — известный сторонник автономии

⁸⁹ Горбик В. А. Консервативная и либеральная партия в политической системе послевоенной Англии. Киев, 1977, с. 91.

⁹⁰ The Times, 1974, 9 February, p. 5.

⁹¹ Ibid., 13 February, p. 6—7.

⁹² Morning Star, 1974, 13 February, p. 1.

Шотландии. Главным, на чем строилась вся предвыборная стратегия ШНП, были спекуляции на судьбе месторождений нефти в Северном море: «Хотите ли Вы быть богатыми шотландцами или бедными британцами». Основными требованиями шотландских националистов были использование прибылей от добычи нефти в Северном море для развития Шотландии, проведение референдума о членстве в ЕЭС, замораживание цен на основные продукты питания.

Плайд Камри, чьи кандидаты участвовали в выборах во всех 36 округах Уэльса, призывала к созданию в качестве первого шага парламента в Уэльсе в соответствии с предложениями комиссии лорда Килбрэндона, равноправию английского и валлийского языков, установлению общенационального минимума зарплаты, национализации жизненно важных отраслей экономики.

Необычайно активно включился в предвыборную кампанию «Национальный фронт», выставивший 54 кандидата, а не 10, как в 1970 г. Почти все они участвовали в выборах в тех округах, где кандидатами консерваторов были сторонники Э. Хита, а не ультраправые. Главными лозунгами «Национального фронта» были высылка из страны цветных иммигрантов, выход из ЕЭС, укрепление связей с государствами — членами Содружества, населенными белыми.

5 кандидатов выдвинуло Движение за социал-демократию. Во всех этих округах лейбористскими кандидатами были левые. Поскольку, кроме Д. Таверна в округе Линкольн, шансов на успех у социал-демократов не было, главной целью их участия в выборах было стремление расколоть голоса сторонников лейбористов и облегчить победу консерваторам. Не удалось договориться и о единстве с либералами, которые согласились не выдвигать своего кандидата только против самого Д. Таверна.

Кандидатов КПВ на этот раз было 44, а не 58, как в 1970 г. Это объяснялось опасениями раскола голосов, подаваемых за рабочие партии, что было бы на руку консерваторам, а также ограниченностью финансовых средств КПВ. Коммунисты призвали избирателей нанести поражение консерваторам, добиться прихода к власти лейбористского правительства, проводящего под давлением народных масс левую политику, и избрать в парламент их кандидатов.

Кроме этого, в выборах приняли участие различные северо-ирландские партии и группы, а также несколько ультралевых и независимых кандидатов. Всего на 635 депутатских мест претендовало 2135 кандидатов — рекордное число за все послевоенные годы (до этого максимальное число — 1868 — было в 1950 г.).⁹³

⁹³ The Times, 1974, 28 February, p. 6.

Предвыборная кампания и всеобщие выборы проходили в необычной обстановке — в стране действовало чрезвычайное положение, а одна из ключевых отраслей экономики — угольная промышленность — была охвачена забастовкой. Такого в Великобритании за всю ее историю не было. Тем не менее протекала она довольно интенсивно. Консерваторы свою предвыборную стратегию построили на запугивании избирателей «коммунистической угрозой» и грубых, клеветнических нападках на профсоюз шахтеров и его руководителей-коммунистов. Э. Хит обратился к рабочим с демагогическим призывом не бастовать до выборов. Г. Вильсон, хотя и отмежевался от политики консерваторов, тоже обратился к шахтерам и железнодорожникам с предложением отсрочить проведение забастовок на время предвыборной кампании. Железнодорожники согласились это сделать, но шахтеры решительно отвергли все подобные призывы и 10 февраля забастовали. Хотя коммунисты были объектом лживых нападок со стороны других политических партий, им вновь отказали в возможности ответить через средства массовой информации. Протест Дж. Голлана директору Би-би-си по этому поводу был оставлен без внимания.⁹⁴

Выборы прошли при большой активности избирателей — 78,1% их пришли к урнам для голосования. Итоги оказались совершенно неожиданными: впервые с 1929 г. ни одна партия не получила в парламенте абсолютного большинства. Вопреки почти всем опросам общественного мнения, которые предсказывали победу консерваторам, те получили на 1,2 млн. голосов меньше, чем в 1970 г., и располагали всего лишь 296 мандатами. Антикommунистическая и антипрофсоюзная пропаганда не дала того эффекта, на который они рассчитывали. Определенный ущерб консерваторам нанес и Э. Пауэлл: если в целом по стране в городских округах сдвиг в пользу лейбористов составил 2—3%, то в его округе и соседних районах он был равен 7,5%.⁹⁵ Но и лейбористы не смогли добиться успеха: даже в условиях подъема рабочего движения и всеобщего недовольства правительством Э. Хита они потеряли 600 тыс. голосов по сравнению с 1970 г. Однако из-за мажоритарной системы они завоевали 301 место в парламенте, хотя получили на 200 тыс. голосов меньше, чем консерваторы.⁹⁶

Число голосов за либералов возросло с 2,1 до 6,1 млн. Особенно много сторонников либералов оказалось среди молодежи в возрасте 18—24 лет. В 1970 г. за них голосовало 8% ее, а в феврале 1974 г. — 25%, т. е. почти столько же, сколько за консерваторов.⁹⁷ Но, несмотря на то, что они получили 19,3% всех

⁹⁴ Morning Star, 1974, 21 February, p. 1.

⁹⁵ Butler D. and Kavanagh D. The British General Election of February 1974, p. 331—332.

⁹⁶ The Times, 1974, 2 March, p. 1—2.

⁹⁷ Comment, 1974, 30 November, p. 371.

голосов, либералам досталось лишь 14 парламентских мандатов.⁹⁸ Плайд Камри впервые смогла на всеобщих выборах провести своих кандидатов в парламент, причем сразу 2, а шотландские националисты расширили свое представительство до 7.

Д. Таверн был избран, но на этот раз с ничтожным большинством. Победу в своем округе одержал и независимый лейборист Э. Мильн.

В Северной Ирландии юнионисты в союзе с ультраправыми выступили под лозунгом борьбы с саннингдейльскими соглашениями и завоевали вместе 11 мест. Одно место досталось североирландским лейбористам.

«Национальный фронт» по количеству голосов в собственно Англии вышел на четвертое место, но в процентном отношении произошло уменьшение, особенно там, где присутствовали кандидаты либералов, сумевшие перехватить часть потенциальных сторонников «Национального фронта». В двух же округах (Восточный Лейстер и Грейвсэнд) присутствие кандидатов «Национального фронта», видимо, стало одной из главных причин поражения консерваторов, пострадавших из-за разделения голосов между правыми партиями.

Ничтожное число голосов получили троцкисты из «рабочей революционной партии» и «международной марксистской группы».

КПВ получила несколько меньше голосов, чем в 1970 г. Это объясняется злобной антикоммунистической кампанией и опасениями части избирателей, что в случае разделения голосов между кандидатами от лейбористской и коммунистической партий победит консерватор.

Таким образом, парламент, избранный 28 февраля 1974 г., оказался в партийном отношении одним из самых пестрых, что отражало глубокий кризис британской политической системы. В социальном отношении, однако, сколько-нибудь существенных изменений в составе депутатов не произошло.

Главным результатом выборов было поражение консерваторов, которые, располагая прочным большинством, обратились к стране за новым мандатом и оказались в меньшинстве. Однако правительство Э. Хита подавать в отставку не собиралось. 1 марта, когда итоги выборов стали ясны, премьер отправился в Букингемский дворец и информировал королеву, вынужденную прервать свою зарубежную поездку и срочно вернуться в Лондон, о «текущем политическом положении», но в отставку не подал. Более того, консерваторы начали переговоры с некоторыми другими партиями о коалиции. Эта задача оказалась довольно сложной, поскольку во время предвыборной кампании все три крупнейшие партии отвергали ее возможность и сра-

⁹⁸ The Times, 1974, 2 March, p. 1—2.

эу отказаться от своих заявлений не могли. Кроме того, абсолютным большинством в парламенте мог располагать или союз консерваторов с лейбористами, о котором буржуазная печать писала как о желательном, но невозможном,⁹⁹ или коалиция одной из главных партий как минимум с двумя малыми.

Э. Хит начал с переговоров с либералами: в первых числах марта он дважды встречался с Дж. Торпом и предлагал его партии несколько министерских постов, включая одно в кабинете. При этом Э. Хит стремился использовать то обстоятельство, что по двум ключевым проблемам — членство в ЕЭС и принудительный контроль над зарплатой — позиции обеих партий совпадают.¹⁰⁰

Предложение Э. Хита вызвало бурную дискуссию и в либеральной партии. У некоторых ее деятелей явно появился соблазн наконец-то попасть в министерские кресла. Так, Д. Гримонд заявил, что, хотя время для коалиции не самое удачное, шанс упускать нельзя, и в случае согласия Э. Хита на включение либералов в кабинет, введение пропорциональной системы на парламентских выборах и предоставление автономии Шотландии либералы должны дать ему положительный ответ. Самого Д. Гримонда стали называть уже наиболее вероятным государственным секретарем по делам Шотландии, причем высказывалось предположение, что он сможет привлечь к коалиции и шотландских националистов.¹⁰¹

Другая часть либералов считала, что должны быть оговорены и некоторые условия при проведении социально-экономической политики. Однако все эти предложения столкнулись с сильной оппозицией, особенно в низовых звеньях либеральной партии. Часть либералов с полным основанием опасалась, что спасение потерпевшего поражение правительства Э. Хита лишь дискредитирует партию перед лицом ее новых сторонников, большинство которых как раз и пришло к ним из-за разочарования в консерваторах. Они решительно высказались против любого соглашения с консерваторами.¹⁰²

Да и среди консерваторов не было готовности идти на такую крупную уступку, как введение пропорциональной системы. Кое-кто из видных консерваторов, М. Тэтчер, например, вообще были против коалиции.¹⁰³ В этих условиях Э. Хит был вынужден отклонить предложение либералов о введении пропорционального представительства, а те отказались участвовать в коалиции. Параллельно Э. Хит попытался договориться с североирландскими юнионистами, предложив им вновь присоединиться к консерваторам, но получил отрицательный ответ. Юни-

⁹⁹ The Times, 1974, 2 March, p. 15.

¹⁰⁰ Ibid., 5 March, p. 2.

¹⁰¹ Ibid., 4 March, p. 2.

¹⁰² Guardian, 1974, 2 March, p. 1.

¹⁰³ Cosgrave P. Margaret Thatcher. A Tory and her Party, p. 142.

онисты заявили, что победили на выборах в союзе с ультраправыми и поэтому предложение премьера должно быть адресовано и тем. Одновременно все 11 правых депутатов от Ольстера подтвердили свою оппозицию саннингдейльским соглашениям, осуществление которых консерваторы обещали в своем предвыборном манифесте.¹⁰⁴ Договориться, таким образом, оказалось невозможным.

Оставался и еще один вариант коалиции. 4 марта 1974 г. парламентская фракция либералов призвала консерваторов и лейбористов сформировать вместе с ними правительство из представителей всех трех партий.¹⁰⁵ Эта идея не была полностью беспочвенной, поскольку, как показывали опросы общественного мнения, значительная часть избирателей поддерживала ее. Консерваторам это давало шанс остаться у власти, поэтому в тот же день лидер палаты общин в кабинете Э. Хита Дж. Прайор, выступая по телевидению, объявил о готовности рассмотреть предложение о формировании правительства из представителей трех партий. Тогда высказывалось мнение, что Дж. Прайор действовал по поручению самого Э. Хита, который предпочитал в данном случае остаться в тени.¹⁰⁶ И действительно, широкой поддержки среди консерваторов идея трехпартийного правительства не получила. Что же касается лейбористов, то они сразу же после объявления результатов выборов заявили о готовности сформировать однопартийное правительство меньшинства и отказались от участия в переговорах о коалиции.

Между тем действия Э. Хита привели к тому, что экономический и политический кризис был дополнен конституционным. Ссылка консерваторов на то, что они получили на 1% голосов больше, чем лейбористы, и поэтому имеют право оставаться у власти, была ничем не обоснованной. Более того, она противоречила прецеденту (а их роль в британской политической жизни очень велика), когда в 1929 г. С. Болдуин после выборов, на которых консерваторы получили больше голосов, но меньше мест в парламенте, чем лейбористы, немедленно подал в отставку и рекомендовал королю назначить премьером лидера лейбористов Р. Макдональда, что и было сделано. Теперь же монархия, несмотря на этот прецедент, явно помогала консерваторам остаться у власти, еще раз демонстрируя, что она отнюдь не беспристрастна в политических делах. Все это грозило подорвать ее авторитет как «хранительницы конституции», что вызвало раздражение даже в правых кругах.¹⁰⁷

Однако решающую роль в провале попыток консерваторов остаться у власти сыграли выступления трудящихся. По всей Великобритании прошли митинги и демонстрации с требованиями

¹⁰⁴ The Times, 1974, 2 March, p. 2.

¹⁰⁵ Ibid., 5 March, p. 2.

¹⁰⁶ Guardian, 1974, 5 March, p. 1.

¹⁰⁷ The Times, 1974, 4 March, p. 15.

ем отставки консервативного правительства и передачи власти лейбористам. К этому призвали лейбористская и коммунистическая партии, Генсовет БКТ и многие другие левые организации. Профсоюз шахтеров заявил, что будет продолжать забастовку до полного удовлетворения своих требований. С решимостью рабочего движения продолжать борьбу не могли не считаться ни консерваторы, ни их возможные союзники.

4 марта 1974 г. Э. Хит вновь отправился в Букингемский дворец и вручил прошение об отставке. В нарушение традиции, когда уходящий в отставку премьер называет монарху имя своего преемника, Э. Хит этого не сделал. Немедленно появились слухи о возможности того, что королева пригласит к себе лидеров трех крупнейших партий и попросит их договориться о коалиционном правительстве.¹⁰⁸ Этого однако не произошло — о твердом отказе лейбористов всем было хорошо известно. Через несколько часов в Букингемский дворец был приглашен Г. Вильсон, которого королева уполномочила сформировать однопартийный кабинет меньшинства. Широко разрекламированная буржуазной пропагандой «тихая революция» Э. Хита потерпела полный крах.

¹⁰⁸ Guardian, 1974, 5 March, p. 1.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Каковы же причины краха «тихой революции» Э. Хита, на которую правящие круги возлагали столь большие надежды?

Главной причиной была, конечно, борьба трудящихся в авангарде с рабочим классом против антинародной политики консерваторов. Решающую роль тут сыграли забастовки, в которых, как отмечал Ф. Энгельс, проявляется «своеобразное мужество англичанина».¹ В отличие от прошлых лет, когда большинство забастовок проходило почти исключительно под экономическими лозунгами, на этот раз многие из них, направленные против закона «Об отношениях в промышленности» и «антиинфляционной политики», неизменно приобретали политическую окраску вне зависимости от субъективных намерений их участников. Особенно ярко это проявилось во время «дней действия» и «дня протеста», проведенных профсоюзами, забастовки-наоборот судостроителей Верхнего Клайда и последующих забастовок-наоборот и «сидячих оккупаций», стачек шахтеров 1972 г. и 1974 г. Важную роль в подъеме классовой борьбы в эти годы сыграло успешное применение рабочим движением новых форм и методов, таких, как забастовки-наоборот, летучие пикеты и т. д. Наконец, под влиянием борьбы рабочего класса в конфронтацию с правительством консерваторов включились и другие силы — движения против жилищного законодательства, вступления в «Общий рынок» и т. д., охватывающие самые широкие слои трудового населения. Между отдельными отрядами

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 448.

трудящихся не было должной координации, они не выработали четкой и последовательной программы действий, но в сумме все эти выступления в авангарде с профсоюзами сделали невозможным осуществление политики Э. Хита. В Великобритании стала складываться ситуация, когда рабочим классом, хотя он и не претендовал на власть сам, нельзя уже было управлять по-старому. Рабочий класс и его самая массовая организация — профсоюзы — вновь продемонстрировали силу и готовность защищать свои традиционные права, благодаря чему смогли выйти победителями из острой классовой схватки, добившись отставки консервативного правительства Э. Хита и отмены двух его наиболее ненавистных мер, наносящих наибольший вред жизненному уровню трудящихся — закона «Об отношениях в промышленности» и «антиинфляционной политики».

Другой причиной краха «тихой революции» оказалась неспособность правительства Э. Хита привлечь на свою сторону мелкую буржуазию и другие средние слои. Хотя консервативная пропаганда потратила немало усилий для прославления мелкого бизнеса, на практике для него было сделано очень мало. Большинство мероприятий, которые могли бы облегчить положение мелких предпринимателей и средних слоев (налоговая скидка 1973 г., политика в области жилищного строительства и здравоохранения и т. д.), претворены в жизнь в силу различных причин, в том числе и из-за кратковременности пребывания правительства Э. Хита у власти, не были. А между тем факторы, ухудшающие их положение — политика «хромых уток», конкуренция из других стран Западной Европы после вступления в ЕЭС и особенно энергетический кризис, — действовали в полной мере. В этих условиях ввиду ухудшения социально-экономического положения средних слоев в начале 70-х годов их связи с правящим классом несколько ослабели. Поэтому правительству Э. Хита в отличие от своих консервативных предшественников не удалось привлечь их на свою сторону даже самой разнузданной антикоммунистической, антипрофсоюзной кампанией, которую оно вело в конце 1973 — начале 1974 г.

Кроме того, ввиду неспособности правительства Э. Хита нанести поражение рабочему движению в классовой конфронтации ослабела и поддержка его со стороны монополистического капитала, столь восторженно приветствовавшего победу консерваторов на выборах 1970 г. Классовая конфронтация такого масштаба и такой остроты оказалась для большинства буржуазии явной неожиданностью. Ее продолжение угрожало самыми серьезными последствиями. Поэтому в правящем классе стали все решительнее раздаваться голоса за целесообразность временного отступления и перегруппировки сил перед новым наступлением на трудящихся. Это нашло свое выражение в критике правительства Э. Хита с самых различных позиций даже внутри консервативной партии.

Хотя консервативное правительство Э. Хита находилось у власти меньше 4 лет, ход внутривластной борьбы в эти годы оказал глубокое воздействие на последующее развитие Великобритании.

Прежде всего одним из ее главных результатов было дальнейшее расшатывание политической системы страны. Великобритания вступила в полосу политической нестабильности — самую продолжительную за многие годы. В течение одного 1974 г. парламентские выборы проходили дважды, чего не было с 1910 г. Затем в течение нескольких лет у власти находилось лейбористское правительство, не располагающее абсолютным большинством в парламенте и вынужденное зависеть от поддержки других партий. Это, однако, не спасло его от вотума недоверия в парламенте в марте 1979 г. (предыдущее вынесение его правительству было в 1924 г.).

Во второй половине 70-х — начале 80-х годов еще большее развитие получил кризис двухпартийной системы. В 1975 г. ультраправые круги консервативной партии добились замены Э. Хита на посту лидера своим ставленником — М. Тэтчер. Концепции «новых правых», зарождавшиеся в конце 60-х — начале 70-х годов, стали официальной идеологией консервативной партии. Э. Хит оказался теперь уже во главе умеренной оппозиции М. Тэтчер внутри партии. Приход к власти в 1979 г. консервативного правительства М. Тэтчер сопровождался резким увеличением военных расходов, смыканием по основным международным проблемам с наиболее реакционными кругами американского империализма, дальнейшим возрастанием авторитарных тенденций во внутривластной жизни, новым наступлением на жизненный уровень трудящихся, прежде всего увеличением безработицы.

Новые атаки предпринимаются и на права профсоюзов, причем правительство М. Тэтчер пошло здесь значительно дальше своих консервативных предшественников начала 70-х годов, поставив под вопрос само право трудящихся некоторых отраслей создавать профсоюзы. Хотя на выборах в июне 1983 г. консерваторы ввиду ряда благоприятных факторов смогли завоевать значительное большинство в парламенте, однако число голосов, полученных ими, несколько сократилось.

В последние годы лейбористы занимают все более радикальную позицию по многим политическим и экономическим проблемам и выступают в качестве левой альтернативы курсу консерваторов.

В конце 70-х — начале 80-х годов лейбористы стали активно выступать против гонки вооружений и размещения в Великобритании американских крылатых ракет, за выход из «Общего рынка», за проведение национализации важнейших отраслей, против безработицы и падения жизненного уровня трудящихся.

Левым силам в последнее десятилетие в целом удалось укрепить свои позиции и в руководящих органах лейбористской партии, добиться некоторой демократизации ее внутренней структуры. Все это создает благоприятные условия для дальнейших сдвигов влево в лейбористской партии. Тем не менее далеко не все проблемы в партии решены успешно, остается немало сложностей и проблем, которые стали одной из главных причин поражения лейбористов на парламентских выборах 1983 г. В этих условиях вновь активизировались сторонники создания «третьей партии», первая попытка которой была предпринята Д. Таверном. В январе 1981 г. группа правых лейбористов создала социал-демократическую партию, вступившую в блок с либералами, известный под названием «альянса». Альянс смог добиться завоевания значительного числа голосов от лейбористов и некоторого — от консерваторов на парламентских выборах 1983 г., однако по своему влиянию и в парламенте, и в стране все еще существенно отстает от двух крупнейших партий. Тем не менее альянс представляет из себя совершенно новый фактор в политической жизни Великобритании, с которым нельзя не считаться. В условиях углубления кризиса британского империализма, обострения социально-экономических проблем и активизации борьбы трудящихся за свои права обычное функционирование двухпартийной системы, как это было в 50-е — начале 60-х годов, оказалось затруднительным. Все это вынуждает правящие круги прибегать и к внешним факторам для решения внутривнутриполитических проблем, как это имело место в 1982 г. в связи с фолклендским кризисом. Тем не менее, как показали парламентские выборы 1983 г., кризисные явления в двухпартийной системе пока не привели к ее распаду, симпатии значительной части правящих кругов все еще остаются на ее стороне.

Классовая конфронтация первой половины 70-х годов, поражение, нанесенное трудящимися консервативному правительству Э. Хита, способствовали ускорению сдвига влево в рабочем движении Великобритании. Этот процесс охватил профсоюзы, лейбористскую партию, другие рабочие и демократические организации, самые широкие слои трудящихся. В то же время, как отмечается в программе КПВ «Путь Британии к социализму», «в большинстве случаев различные движения не вышли за стадию оборонительной борьбы, они были часто изолированы друг от друга, а сдвиг влево в профсоюзном движении не сопровождался сопоставимым политическим сдвигом среди народных масс».² Как справедливо отмечал Дж. Уоддис, левые силы пока не нашли эффективных путей повышения политической сознательности масс в ходе борьбы за экономические требования.³

² The British Road to Socialism, p. 14—15.

³ Morning Star, 1977, 20 December, p. 2.

В этих условиях особую значимость приобретает борьба за сплочение всех левых, демократических сил, преодоление раскола рабочего движения, создание единого фронта всех выступающих против гнета монополий сил во главе с рабочим классом, так как, когда «рабочие осознают, чего они хотят, в их руках окажется и государство, и земля, и промышленность, и все».⁴

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 299.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Великобритания на рубеже десятилетий: кризис обостряется, консерваторы приходят к власти	8
Глава II. Усиление антидемократических тенденций в государственном строе Великобритании в 1970—1974 гг.	37
Глава III. Социально-экономическая политика консервативного правительства Э. Хита — новое наступление на жизненный уровень трудящихся	70
Глава IV. Начало перегруппировки сил в лагере оппозиции	96
Глава V. Классовая конфронтация беспрецедентного масштаба	121
Заключение	154

ИБ № 1799

Константин Константинович Худолей

**Внутриполитическая борьба
в Великобритании
(1970—1974 гг.)**

Редактор *Н. Л. Никитина*

Художественный редактор *А. Г. Голубев*

Технический редактор *А. В. Борщева*

Корректоры *М. В. Унковская, В. А. Латыгина*

Сдано в набор 23.11.83. Подписано в печать 12.04.84. М-25308. Формат бум. 60×90^{1/16}.
Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 10.
Усл. кр.-отг. 10,19. Уч.-изд. л. 10,69. Тираж 1051 экз. Заказ № 40. Цена 1 р. 60 к.
Издательство ЛГУ имени А. А. Жданова. 199164, Ленинград, Университетская наб., 7/9.

Типография Изд-ва ЛГУ им. А. А. Жданова. 199164, Ленинград, Университетская наб., 7/9.

1 р. 60 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА